

ISS N0130-3600

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

საბჭოთავი
საბჭოთავი

1980

9

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

Издается с июня 1957 года

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

- ИОСИФ НОНЕШВИЛИ. Истина, знамя,
семья. Стихи. Перевод Сергея Али-
ханова 3
- АЛЕКСАНДР ШАНИДЗЕ. Стихи. Перевод
Леонида Темина 4
- АНЗОР САЛУКВАДЗЕ. Наниль. Поэма.
Перевод Леонида Темина 55

ПРОЗА

- АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ. Невестка. Рассказ 7
- АВТАНДИЛ ГАЛДАВАДЗЕ. Рассказы. Пе-
ревод Ушанги Рижинашвили 93
- МЕРАБ АБАШИДЗЕ. Рассказы. Перевод
Георгия Сартаня 103
- АЛЕКСАНДР КАЛАНДАДЗЕ. Нейшнев-
ская клятва. Роман. Перевод Аллы
Перим 113

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- СВЕТЛАНА СЕМЕНОВА. Человек, приро-
да, бессмертие в поэзии Николая За-
болоцкого 134

9

1980

РЕЦЕНЗИИ

МИХАИЛ КВЛИВИДЗЕ. Путь, избранный поэтом	153
ЭММАНУИЛ ФЕЙГИН. А завтра новый маршрут	158
В горах мое сердце	163

ПУБЛИЦИСТИКА

ГЕОРГИЙ СТУРУА. США—Латинская Аме- рика: противоречия непримиримы	165
--	-----

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГРУЗИИ»

Вокруг Джуны. (Запись беседы Ю. Гольд- мана и Э. Елигулашвили)	181
---	-----

ДОКУМЕНТЫ. ПИСЬМА. ВОСПОМИНАНИЯ

ЗАХАРИЙ ШВЕЛИДЗЕ. О пребывании поль- ских революционеров в Закавказье во второй половине XIX века	191
---	-----

ПАМЯТИ ЛАДО ГУДИАШВИЛИ

ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ. Бессмертное много- цветье	199
ЮРИЙ КАМИНСКИЙ. Те мартовские дни 1958 года	201

ИСКУССТВО

ГЕОРГИЙ ХОШТАРИЯ. Вопросы генезиса творчества Нико Пиросманашвили	204
ЭТЕРИ ДУМБАДЗЕ. «Пламенный поток в гранитном русле»	215
ХРОНИКА	220
ОБ АВТОРАХ ЭТОГО НОМЕРА	222

МОЙ ДРУГ ДОРОГОЙ

Друг единственный, прекрасный,
Как хочу в тебя взглядеться!
Друг единственный, прекрасный,
Что тебе печалит сердце?
Я еще приду, ты знаешь,
Чтоб увидеть, точно внове:
Вот ты розы собираешь,
Я ж — цветы твоей любви...
Днем и ночью, ежечасно
Сердце страждет беспредельно:
Мне с тобой — и смерть прекрасна,
Без тебя — и жизнь смертельна.
Да сольются невозбранно
Слезы счастья — наши слезы,
Друг единственный, желанный,
Ты — невянущая роза!
Я гляжу на лик любимой:
Эта прелесть, вероятно,
Даже с солнцем не сравнима,
Потому что — незакатна!
Знать мне нужно неперестанно:
Где ты, что сейчас с тобою?
Рождена ты — талисманом,
Мне дарованным судьбою.

ГДЕ РУСТАВЕЛИ!

Ты был факел человечности
В сумраке далеком.
Может быть ли, что в отечестве
Ты не слыл пророком?
Даже ветер стонет ныне:
«Где наш Руставели?»...
На какой тебя чужбине
Чьи ветра отпели,
Где склонили скорбно кроны
Тополя, вещая,

Что с небес крылом вороньим
Рухнул миг прощанья?
Росы, словно слезы, стынут.
Вижу наяву я
В синих рощах Палестины
Траву молодую...
В чем же он — непреходящий
Жизни смысл единый?
Солнце и родник кипящий,
Горы и долины —
К ним приходишь ты, ликуя,
В песнях жив доселе!
Вот у ветра и спрошу я:
— Где наш Руставели?

МАТЕРИ

Твой зов мне слышится доселе,
Как будто ты — в усадьбе, рядом,
И вся цветешь, как сад в апреле,
Детей благословляя взглядом.
Я рвался в даль, мальчонка пряткий,
Мне крылья утро расправляло!
А слезы мне у той калитки
Ты поцелуем осушала.
О, хлопотунья!

И не вспомнишь,
Когда сидела ты на месте,
Всегда и всем ты шла на помощь,
Добра исполнена и Чести...
Да, я не одинок в потере
Моей:

взгляни же, сделай милость —
Со мной грустят твои деревья,
И даже лето припозднилось.
Мне кажется, я сердцем вижу,
Что ждешь ты при дороге сына,
Как эти скалы неподвижна
(Лишь умножаются седины)...
Хочу, хоть это невозможно,
Твоей живой слезой омыться,
Шагнуть к тебе — и стать моложе,
Поговорить — как помолиться!

Нет и отца.
Душе — пустынно,
Расстался рано я с дядьями.
Неугасим пожар глубинный
Слезой небесною — дождями...
И я шепчу, склоняясь пониже,
Когда приду к могиле вашей:
«О где ты, мама?

Дай услышать
Тебя, мой человек сладчайший!..»
Но — близко ты, родная:
еле

Глаза прикрою на мгновенье —
И вновь душою в том апреле,
И встрече рад с твоею тенью.

* * *

Я воспел шестьдесят своих весен.
Что ж, и семидесятой — привет!
Я мечты и цветы не забросил
И люблю я течение лет.
Ум и дух мои стали щедрее
И стихов не скудеет тетрадь,
Песня ищет путей поновее...
Может старость и радостью стать!
Я хотел бы оставить потомкам
След свой солнечный на берегу.
Но готов даже сгнуться в потемках,
Чтоб не быть пред Отчизной в долгу!
Путь к вершинам цветами не выслан,
Только верность помощником тут:
Верю в непобеждаемость Истин
Тех, какими стихи и живут.
Шестьдесят своих весен когда-то
Я воспел...

Но стихами звеня,
Жду с веселием восьмидесятой!
Разве можно состарить меня?

Перевод Леонида ТЕМИНА

НЕВЕСТКА

Рассказ

Только я ребят накормила, тарелки грязные собрала, слышу, у ворот кто-то зовет:

— Пело!... Пело!..

По голосу вроде Жужуна. Выглянула — она!

— Заходи. — говорю, — во двор, посиди в тени, жарко очень.

— Спасибо, Пело, генацвале, некогда сидеть, дома дел много. Получи газеты. И вот еще, письмо тебе пришло, — протягивает через железные прутья.

Как я про письмо услышала, так у меня сердце и упало. Бросилась через двор, а Жужуна смеется.

— Не бойся, глупая. Хорошее письмо. Разве я плохую весть принесу...

Я и то себя одернула: незачем так кидаться, еще чего подумает, разнесет по деревне: Полина от кого-то весточку ждет. Даром, что ли, почтальонша. Взяла газеты, и письмо тоже. Самой не терпится на конверт взглянуть, но говорю еще раз:

— Заходи, водички холодной попей.

— Спасибо, моя хорошая, не беспокойся. — И в черном своем платье, в черных чулках, зонт на плече, пошла вдоль частокола дальше в гору.

Села я на скамейку под деревом, газеты на стол бросила, на конверт смотрю: почерк Веркин. и обратный адрес наш. Чую, в конверте что-то лежит. Верка хоть и обожает длиннющие письма писать, такого толстого ей не накатать. А с обратной стороны на конверте, как раз по заклеенной линии, печатными буквами выведено: «Осторожно, фотки!!!».. Надорвала я

уголок конверта, мизинец в дырку просунула, ^{мизин} конверт распотрошила. Выпали из него две ^{мизин} фотки. Глянула — господи! Гроб несут! И на второй ^{мизин} гроб на столе, а вокруг люди. Мне аж худо стало, голову как-то книзу потянуло. Хочу кликнуть, чтоб воды, да дома-то никого. Ребята как полопали, так и дунули на речку. Доментий сегодня на дежурстве, а свекровь и захочет встать, не сможет. Взяла себя в руки, подбрала фотки, стала разглядывать. Кое-кого знакомых узнала, а кто в гробу лежит — не узнать. И узнать боязно. Тут только про письмо вспомнила. Заглянула вперед, еще вперед, слова все неразборчивые, вроде как сливаются, и вдруг три слова выперлись из ряда: «...наша бабушка померла...» Я дух перевела — отлегло немного от сердца — стала все подряд читать.

«Здравствуй, дорогая сестрица Поля. Пишет тебе твоя старшая сестра Вера. В первых строках моего письма хочу пожелать крепкого здоровья твоим детям, мужу Доментию и тебе лично.

Мы живем хорошо, здоровье мое хорошее, и Алеша тоже взялся за ум, как-никак дочка в институт поступила, и не в какой-нибудь, а в институт культуры, нам теперь деваху нашу срамить нельзя. А Вася будущий год тоже полную среднюю заканчивает и по примеру сестры намыливается подальше умахнуть, высшее, говорит, получу в Горьком, или аж в самой Москве! Смотря какой выйдет аттестат. Нынче у них какое-то правило чудное, все отметки, что за школу получены, складывают, делят, и что тебе остается, с тем и в институт до экзаменов допускают. Объяснял он мне недавно, да я не уразумела, так он и сказал: «Ты у нас, мать, темная, без понятия, в математике не сечешь». Пошутил. Вообще, шутник стал, куда там! На Алешу похож, каким ты его знала: бровь соболиная, щеки — кровь с молоком.

Должна я тебе сообщить, дорогая сестрица Поля, печальное известие, что наша бабушка померла и скоро месяц, как мы ее схоронили. Хотела я тебе сразу тогда телеграмму послать, да Алеша отговорил, от вас сюда путь неблизкий и обойдется в копейку, если ты прилететь надумаешь, а не решишься — тоже казнить-ся будешь. Хорошего мало. Ты уж извини, сестрица, послушалась я его и вот через месяц сообщаю тебе про

1935040
2022011033

наше горе горькое. Померла бабушка хорошо, не мучилась вовсе, дай бог всем нашим близким такую смерть. А до того, как болела, все шутила, напиши, говори, нашей Полинке, может, она в тех краях старичка-грузина мне подыщет, я поехала бы, кости погрела. Холод ее донимал. Чем только ни укрывали, а ее все колотило. Надька, стерва, на весь город осрамилась тогда. Ей вот-вот ордер на квартиру должны были дать, она и выхлопотала двухкомнатную вместе с бабушкой-дескать, старая инвалидка, а бабка возьми и помри! Надька три дня ото всех скрывала, чтобы двухкомнатную получить, даже от меня утаила, мы-то с ней каждый день на фабрике видимся. Пришлось потом в спешном порядке хоронить, но все путем, Алеша с друзьями постарался, и даже музыка была, и поминки хорошие — все путем.

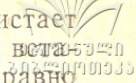
Посылаю тебе две фотки. На одной мы все по улице идем за гробом, но там все мелко очень получились и никого, кроме Алексея, не узнать. Я подумала, может быть, ты улицу узнаешь и обрадуешься. Посмотри получше на дом в правом углу, это в начале улицы Конституции, где хлебная лавка, а перед ней еще сирень цветет, как с нашей улицы свернешь, так сразу туда и выйдешь, а на углу почтовый ящик. Вспомнила? Ты еще говорила, что Доментий сирень для тебя там ломал, а жильцы его то ли стыдили, то ли били.

А на второй фотке мы еще дома. Вторая слева — я. Я всегда плохо на фотках выхожу, а тут и вовсе — рожка круглая, смотреть противно. А рядом со мной Серега, Алешкин товарищ, может, ты помнишь, он как из армии вернулся, все придуривался — поручиком себя называл и подмигивал как-то — умора, на танцах девки от него за животы держались. Рядом с ним его жена — Алка надулась, видно Серега успел сто грамм для храбрости пропустить, а она у нас шибко культурная, в сберкассе работает. Голова, которая из-за Алки высовывается — это мой Вася, видишь, какой вымахал? То всю школу с самого краю на физкультуре стоял, а последний год как пошел вверх, теперь, говорит, передо мной только трое, одна девка и двое ребят. Их еще как-то теперь называют, аксельбанты, что ли. А на табурете мой Алеша. Ты, небось, удивляешься, с чего это он на табурет вскарабкался и но-

ги раскорячил. А это его дружок, который и фотки нам сделал, Степа Галкин, сказал, — свету, говорит, мало, фотки не получатся, у меня внутри пленка ^{какая-то} грубая, вкрути, говорит, лампочку побольше. Алеша и вкрутил двести свечей, а слезть с табурета не успел. Так и стоит: колени подогнул, руки развел — обсмеешься. А возле его коленок, если хорошенько присмотришься. Надьку нашу узнаешь, ей в тот день все с сердцем худо было, два раза укол делали. Вообще-то у нее сердце давно барахлит, но, по-моему, ей из-за квартиры плохо было, как узнали в жилуправлении, что бабка померла, двухкомнатная-то и накрылась. А Алка, Сережкина жена, увидела, что Надьке укол делают, так вся и загорелась: «Ах, и мне укол! Ах, и у меня сердце...» Фельдшерка и ей вкатила, да, видно, заразу какую-то внесла. Разнесло ей руку по самое плечо, целую неделю бюллетенила, дура завистливая. Я зашла потом за свет и газ заплатить — сидит перебинтованная. «Ах! — говорит. — На каком уровне наша медобслуга, прямо каменный век!..» Ирише мы сообщили, но она не смогла приехать, видно, денег не было. Зато на телеграмму не покупилась. «Дорогие мама папа тетя Надя Василий родственники и друзья ужасно огорчена известием смерти горячо любимой бабушки Матрены сожалению не могу присутствовать похоронах сдаю сессию всем сердцем скорблю плачу вместе вами горячо всех обнимаю ваша Ирина Шавкунова». Как тебе? Не напрасно девка в институт культуры поступила. Я эту телеграмму так при себе и ношу. Хотела вместе с фотками послать, да потом решила, что тебе и переписанной хватит, а для меня гордость. Таковую девку вырастила! Дай бог ей мужа хорошего. Только она пока об этом и не думает. У меня, говорит, мама, есть своя программа-минимум. Это вроде как своя пятилетка или встречный план. Вот как его выполню, тогда другое дело... А по мне слишком умной быть, тоже ничего хорошего не получится. Мужики — они капризные, им баба нужна, а ума даже дураку своего хватает.

Ну, вот, сколько бумаги извела, а письмо вроде еще и не начинала.

Осенью, если ты помнишь, исполнится мне сорок. На здоровье не жалею — тьфу, тьфу, тьфу, как бы

не сглазить, поплюй и ты. Алеша так даже пристает еще родить — эти, говорит, батьковна, на крыло встали, а с маленьким я и пить меньше буду, а все равно грустно. Старость подкрадывается. Уходит наше времечко. Как посмотрю, все теперь другое. Томка Шумакова — может, помнишь, к ней еще Митька-электрик ходил, вы с ней параллельно учились, — весной куда-то ездила, в Горький или Куйбышев. Вернулась, штаны до колен закатала и выступает, красными голенищами сверкает. А наши лопухи за ней, как телята за зеленой веткой. А чего особенного? Как есть выдра! Мой Алешка про таких говорит — рабочему человеку подержаться не за что. А Алка твердит — «Это теперь модно, теперь в моде плоскодонки...» Ни тут, ни там ничего, и в зубах цыгарка. Э-эх, может, они и модные, но наша-то сестра знает, чего мужику надо.

Еще я хочу у тебя спросить, дорогая сестра Поля, доходят ли к вам через Кавказские горы передачи по телевизору из Москвы, или ты смотришь только грузинские кина и концерты? Не так давно повторно показывали многосерийную кинокартину «Ольга Сергеевна» с Татьяной Дорониной в главной роли. Там была песня композитора Микаэла Таривердиева на слова поэта Самойлова «Память», исполняет Иосиф Кобзон. Я, когда ее слышу, всегда вспоминаю нашу молодую жизнь, когда у нас стояли танкисты. Девчата тоже часто вспоминают, как тебя Доментий увез в свою солнечную Грузию. Спрашивают меня, как ты там на чужбине среди чужих. Я говорю, что все у тебя хорошо, а сама не знаю, правду говорю или вру. Письма твои приходят редко. Теперь, слава богу, не такие, как сначала приходили. Бабка-покойница тогда часто говорила: «Далеко наша гулена забралась, как назад-то выбираться будет». Тоже думала, что ты на чужой стороне не приживешься. Ан видишь, как оно вышло. Уж, почитай, больше десяти годов прошло, как ты там живешь, и ничего, я так понимаю, назад не собираешься. И правильно делаешь. Что у нас тут хорошего? Зима как начнется в сентябре, так до мая растянется, даже язык не поворачивается мужиков ругать (это я тебе так пишу, а то на них-то, когда надрызгаются, язык очень даже поворачивается). И все-таки дивлюсь

я, как ты там среди чужих людей. Я когда к тебе приезжала, две недели еле выдержала. Ну, все, все, даже коровы. Ты уже тогда немного по-грузински принимала, теперь, наверное, и сама говоришь, а мне вот кажется, убей меня, не смогла бы выучиться...

Что-то я никак с мыслями не соберусь. Хотела и про то, и про то, и про то рассказать, да все из головы вон. Женьку Бурдукову в горсовет депутатом выбрали — обсмеешься. Она теперь важная! Едва здороваается, а хахаль ее черные очки надел и ходит, как шпион. Сима Пильщикова приезжала, подружка моя, раздобрела, на пальто воротник из какой-то морской крысы, два года, говорит, с мужиком в Алжире проработали, машину купили, приборахлились, теперь, говорит, думаем еще года на два в Ирак завербоваться, мы, говорит, жару оба хорошо переносим, даже не очень потеем, а его мать за детьми досматривает. Я и думаю: люди весь белый свет повидали, машины-мотоциклы понакупили, а мы с Алешкой так и сидим в нашем посаде, только недавно телевизор собрались сменить, уж нас знакомые стыдили-срамили, теперь, говорят, таких ящиков с линзой ни в одном медвежьем углу не сыщешь, прямо аквариум какой-то, а не телевизор.

Ты меня, батьковна, извини, видно, какая я была балаболка, такая и осталась. Недаром мать трещоткой называла. Отпиши про свое житье-бытье, как детишки растут, как муж, как ты сама себя чувствуешь. Петька твой, я думаю, прижился там. Молодое деревце, оно легче принимается. Он, когда я приезжала, уже тогда вовсю по-ихнему тараторил. Отца его раз видела мельком на станции. На башке полтора волоска, во рту три зуба, облезлый какой-то. Все в старшинах ходит, видно, даже прапорщика не заслужил. Прощай, дорогая и любимая сестрица Поля!

Жду твоего ответа, как соловей лета.

А бабку нашу Матрену Фадеевну все равно жалко, ей-богу — какая ни ругальщица была, а родная душа. Уж я над ней плакала тогда, плакала, прямо исплакалась вся, даже от себя не ожидала. Всплакни и ты, сестрица. Ведь она тебя больше других любила. Когда с тобой та беда приключилась, она одна и заступалась. Прощай, душа моя! Крепко тебя целую! Ма-

16 03 50 20
010-11101033

леньких Доментиевичей поцелуй вместо их бестолковой тетки — ничего-то они от меня не видели, никаких подарков. Доментию низко кланяйся за меня и за Алексея.

Твоя старшая сестра Вера.

Вася уходит в свою велосекцию и передает общий физкультурпривет. Физкультурник...»

Сложила я письмо, под газеты подсунула, чтобы никто не видел. Посидела так, успокоилась немного. Ноги как с перепугу под скамейку поджала, теперь под стол вытянула. Ну и ладно. И правильно Верка сделала, что про бабушку сразу не сообщила. Она вон второй месяц в земле, что же теперь убиваться... Да чего там — я и тогда не убивалась бы. Не любила ее. И за что любить? Слова доброго от нее не слыхала: «Сучка, да сучка». Верка чего не придумает!.. Маленького Петьку приходилось иногда с ней оставлять — придешь, играют. Петька гулькает чего-то свое, детское, а она над ним приговаривает: «Ишь, песни поет, голубок! Ишо не знает, что мать его сучка. Пой, милой, пой...» Я цыкну на нее: «Чего болтаешь, старая!» Она поднимется с полу, сама маленькая, руки ниже колен висят: «Ты на меня не шуми! Родила, так терпи теперь!» Я покручусь, покручусь над ними и в слезы: дней пять Петьку по подругам таскаю, но им тоже удовольствия мало рев его слушать и пеленки нюхать. Одна откажется, потом другая — обратно к бабке прибежишь. «Ну, не будь ты такая злюка. Ты же крест на груди носишь, в церковь ходишь». «Ты мне крест в рожу не тычь, блудница! Я за мальцом всегда присмотрю, дите безгрешное, а об тебе правду ему скажу, пусть знает, кто ты такая есть». «Он же не все маленький будет. Вырастет, как ему мать уважать?» «Уважать!.. Ишь чего захотела! Хвост на сторону, и еще уважать!..»

Господи, сжечь, что ли, это письмо? Не дай бог Доментий увидит!.. Да ведь в письме ничего такого не написано. Это я сама. Там только сказано, что отца Петькиного мельком на станции видела...

Я вынула письмо из-под газет, нашла это место и перечитала. Потом побежала домой, достала у Петьки из ранца авторучку и все, что про его отца было написано, вымарала. Цвет другой оказался, но ничего, сойдет. Теперь, даже если Доментий прочитает, ничего.

Присмотрелась к зачеркнутому и, верно оттого, что знала, что там, разобрала: «...на башке полтора волоска...» Зачеркнула еще раз, а у самой сердце заневолило! Подожди! Это у него-то полтора волоска!.. Куда же кудри его ржаные делись? Может, Верка соврала. Думает, мне приятней. Не жалей, дескать, Полька, он теперь и лысый, и беззубый, а ты вон за каким парнем. А чего радоваться! Я ему зла не желаю. Что было, то сплыло...

Сижу под деревом. По столу и по скамейке красные жучки ползают. Ветер с горы потянул, деревья зашуршали, прохладой меня обдало, полу халата загнуло. Собака наша на заднем дворе залаяла на кого-то, потом подбежала ко мне, а сама назад оглядывается: гавкнет раз-другой, смотрит и хвостом виляет — поймай, дескать! А я не понимаю.

— Чего тебе, Джульбарс?

Отбежал, стал возле дома и лает. Беззлобно лает, но и не успокаивается. Я фотки в карман положила, письмо за пазуху сунула, газеты на столе камнем прижала и пошла посмотреть, на кого это Джульбарс лает. Если бы коршун — куры закудахтали бы или бросились врассыпную. А тут куры в земле копошатся, петушки молодые друг друга задирают, индюшата жалобно попискивают. Выхожу на задний двор, куда Джульбарс ведет, и вижу: внизу, в больших, как лопухи, листьях, там, где Доментий арбузы выращивает, кто-то затаился.

— Кто такой?

Он присел, или лег — вовсе под листьями спрятался. Видно, мальчишка чей-то.

— Ты чего там делаешь, разбойник? Вылезай сейчас же, или собаку на тебя спущу!

— Это я, мама! — Мой Петька из лопухов встает.

Здрасьте! Я думала, он в речке бултыхается.

— Чего тебя туда занесло, горе луковое? Чего там не видел?

— Да я за арбузом...

— Отец же говорил: не созрели еще, потерпите. Или он для себя их выращивает? Или на рынок потащит? Совесть иметь надо!

— Меня ребята попросили...

— Какие еще ребята?

— Какие? Наши. Резо и Малхаз.

— Ты что, на речке их оставил?! — испугалась я.

— Да нет, у родника ждут.

— Вот и беги к ним!

Поднялся по круче, через лопухи перешагивая, мимо меня прошел, Джульбарсу кулаком погрозил, а я вдруг остановила его, прижала к груди русую головку и прослезилась. Он от удивления обмер, затих. Потом спрашивает: «Ты чего, мам?»

— А что, сынок? Если мама сыночка обнимет, чему тут удивляться?

Молчит, а носом прямо в письмо на груди уткнулся. Потыкался, потыкался носом, хитрец такой, и спрашивает:

— Откуда письмо, мама?

— Издалека, сынок, издалека.

— Пусти, а то они на речку уйдут.

— Иди, сынок, иди. Глаз с них не спускай.

Побежал Петя, у перелаза в траве несколько груш подобрал и был таков. А я вслед смотрю, думаю: ничего, вон фруктов сколько ест... Ножки ровненькие стали, и живот не торчит. Окреп мальчишка. Первый заводила на деревне, бузотер... Доментий к нему хорошо относится, не обижает. Да и вся родня тоже. Тут ничего не скажешь — любят грузины детей, балуют. По мне, так даже слишком. Петька парень бедовый, иногда чего не учудит; взгреть бы его хорошенько, так нет: и сами не трогают, и меня за руки хватают: «Будет тебе, Поля! На то он и ребенок, чтоб куролесить». От родной матери Петушка моего защищают. Смех!..

Вернулась в дом, воду согрела, стала посуду мыть, а сама все улыбаюсь чему-то... Слышу, свекровь в стену стучит. Сперва рукой — мягко, потом палкой. Домыла я посуду, пошла к ней.

— Ну, в чем дело, мама? Что стучишь? Так и дом разрушить недолго.

— Почему сама посуду моешь?

Вот тоже хозяйка — никак не уgomонится! Ноги напрочь отнялись, а все дела ищет: мне помочь или себя занять. Хоть посуду вымыть. В руках никакой чувствительности, хоть коли ее, хоть жги, так она из несчастья пользу для семьи извлекла — моет посуду в крутом кипятке, чище некуда! Иной раз засыпает над курящейся миской — видно, тепло действует. Вытащу ее руки, а они такие распаренные, распухшие, что ка-

жется, вот-вот оторвутся от запястий и шмякнутся на пол.

— Пока я тебя подниму да пристрою, — говорю сама три раза переваю.

— Не могу, Поля, без дела, извожусь... Семьдесят лет покоя не знала, а тут лежи, как в гробу.

Раньше она частенько выбиралась из постели и, опираясь на стул или табурет, волоча парализованные ноги, тащилась на кухню. Случалось, свалится на полпути и лежит, пока кто-нибудь не увидит. Сколько раз дети на нее натыкались и втроем кое-как волокли назад.

— Тебя сегодня не дозовешься. Где была? — спрашивает.

— Нигде не была. Во двор выходила, в тени на скамейке посидела.

— С кем?

— Одна.

— Что одной там сидеть, полдеревни мимо ходит. Где дети?

— На речку побежали.

— Одних пускаешь?

— Петя с ними.

— А Доментий еще не приходил?

— Ты же знаешь — он бы к тебе заглянул.

— Да. Он бы заглянул... Переверни меня на бок и ступай, раз занята.

Наклонилась я к ней, дыхание придержала и кое-как на другой бок ее перевалила. У нее лицо напряженное, жалкое, а тело беспомощное, тяжелое. Выпрямилась я, дух перевела. У нее голос дрогнул:

— Посиди пять минут. Что-то тяжело на душе...

Я присела на стул, вздохнула, руки на коленях сложила.

— Не приберет меня господь никак. Ни жить сил нету, ни умереть. Где справедливость?

— Какая уж тут справедливость?

— Ничего! Забывчив господь, нас у него много — просителей. Придет и мой черед, придет и за мной архангелов. Ты потерпи малость, не торопи меня.

— Я не тороплю, — вздохнула я. — Живи сколько хочешь.

— Сколько хочу.. Да такой жизни я нисколько не хочу. Обуза на сыне. Думаешь, легко мне после все-

го, что между нами было... — Не смотрит на меня, лежит, как я ее к стене перевернула, и говорит в стенку; глаза большие, как будто остекленевшие, лицо напряженное, серой кожей обтянулось. — Одно хочу сказать: когда умру, сына моего не обижай.

— Ну вот еще, нашла мальчика! — отмахнулась я.

— Не дам тебе покоя, так и знай! Буду являться, изведу. Со свету сживу! Надоумил меня господь. Предупреждаю.

— Ладно, мать, не страшай. Я уж и так у вас пуганая.

— Три сына у меня... Дочерей не считаю. Доченьки на тебя больную бросили, раз в месяц не приезжают узнать, что с матерью... Маленький Георгий всегда как не наш был, ученый шибко. Не знала, глупый или умный, и сейчас не знаю. Джано забияка, гордец. То избьет кого, то обсмеет... — Помолчала и голос размяк. — Отец, бывало, его накажет, загонит в погреб, или работать заставит, а Доментий твой рядышком встанет. Я ему: «Ты-то куда, миленький? Ты-то зачем? Брат твой злой, плохой!» А он обнимет брата, отвернется, слезки глотает... Иной раз Джано за его проделки не даю сладкого — сахару там или пеламуши, а наш тоже не притрагивается, терпит, хоть и любил пеламуши, дрожал, когда видел... Ты, может, думаешь, нарочно свекровь мужа твоего нахваливает, подластиться хочет?

— Ну уж — подластиться! Ты — да подластиться. Скажешь тоже!

— Кто-кто, а ты лучше других должна его знать. Думаешь, легко ему было жену с чужим ребенком в отчий дом привести?

Я привстала.

— Опять ты за свое, мама!

— погоди! Сядь! Не за свое я. Видишь, твоя взяла. Я как червь, тяпкой перерезанный, а ты в моем доме хозяйка. Твой верх, Полина. Покуда сердце бьется и язык ворочается, дай сказать!

Присела я опять и руку ей на плечо положила, а плечо напряженное, как каменное, и дрожит. Жалко мне ее стало.

— Успокойся, — говорю. — Кто старое помянет, тому глаз вон!

— Пусть оба вон, а не забуду! — Вздрогнула и даже дрожать перестала. — Было время, когда утопиться хотела, или с тобой что-то сделать. Не потому, что ребенок. Ребенок что? Записал на свое имя и вырастил, доброе дело зачтется. — Она вдруг обернула ко мне серое лицо и, глядя страдающими глазами, простонала: — Всю жизнь в церкви лоб расшибаю, а в непорочное зачатие не уверовала. Пресвятую деву в грехе подозреваю. Такое уж у меня сердце черное, проклятое, ревнивое... А ты! Ты... Коли он тебя с ребенком подобрал, значит, любит. А коли любит, каково ему? Или у вас теперь все по-другому? Господи, вразуми меня!..

— Никто ему, между прочим, не навязывался, — сказала я и руку с ее плеча убрала.

— Да знаю я. Знаю... В том-то и беда, что не навязывалась. Сестры на него набежали, слава богу, ты тогда по-нашему не понимала. А я помалкивала. Не потому говорю, что господь нас под одной крышей свел и ты за мной ходишь. Нет. И не для того господь, руки ног лишив, речь мне оставил, чтоб я лгала перед смертью или божилась все... Сама знаешь: была у нас для него девушка. Как белая лилия, скромная, непорочная. И любила его, ждала, когда из армии вернется... Я тогда промолчала. Ни слова ему не сказала. И отец молчал. Ну-ка, вспомни!

— Я все помню, — говорю. — Уж что-что, а это на всю жизнь запомнила.

— Почему? Потому, что тебя так сразу полюбил? Нет. Мы сына любили. И скажу еще: как ни горько мне было, а в глубине души я удивлялась, чуть не гордилась, что он против мира смог... Тихоня-тихоня, ахватило сердца!..

— Ну, ты уж вовсе как подвиг какой расписываешь! — Я встала. Не хотелось мне продолжать этот разговор. Какого черта! Что я, в самом деле? У меня тоже есть самолюбие и гордость...

А про сердце свое она верно сказала — ревнивое. Ох, ревнивое! И проклятое. Только от того проклятия она первая страдает. Себя поедом ест, и всех вокруг. А с Доментием — вообще!.. Мне тетушка Дарико рассказывала, как она казнилась, слушая за стеной наши ссоры; места себе не находила, уши затыкала! «Мой, — говорит, — грех. По моей вине он такой кроткий да бес-

словесный, родила на старости лет от слабых кровей, от усталого тела. Господи, заberi меня всю и до капи влей в его жилы! Сыночек, родименький, нельзя среди людей без клыков! Ангел мой, прости меня, ненасытную!..» Глазами дырки в стене прожигает, но из комнаты ни шагу, и голоса не повысит, чтобы Домения своего ненароком не задеть, не унизить... И ведь не злое сердце, а вот именно что ревнивое. Тяжко с ней, как под гнетом. Все хочется плечи расправить и вздохнуть поглубже... Не то что с тетушкой Дарико. Кто бы поверил, что родные сестры! Свекровь худая, строгая, постная, а Дарико толстушка, хохотунья, сластена. По доброте души вышла замуж за вдовца с тремя детьми — пожалела, говорит, какие они грязенькие ходили. Я ее мужа помню — внушительный старик в бурке, с башлыком на голове, по-русски ни слова, только когда чачу пропустит, хакнет, усы разгладит и подмигнет мне: «Уодка!»... После его смерти сыновья тоже мачеху «пожалели» — отсудили у нее дом с участком; пенсия ей не полагалась — старикан был когда-то в чем-то замешан... На старости лет без кола, без двора — а ей хоть бы что! Перебралась к сестре, перевезла на арбе кованный сундучок, швейную машину и ковер ветхий. Каждую зиму тот ковер на снег выносила, снегом посыпала, чистила. В ее комнате всегда пол дресвой вышаркан, ковер скатанный у стены, в углу сундук, а на нем машинка под узорной дорожкой... Дарико, Дарья по-нашему. Сколько дел по дому ворочала и все шутя, все посмеиваясь. В летнее пекло хлеб в тонэ испечь для других наказание, каторга, для нее — игра. Разведет огонь, хворосту накидает, потом еще охалку подкинет, и еще. «Глянь, девонька, как сердце раскалять надо. Чем жарче, тем слаще!» — И смеется, хохочет. Ее вообще огонь волновал. До самых последних дней тащи́лась к камину и молодела, оживала у огня... Поначалу я к ней присматривалась растерянно — уж не дурочка ли? Чего в ее возрасте особенно заливаться. Жизнь в деревне не сахар. С конца октября дожди зарядят, потом снег мокрыми хлопьями повалит. Горы белой мутью затянет — калитки не видать; акация у крыльца то выступит, то исчезнет. Дом большой, холодный, продрогший. Одна радость — у камина погреешься, или малышами в постели обложишься, как

волчица. А Дариико ничего: мимо двора кто пройдет — расспросит, доброго пути пожелает, в мороз не поленится чачи поднести; или вдруг платок наматает, обуется, пойдет по соседям. Вернется с кучей новостей: «Слушайте, девоньки, новости горячие, с пылу, с жару, за пазухой принесла, чтоб не остыли». Рассупонится, галоши скинет, сядет у камина на низенький стульчик и рассказывает звонким молодым голосом, и смеется, заливается... Со мной поначалу шутки шутила — словам всяким нехорошим по-грузински учила, и то к Доментию пошлет, то к свекору: «Скажи так-то и так-то...» Доментий краснел, посмеивался: «Никогда так не говори», а свекор по-русски наставлял: «Вернись и скажи: Дариико — старая дура». А та заливалась!.. И крестилась испуганно: «Господи, прости меня, грешную, как бы не к слезам...» А когда я грузинский немножко освоила, она стала про Доментия рассказывать: какой он в детстве был славный да хорошенький, как в школу пошел; учительница говорит: «Дети, когда я вхожу в класс, вы должны встать!», наш дурачок впопыхах на парту и вскочил... А в другой раз еще до школы поехали зачем-то в Кутаиси, кажется, свекор вино повез продавать. Зима снежная, морозная, почти как в твоей Сибири. Идем под гору около храма Баграта, а навстречу дамочка с подростками, хорошо одетая, с чернобуркой на шее, видно, из хорошей семьи. Дети к ней липнут, нудят: «Ма, купи елочную игрушку! Ну, ма-а!» А женщина Доментия увидала: на нем тулупчик из овечьей шкурки, папаха такая же, щеки как яблоки-турашаули; подхватила его на руки: «Вот вам елочная игрушка! Нигде лучше не сыскать!..» Сколько такого она мне рассказала! Я сидела, фасоль лушила или перемешивала рассыпанную на полу для просушки кукурузу и вроде все понимала. Так незаметно и по-грузински выучилась... А как выучилась, жизнь сразу стала легче, словно меня кто от глухоты избавил. Люди кругом оказались добрей, чем я в глухоте своей думала. Пока безъязыкая была, мне все казалось, что вокруг обо мне нехорошее говорят, или к ссоре дело клонится. К Доментию приставала, чтоб перевел. Наши северяне так шумно не общаются и руками не размахивают; разве что перед дракой. А у них характер горячий. Азартные они — страсть! Конечно, и молчуны попадаются вроде

моего Доментия... И свекор, царствие ему небесное, тоже был молчун. Из тех, у кого слово серебро, а молчание золото. Большой Георгий — так его вся деревня величала. Как он преставился, захромала семья, кренила. Видно, слишком к его твердой руке привыкли. Я его побаивалась — Большого Георгия и жалела — не знаю, за что... После его смерти тетушка Дарико вдруг в церковь зачастила, и дома стала молиться. Икону где-то раздобыла, лампадку; снесь на стол выставляла и ладаном окуривала. А потом с особым рвением по хозяйству хлопотала, сестре угождала, бегала, бегала, пока с ног не свалится. Тут и болезнь слабинку в ней нашла, за месяц свела в могилу. Перед смертью призвала меня — призналась: оказывается, всю-то жизнь, бедняжка, зятя своего, Большого Георгия, любила. «Ты одна меня простишь, Поля. Ему не посмела открыться. А в могилу любовь унести страшно. Все равно, как младенца живьем замуровать. Пусть на земле остается». А через год после нее и свекровь слегла. Уже больше года лежит и долго еще протянет; душа из нее будет рваться, а она зубы стиснет — не выпустит, и назад затолкает. Такая старуха!.. Мужу своему под стать...

Вышла я во двор. День жаркий, неподвижный. Ветерок изредка прибежит с горы, пошуршит листьями, покачает верхушки и затихнет. Цикады растрещались, хоть уши затыкай. Я долго не могла привыкнуть к их треску, на нервы действовал. И не спрячешься никуда. Как день жаркий, так они свою музыку заладят, и чем жарче печет, тем громче нажаривают: «чри-чри-чри-чри». Сами маленькие, с прозрачными крылышками, вроде стрекозы пузатой, а орут противно...

Доченьки ее хороши — золовки мои! Когда Доментий нас с Петькой привез, они мигом примчались. Что-то я теперь не часто их вижу. Паралитичку-мать кормить-умывать Полинка годится... А вот заберу детей, да и махну на месяц к Верке! Мне тоже отдых по советскому закону полагается. Утром затемно вставай, корову подои, в стадо выгони, свиней покорми, курам-индюшкам зерна накидай, завтрак собери, мужа на работу отправь, детей подними. Потом к свекрови ступай... Ничего! Полинки на все хватит. Полинка, если надо, и на станцию спустится за продуктами, и в район съездит за мясом. А в жаркий день свой выводок заберет на

речку, детей искупает и сама искупается, и на солнышке обсохнет в купальнике с выгоревшими ромашками, лифчик расстегнет и бретельки спустит, чтобы бусы и полосок на спине не осталось, и увидит, как бабы тревожно косятся на нее и отворачиваются. То-то!.. Говорят, до меня здесь вообще в купальниках не купались, так, в платьях, или в комбинациях — скромницы! Знаю я этих скромниц.

У Доментия с ночи дежурство, потом, наверное, опять на мельницу пойдет, раньше пяти не вернется. Ужинать соберу что от обеда осталось, да творога свежего детям дам. В такую жару молоко быстро сквашивается. Хотела к Антиопе за медом спуститься, ее мед на нашенький вкусом похож, да жарко очень, обожду до вечера.

Села фасоль лущить, про свекровь вспомнила, решила отнести ей две охапки — пусть поработает, коли охота. Заглянула к ней: лежит лицом к стене, глаза закрыты. Меня услышала, брови дрогнули: «Что, дочка?» «Ничего...» Я постояла, постояла, потом наклонилась и поцеловала ее. Ни разу она меня еще дочкой не называла, даже сердце сжалось. Она руку мою нашла, стиснула больно, говорит:

— Меня целовать не надо. Сына моего не обижай.

— А кто его обижает! — вскинулась я.

— Не кипятись. Меня скоро не станет, а вам жить.

— Ладно, мама, хватит!

— Я тебя не виню. Ты в своем законе выросла, так и жизнь понимаешь. А у нас свой закон и обычай. Лучше бы их не смешивать.

— Говорили про это. Зачем опять?

— Я не знаю, с кем ты говорила. Меня перед смертью господь надоумил, хочу попросить: сына моего береги. У него сердце беззащитное.

— Да будет! Святого из него сделала. Он другой раз как гаркнет, дети в трусы писают со страху.

Засмеялась грустно, недоверчиво, чуть слышно.

— Силы у него много. Но доброты еще больше. Трудно с таким сердцем среди людей.

— Ничего. Не съем я вашего Доментия... — сказала я и добавила: — Я его больше тебя люблю.

— Уступай, раз так, — выдохнула она, и в глазах искорка блеснула, то ли улыбка, то ли слеза. — Усту-

пай. Он мужчина... Еще вот что скажу, Поля: я не сплю по ночам, все о вас думаю — чудные вы какие-то. Не рассвете мимо двора верхние мужики идут, сапогами гремят на работу, а наша собака их облаять не смеет. Разбежится к ограде, а они ее палкой или камнем. Разве это дело?

— Я-то что могу? Заместо собаки на соседей лаяться?

— Лаяться тебе незачем. Хозяйство с собаки надо начинать. Люди как почувют, что плетень ослаб, сомнут. Помнишь, какой у нас при Большом Георгии пес был? Зверь лютой. Сама его побавалась. Зато мимо двора все по струнке ходили, ястребы наш двор облетали. А теперь... Как подумаю, что тут через пару годков будет!.. Одно утешение: не доживу до тех пор...

Я уже пожалела, что сама к свекрови сунулась: будет теперь права качать под видом предсмертных наставлений, но она вздохнула едва слышно, веки набрякшие сомкнула и затихла. Я скорей назад, на свежий воздух, под треск цикад и птичий пересвист. Надо сказать Доментию, чтоб иногда на балкон ее выносил.

Так и проходит жизнь: крутишься, как белка в колесе, колготишься, пашешь, не успеешь оглянуться — старость на носу. Треснет дубиной по темени — и лежи, посапывай. Вот Васа, что пониже родника живет... Давно ли я на нее заглядывалась — красавица женщина!.. А теперь шамкает что-то беззубым ртом...

Да что Васа! Верка в письме пишет — старость не за горами... И кто? Верка!.. Когда она в своей нейлоновой кофте и в юбке колоколом рок откалывала, вся танцверанда на нее тарасилась, свистела, визжала... Трубач Гоша раз десять за вечер объявлял «Белый танец». Пока трезвый — ничего: оторвет трубу от губ и крикнет: «Дама с дамой не танцует!», а как поднесут ему пару «ершей», «Баба с бабой не танцует!» — и все тут, и выламывается — шут: «Баба с бабой не танцует!». Этот самый Гошка-трубач специально Верку объявлял в микрофон; пощелкает пальцем по микрофону, продует, и чужим голосом: «Новинка сезона, моднейший танец с капиталистических подмостков — рок-н-ролл! Соло — Верка Дрюнькова!». Народ из аллеи сбегается, теснотища, шарканье, смех. Гроздья черемухи над головой. Комары. И запах. О-ох!.. Какой-то

особый удушливый запах — смятой травы, политых дождем, молодой бездомной любви... Как будто вчера! А поди ж ты — ее Ирка в институте культуры какие телеграммы пишет, того гляди, Верку бабушкой сделает. Ерунда, что у нее в пятилетке не запланировано. Если парень бедовый попадется, все пятилетки из головы вышибет. У меня тоже плана не было Петьку на свет производить. Это чаще сверх плана получается.

А свекровь в последнее время как-то переменялась. Мягче стала. И все что-то говорит напоследок. Одной ногой на том свете, а нас наставляет... Может, и впрямь перед уходом? Уходят отцы-матери, наш черед наступит, укрыться не за кем...

Вдруг меня осенило: чем без толку сидеть, накаутаю-ка я Верке письмо.

Нашла опять Петькин ранец, достала тетрадку, двойной лист из середины вырвала, посмотрела на часы и села.

«Здравствуй, дорогая моя сестрица Вера!» — вывела и призадумалась. Во дворе куры копошатся, цыплята возле конуры дерутся, Джульбарс дрыхнет на припеке, повыше, в зарослях ежевики, индюшка озирается испуганно. Жарко. Цикады трещат... А что теперь у нас? Яблоки тихо поспевают. Над зеленым собором галки летают. Перед «Домом крестьянина» квасом и беляшами торгуют, тополиный пух на площади сбивается у стен и дрожит...

«Получила твое письмо. Очень ты меня обрадовала: написала такое толстое письмо, и про Алешу, и про детей, и про всех знакомых. Спасибо тебе за письмо, и за то, что помнишь еще сестру Полину. А я боюсь, что скоро по-русски и писать-то разучусь.

Хочу тебе сообщить, что живу я ничего. Тут родня моего Доментия, кто поумирал, кто разъехался, тише стало.

Раньше родственники городские любили летом наезжать, как на дачу, теперь больше не беспокоят. Живем со свекровью. Она болеет, год как не встает, и не встанет, наверное, ноги совсем не держат, напоследок ~~еще~~ наставляет, учит, боится, как бы чего не забыть.

Доментий работает дежурным электриком на винном заводе, сутки дежурит, трое дома. Только ты не думай, что раз на винном заводе, значит не просыха-

5940
202201033

ет. Пьет редко, и когда выпьет, всегда хороший очень, лучше, чем трезвый, болтает, что на язык придет. Тебя часто вспоминает, говорит, плохая сестра, почему детьми летом не приезжаешь: у нас, дескать, красота и воздух. Я ему толкую, что дети у тебя уже взрослые, небось, по стройотрядам ездят, деньги зарабатывают. То, что ты про Ирку свою написала, очень меня обрадовало, и телеграмма ее понравилась — хоть в газету пропечатывай, только насчет ее пятилетки ты не очень верь, а лучше следи позорче да припугни пошибче, чтобы с ней моей беды не приключилось. Как ни верти, а хорошего мало.

Иногда думаю себе, по какой дороженьке жизнь покатила бы, не встретить я в ту зиму моего Доментия? Служила бы в в/ч, гуляла бы с «макаронниками». Они ребята ничего, только шибко гуталином пахнут. Как Петькин отец говорил: «Туши свет и выходи строиться!» А порой так мне порядок и дисциплина наедают, домострой из ноздрей лезет, всех бы к черту шуганула! Одно и то же, одно и то же изо дня в день! Ты вот намекаешь, что старость подкрадывается. А я ее не чую!»

Я оторвалась от письма. Что это я пишу? Никак, спятила! Вдруг кому в руки попадет? Да и правда ли это?..

Я старательно зачеркнула в письме последние строчки и написала:

«Ты меня спрашиваешь про телепередачи из Москвы. А у нас телевизора вовсе нету, тут из-за гор сильные помехи и показывает как в тумане: то в одном углу пол-лица, то в другом. Раньше Доментий поднимался к соседу, который высоко на горе живет, футбол посмотреть, а тот сосед все приставал, когда ты к нам опять приедешь? Рыжий такой, на грузина не похож — Жора. Он в тюрьме сидел, оттуда и по-русски говорит. Пусть Алеша не ревнует. Вспомнила?»

Я опять от письма оторвалась, на этот раз меня что-то отвлекло, я только не сразу сообразила — что. Прислушалась — машина в гору тащится. С тех пор как дорогу проложили, у нас машина не редкость, в день две, а то и три проедут, но эта не в объезд, а снизу, по старой дороге прямо к нашему дому ползет. Я подумала, что Доментий через друзей-шоферов что-

нибудь послал — буханку хлеба или муку, но его друзья на грузовых работают, а тут, по звуку, маленькая машина. Кого еще нелегкая несет?

Письмо недописанное сложила, убрала подальше — потом допишу, и вышла во двор, поближе к воротам. Оттуда вниз до поворота дорогу видно. Как раз над поворотом на пригорке инжир растет, ветвями дорогу перекрывает. И вот в тени под инжиром машина показала. Выруливает из-за поворота, стекло под солнцем сверкнуло. Смотрю и машину узнаю — брат Домения на ней ездит, тот, который артист. Родственничек прикатил. С дружками, наверное!

Ворота распахиваю, а сама прикидываю: «На всю ораву одной курочки не хватит. Слава богу, сыр еще есть и муки на десяток хачапури в кадке наскребу. Петьке велю слив нарвать. Вот и обед, чем бог послал...»

Джано посигналил, из машины руку высунул:

— Привет, невестушка! Ну, как вы тут? — За рулем-то красотка — жена его.

— Добро пожаловать! — говорю. — Спасибо, что вспомнили! Да еще всем семейством. А я думала, совсем нас забыли...

Машина остановилась. Дверцы захлопали. Первым мальчишка выскочил, загорелый, как цыганенок, в красных трусиках. Волосы длинные, густые, взлохмаченные. Подбежал ко мне, глазки блестят, мордочка хорошенькая, живая.

— А у вас собака есть?

— Есть, милый.

— Мы вам ягненка привезли. — И кряхтя вытаскивает из машины белого-белого ягненка. Прижал к груди, смотрит на меня.

У меня сердце екнуло, как от предчувствия.

За мальчиком девочки-двойняшки вылезли — этих я помню, только имена путаю. В одинаковых сарафанчиках, голенастые — подошли, поцеловали меня.

— Какие же вы стали большие! Совсем барышни!..

Улыбаются, переглядываются, сарафанчики свои одергивают.

А вот и Додо, в черных очках на пол-лица, рот ярко накрашен, в коротких штанцах, бедрами покачивается, улыбается — киноартистка!

11135920
010933

— Здравствуй, Полина! Здравствуй, моя хорошая!
— Коробку с шоколадными конфетами мне протяги-
вает и обнимает. И все у нее так ловко получается.
Чмокнула в щеку, сама же помаду стерла. — Испач-
кала... Все такая же свежая! Джано, посмотри, как она
выглядит! Персик! Пышка!

Джано тоже меня расцеловал. В обе щеки, да еще
в губы поцеловал.

— Но, но, но, ты не увлекайся! — расхохоталась
Додо.

— А где хозяин? Где мой любимый младший брат?
— спросил Джано.

— Он нынче на дежурстве, — говорю.

— Он же по ночам дежурит.

— А днем на мельнице возится, починает там что-
то с соседом нашим Фурамом на пару.

— Доментий на мельнице? — Джано задержал на
мне взгляд, вроде хотел еще что-то сказать, потом пере-
думал, спросил:

— А матушка как? Совсем разучилась лезгинку
плясать?

— Ты хоть на эту тему не остри, — заметила Додо.

Чувствую, кто-то меня сзади за юбку тянет, не-
сильно так и настойчиво, как щенок. Оглянулась, а это
их мальчишка.

— Тетя Поля, а где собака?

— Неужели нету? Сейчас тут тявкала.

Девочки отошли к краю двора, смотрят на горы,
за мизинчики держатся, ахают: «Какая красота!» Воз-
ле них ягненок белый понурился. Ну, хоть кино снимай.

— Пошли к матери! — командует Джано. — Жи-
во! Все к маме!

А Додо:

— погоди, дай дух перевести. Мама никуда не де-
нется.

А я слышу уже — старуха колотит по стенке пал-
кой и зовет:

«Полина! Полина!»

— Ладно, ты останься, — разрешил Джано же-
нушке. — В таком виде лучше ей не показывайся. Де-
ти! — Обернулся к девочкам. — К бабушке! Живо!

Те послушно пошли, а мальчик спросил:

— А собака — после бабушки?

Я первая к старухе вошла — прибрать, если что не так.

— К нам гости! — говорю. — Глянь, кто приехал!

Джано меня обошел, наклонился к матери, поцеловал. Дети в дверях остановились, смотрят растерянно, немножко испуганно, а у одной из девочек губы кривятся и носик морщится. Ишь, какая!.. Старуха сына увидала, голову с подушки приподняла, затрясла ею, приговаривает:

— Спасибо! Привел господь свидеться! Я уж не надеялась, в сердце своем со всеми распрощалась.

— Ну, что ты, мама! Что ты! — бубнит Джано. — Ты у нас еще встанешь. На ихнюю свадьбу хачапури испечешь, — кивает на девчонок. — Без твоих хачапури я их замуж не выдам.

— Типун тебе на язык! Не слушай его, господи! Эх, сынок, сынок, не суждено мне больше подняться. Да и зачем? Одного у господа прошу — чтобы все ваши горести и беды я с собой унесла. А вы живите как знаете. И свадьбы без меня играйте, и... Покажитесь-ка, красавицы! Не рано ли отец о свадьбе речь завел?

Девочки, друг дружку подталкивая, вперед продвинулись, ступили на два шага и стали. Отец им:

— Чего стоите? Родную бабушку не целуете?

Старуха руками замахала:

— Не подходите! Что за удовольствие! Я сама себе противна.

Но девочки все-таки по очереди наклонились и чмокнули ее, точно клюнули по разу. Потом опять к окну отошли, и я заметила, как одна, та, у которой губы кривились, отерла рот ладонью. А мальчишка вдруг растолкал всех, поглядел-поглядел на бабку и спрашивает:

— Ты больная?

— Да, — вздыхает старуха и улыбнуться силится.

— Больная, внучек, совсем никудышная стала.

— Встать не можешь?

— Не могу, ангелочек, год уже лежу.

— Я буду около тебя лежать, — пообещал мальчик. — Чтоб тебе не скучно было.

— Спасибо, золотое твое сердечко, только ты уж лучше за бабочками побегай.

— Нет, когда я болел, мама около меня лежала и сказки рассказывала.

— В самом деле, Джано, — всполошилась старуха. — Где их мать? Куда жену дел? Неужели без Додо приехали?

— Да здесь она, мать, — отвечает Джано, — переодеться с дороги захотела...

— Бабушка, хочешь, я ее приведу? — Мальчик растолкал нас, кинулся из комнаты и через минуту привел свою мамашу. А та и не думала переодеться: так в голубых штанцах, в маечке и носках полосатых и заявила. Старушка бедная ахнула, опять головой затрясла, на сына смотрит. Джано жене что-то недовольно сказал, но та только отмахнулась и своей походочкой — бедрами туда-сюда, туда-сюда, — подошла к больной, присела на кровать и за руку ее взяла.

— Наша бабушка! — говорит. — Наша строгая, сладкая бабушка, вот не думала в таком виде тебя застать. Сколько лет весь дом на своих хрупких плечах несла. И все шутя-играя, даже не замечала, что это за тяжесть. Что с тобой, мама? Что говорят врачи? — И руку ее гладит и ласково так себе на голые колени кладет. Но старуха руку из ее ладоней выпростала, поверх одеяла положила, смотрит в потолок:

— Доктора от меня отвернулись. И родные дети тоже. Даже господь забыл — давно прибрать пора. Может, он эту радость для меня приберег, ангелочек наш головку на мою подушку положил. Теперь на ней и помереть сладко будет... — Помолчала, нашла меня глазами. — Полина, видишь, так богу угодно: гостей тебе принимать. С дороги покормить бы людей надо.

Я и сама уже в голове по хозяйству морокую. К двери пробираюсь, слышу, как Додо распинается:

— Не беспокойся, наша сладкая бабуля, мы все сделаем. Лежи спокойно, сил набирайся, чтобы к нашему отъезду на ноги встать. Я Поле помогу, и хозяйки будущие тоже помогут. Все умеют, хоть сейчас замуж бы отдала, если б взяли.

Девочки переглянулись смущенно, потупились. Одна прыснула и зажала рот ладонью.

— Путаю я их. Ты хоть в платья разные наряжай. Того и гляди, женихи их спутают, передерутся.

Девочки перестали сдерживаться и засмеялись смущенно и взволнованно.

— Уж мама скажет, так скажет! — Додо, наконец-
лась к свекрови, что-то шепнула на ухо и засмеялась. Лицо старухи как будто окаменело, на щеках проступил румянец. Не любит она вольных шуток, и никогда не любила.

Мне самой пришлось кур ловить и резать, и потрошить, и орехи для подливки толочь, и зелень в огороде собирать — все самой! Гости вытащили из машины гамак, повесили между деревьями, надули матрац, поставили в траве складной стул.

Додо переделалась: вместо коротких штанишек платье надела, но оно и того почище — совсем прозрачное, трусики на бедрах сквозь платье просвечивают, даже цвет видать — сиреневый. Меня спрашивает:

— Хочешь такие трусики? Смотри, что на них...

На резинке написано что-то не по-русски.

— Я, — говорю, — по-иностранныму не читаю.

Додо прочитала и говорит:

— Это значит: «Будь моей в четверг».

Я засмеялась:

— А как насчет вторника?

— У меня и на вторник есть. На все дни недели, кроме воскресенья.

— Шестидневка, значит, — говорю. — Нет, Додо, мне Доментий не разрешит. Да я и не влезу.

— Не дури! Молодая, стройная баба, а они безразмерные. Ты только покажись в них своему Доментию, увидишь, что с ним станет.

— Сколько стоит?

— Вообще-то они дорогие, но тебе за пятерку уступлю.

— Одеванные?

— Ну, милочка моя, может, раза три и одевала, не помню.

— Ладно, за пятерку возьму. Только с надписью.

— Бери уж сразу двое. Спасибо мне скажешь...

Ушла, а мне задачу задала — где десятку взять? Осенью, когда виноград сдадим, деньги будут, а сейчас каждый рубль на счету. Дачники уже разъехались, сыр продать некому, хоть в район поезжай...

Одну курицу я сварила, на бульоне подливу пригото-
вила, заправила орехами и сушеными пахучими тра-
вами, — готовить научилась, что твоя грузинка! Другую
курицу зажарила и на мелкие куски нарезала. Куку-
рузную лепешку — мчади испекла на сковороде, с име-
ретинским сыром очень ее любят городские родственни-
ки, а я так и не пристрастилась, не раскусила, мне это
мчади глотку дерет.

Джано заглянул: «Подкрепления не требуется?»
«Отдыхайте, — говорю, — управлюсь». А сама думаю:
«Хоть бы мальчишки поскорей вернулись, или До-
ментий бы пришел... Легко ли на такую ораву
стряпать. На родник сходить надо. И каким ви-
ном потчевать, ума не приложу. Хотя вино не моя за-
бота. По мне кислятина, хуже кваса: ни сладости, ни
крепости. Но в деревне наше вино уважают. На по-
минки ли, на похороны от нас покупают. Свекор, быва-
ло, вел покупателя в марани, там во дворе чаны с ви-
ном зарыты. Вскроют не спеша, зачерпнут и пробуют,
причмокивают, на свет разглядывают. Сверху в любой
кувшин поглядеть — черным-черно. А в стакан на-
льют — в одном золотистое оказывается, в другом ро-
зовое, а в третьем и впрямь до черноты красное. Я
вино люблю осенью, в самом начале, когда чуть за-
бродит, шипит и кусается, и сладкое, как лимонад.
Маджари называют. Из-под желобка давяльни относят
кувшинами — и в чаны. В первую осень я собрала ви-
ноградные ягоды на бортике давяльни и съела. А они
то для счета! Сколько ягод, столько кувшинов... Пона-
чалу частенько впросак попадала, даже напивалась за
столом: вино вроде слабое, а вкрадчивое. Пьяненькая
все ревела и домой просилась, в Россию. «Отпусти,
меня, Доментий! Отпусти, Христа ради! Отпусти!..»
Теперь унялась. Угомонилась. Подрезали детки кры-
лышки. Отлеталась Полинка Дрюнькова. Сиди теперь,
не ершись, по хозяйству колготись. Ша!..

Наконец я все приготовила, салат нарезала, мари-
нованные помидоры из глиняной кадки достала, а ребят
моих не видно. Стала накрывать на стол. Тут Додо из
гамака вылезла, девок с матраца согнала — пожало-
вали, когда все готово!

— Благодать у вас! Просто благодать! Даже
вспомнить жутко, по какой жаре мы ехали. Извини,
Полюшка, что не помогли, — сил никаких.

— Ничего, — говорю, — я привычная.
— Лиа! Нелли! Живо на стол накройте! А са-
ма ко мне подходит, вкрадчиво так за талию обнима-
ет. — Ну, как вы тут? Ладите, или?...

— Да живем как-то, — говорю.

— Не поддавайся деревенской трясине. Ты же красивая баба! Следи за собой. Я тебе кремы оставлю, лосьоны... Покажи-ка руки!

Я левую протянула, правая занята.

— И это женская рука! — Вертит мою ладонь и смотрит чуть брезгливо.

— Подой вместо меня, — говорю я, — да свиней покорми, да дров наруби, да старуху обмой, да всю ораву обстирай...

— Можно подумать, за меня все Пушкин делает! — фыркнула.

Мне этот разговор как ножом по сердцу.

— Жара уже спала, — говорю. — Давай пообедаем на балконе.

— Как тебе удобней, Полюшка. Ты хозяйка...

Забегали девчонки по комнате, заскрипели буфетной дверью, как бы посуду не переколотили. «Тетя Поля, а это куда?» Свекровь шум услышала, опять палкой в стену.

— Ну, чего тебе еще, мать? Может, хватит колотить?

— Что там за беготня?

— Обедать садимся. Сама же сказала...

— Доментий вернулся?

— Нет.

— Без него садитесь?! — возмутилась.

— Неужели нам с голоду помирать?

— Нельзя без хозяина за стол... Если детям невмочь, их покормите.

Не люблю эти церемонии, не привыкну никак! Думаю: ладно, мы пока сядем тихо-мирно, чтоб старуха не слышала, а там, глядишь, и Доментий объявится.

Но Джано тоже уперся: «Детей покорми, а мы дождемся. Что за стол без хозяина!» Мы с Додо переглянулись, плечами пожали. Она пошла за мной на кухню: «Дай, ради бога, кусок хачапури». Отрезала ей половину. «Что-то родственнички мудрят...» — говорю. Она рукой махнула. «Да ну их — хватаются за со-

доминку! Все это давно по швам трещит. Не будь мы в гостях, я б своему показала!..» Посмотрела на нее: хачапури пальчиками держит, мизинец оттопырила, ногти длинные ярким лаком покрашены. Как будто не я, а она кур потрошила. Такая она чужая в нашем старом доме. Как трава в винограднике: вроде и высока, и зелена, но там ей не место.

Тут прибежали, наконец, ребята с речки. Труссы не обсохли, майки повылазили — шпана деревенская, да и только. Засмутились. Ихние по одну сторону стола встали, мои по другую. «Обнимитесь! — говорит Додо. — Вы же друг другу двоюродные!» Мои хлопчики толкаются, пересмеиваются, как дурачки. А их двойняшки поглядывают снисходительно.

Первым, как всегда, Петька нашелся: малыша на руки подхватил. Малыш оскорбился, цапнул его за уши: «Слоненок!». Засмеялись все — Петька и впрямь лопухий. Расселись маленькие Гачечиладзе за столом, ерзают нетерпеливо. «Лиа, Нелли, оставляем вас за старших. Чтобы хорошенько поели!» «За нами дело не станет», — отвечает малыш и к отцу строго оборачивается:

— Папаша, почему вина не вижу? — Набаловали чертенка, но до чего же хорош!..

Вышли мы во двор. Додо опять в гамак, а Джано на скамейку под деревом. Сел, закурил, спрашивает:

— Ну как, Поля, привыкла?

— К чему?

— Жить по-нашему!

Я пожала плечами:

— Жизнь везде жизнь.

— Это верно...

Помолчал, поглядел на двор, на дом, на новые ворота, на свою машину посреди двора.

— А все-таки жаль, — вздохнул.

— Чего жаль?

— Нет той деревни, что раньше была. Последние дни доживает. Вроде моей матушки...

— Тебе бы любоваться, а нам жить... Иной раз в грозу свет выключат, тычемся в потемках, тоска... И как люди жили?..

— Я эту тоску помню. Особенно в грозу...

Додо приподнялась в гамаке:

— Джано, дай сигарету!.. Покурю, пока дети не видят.

— В младенчестве все прелесть, — глядя на него, сказала Додо. — Это потом из ягнят вырастают бараны, из поросят — свиньи, а из прелестных мальчуганов — мужики, вроде тебя! — Она качнулась в гамаке и кончиком вытянутой ноги ткнула Джано в бедро. Тот обернулся и шлепнул ее.

— А-а! — жеманно растянула она. — Больно!

Я подумала, что он иногда поколачивает женушку. Вернее — они дерутся, потому что такая не очень-то даст себя поколотить.

— Послушай, Поля, этот домострой начинает меня угнетать. Муженька твоего не видно, а со мной или голодный обморок случится, или с мужем подерусь.

— Твоя правда. Я тоже проголодалась.

— Доментий Гачечиладзе забрел куда-нибудь с дружками, а мы жди!

— Кто забрел? Доментий? Да никуда он с друзьями не заходит!

— Рассказывай!.. Я вашу породу знаю. Поедешь ты еще без меня на курорт! Думаешь, и рассказать некому про твои художества. У меня пол-Гагры знакомых. Да, да!.. Ты у меня весь месяц под колпаком был. Все твои похождения...

— Покорми ее, Поля, а то меня заест.

Я не знала, как быть, но на мое счастье стукнула калитка — пришел Доментий.

Что мне у грузин по душе, так это отношения между родственниками. Будь ты хоть седьмая вода на киселе, признают, обласкают, и не как-нибудь, а тепло, по-родственному. А тут родные братья встретились. Обнялись. Мы смотрим. Мне лицо Доментия из-за плеча брата видно: улыбается и глаза такие, как будто у него боль в зубе унялась. Даже я, глядя на него, расплылась, как дурочка, про все забыла. А у него буханка хлеба под мышкой торчит, в руке сверток. Я спохватилась, забрала, высвободила ему руки. Джано брата по спине похлопывает, похохатывает, бубнит что-то. А мой только головой мотает: «Нет, — гово-

рит, — братец, не ездок я в город. Мать болеет, сам знаешь, и дети...»

Додо не удержалась:

— Водой их, что ли, разливать?

Доментий наклонился к ней и чмокнул в щеку.

— Вот что я вам теперь скажу. — Додо насмешливо оглядела братьев. — Пусть ваша матушка на меня не обижается, но, видно, и она не без греха.

— Почему?

— Вы разной породы. Видел бы ты, как Джано твою уралочку лобзал и тискал.. Только что ребеночка ей не сделал. А ты кольнул меня усами и.. — Она построила потешную рожицу.

Доментий покраснел — вечно она его своими шуточками смущает, с виноватым видом оглянулся на нас и еще раз поцеловал Додо.

— Ну вот, это называется — выпросила. — Додо встала и пошла к дому. — Теперь остается обед выпросить.

Смотрю я на Доментия и удивляюсь: отчего люди при нем добрее делаются? Даже бабка моя Матрена никогда при нем не ругалась и не сквернословила, котом и хахалем его не называла.

Идет рядом с братом, и ростом повыше, и в плечах шире, руки тяжело вдоль тела висят, косолапит, медведь, а поди ж ты: только калиткой стукнул, и все на место встало — не орда незваная на голову свалилась, а деверь с семьей заехал погостить. Всегда с ним все тихо и ладно. Такой человек! Я когда за грузина шла, подружки ахали: «Ой, Полька, неужели не страшно? Знаешь, какие они!..» А мне такой тихий достался. И слава богу!

Сели за стол. Я на братьев смотрю — до чего же разные! Джано в гостях, а распоряжается почище строгого хозяина. А мой смотрит исподлобья, говорит как-то бережно, точно каждое слово к ранке прикладывает, и улыбка виноватая на лице. Хоть бы я поняла когда-нибудь, в чем он виноватится? В том, что лучше и добрее нас?

Напрасно я стол накрыла не в доме, а на балконе: по проселку мимо нашего двора возвращались с работы соседи. Доментий всех звал к столу. Соседи, отдуваясь, благодарили за приглашение и топали дальше в

гору: «Спасибо, Доментий! С приездом, Джано! В другой раз, ребята, в другой раз...»

Первым к нам присоединился Шалико. Случилась источенная жучками деревянная калитка, и он вошел во двор — маленький, легонький, вроде выжаренный на солнце, с прутиком в руках, в огромных бахилах-ботинках. Нетвердой походкой, пошатываясь, прошел через двор. Ноги у него слегка заплетались — мешала тяжесть ботинок, но казалось, что именно она не дает ему упасть, держит стоймя, как Ваньку-встаньку. На заросшей физиономии Шалико блуждала чуточка виноватая, хмельная улыбка.

— Здорово, сосед! — сиплым, застуженным голосом гаркнул он, подходя к балкону, и дружелюбно осклабился. — Папироска найдется?

— Кого я вижу! — с преувеличенной радостью приветствовал его Джано. — Аробщику комтруда Шаликие почет и уважение! Почему во дворе? Впустить его в дом! Распахните двери! Садись за стол, дорогой, будь гостем... Гость номер один!.. А он все не меняется! — обернулся к нам Джано.

Шалико считали дурачком, но мне всегда казалось, что он слышит насмешку в обращенных к нему словах и смущается, стыдясь за наших шутников, и слегка подыгрывает им, чтоб не ставить в дурацкое положение. Он легонько облокотился на перила балкона: в нем была какая-то птичья легкость, точно, сомневаясь в прочности предметов, он до всего прикасался с невесомостью пичуги.

— С приездом брата тебя, Доментий!

— Заходи, — хмуро буркнул Доментий. — Присядь к столу. — Доментий никогда не насмешничал над Шалико.

Шалико ступил на веранду, и мы опять — теперь уже вблизи — увидели, какой он маленький и легонький, весь пропеченный солнцем, просоленный потом, пропыленный и прокуренный, стареющий мужчина ростом с подростка, с расплющенной сзади маленькой головой и с проседью в щетине на обветренном лице.

Его заметно пошатывало, и Джано произнес с насмешливым укором:

— Да он под бахусом пожаловал! Где успел, Шалико? Не вытерпела душа поэта?

Шалико махнул рукой, мотнул головой и, весело ощерясь, пристроился к столу: дескать, шутите, шутите—я теперь при деле! Последний год он напивался почти ежедневно. Таскался по селу на скрипучей арбе, запряженной доходягами-волами, такими же беспородными, как он сам: кому муку подвезет, кому соль, кому медного купороса в ящике, кому плетень починит, или дров нарубит, а кто и просто так пару стаканов вина поднесет. А потом в ночной тишине слышится по селу сиплый спотыкающийся голос — напевая или ругаясь впопыхах, Шалико бредет к своему дому.

— Где твоя арба, Шалико? В надежном месте? Не погуби, не оставь село без поддержки..

— Быки у меня всегда в надежном месте, — с обидой в голосе невнятно бурчит под нос Шалико и мотает головой. За себя он никогда не обижается, но быков лучше не трогать. — Ежели я выпиваю, это мое дело и других не касается. А быки не должны страдать. — Он поднимает стакан с вином, нетвердо встает и, кое-как изобразив на лице сосредоточенную важность, застуженно сипит: — За твой приезд! За твою вторую половину, забыл, как ее по имени-отчеству. За твоих детей, пусть растут вам на радость...

— Э, нет! — качает головой Джано. — Что это ты всех в один стакан покидал? Так не пойдет, хитрец ты эдакий! Хочешь упоить нас и уйти, как стеклышко? За каждого в отдельности будешь пить!..

Шалико смотрит на Доментия и прикладывает руку к груди.

— Извиняюсь перед обществом. Если скажет тамада. Извини... — Он никогда не смеется, только ощеряется беззвучно, как стареющий пес.

Подхожу к Доментию, наклонившись, шепчу на ухо:

— Не надо бы ему больше, он и так пьян.

— Не бойся, Полина! — вмешивается Джано. — Этому молодцу что три стакана, что три литра — все одно. Верно, Шалико?

Вторым к нашему застолью присоединяется бывший директор школы Григол. Когда он входит во двор — в белых брюках и чесучовом кителе, похожий издали на капитана корабля из какого-то кинофильма, мужчины

встают ему навстречу. Григол обнимает Джано, долго и с удовольствием целует ручку его жене, с быстрой улыбкой оглядывается на Шалико: «Этот уже здесь?» Потом подмигивает мне и зычным крепким голосом спрашивает по-русски:

— Ну как, Полина? На нашего молодца не жалуешься? — Вечно он со своими шутками!

А видать, хорош был в молодости! И сейчас-то залюбишься. Даже повязка на глазу его не портит. Одним глазом лучше трех двухглазых видит. Особенно хорошо он видит женщин...

Желтый, как у сокола, глаз быстро обегает весь стол, потом несколько раз перескакивает с Додо на меня и опять на Додо и, наконец, прикипает к стакану с вином. Губы Григола вздрагивают, пальцы трогают лезвие ножа. Его руки не знают покоя. Он как клокочущий котел под чугунной крышкой. Десять лет при виде него я робею и жду чего-то: ведь не может же котел вечно клокотать, когда-нибудь взорвется...

— Что нового в городе, Джано? Ты там, как говорится, в сферах, а мы здесь навоз месим...

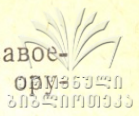
Джано с Григолом заводят речь о политике: Китай, Израиль, еще какие-то там названия — мне не интересно. Шут с ним, с Китаем. А Доментий мой слушает, смотрит, но не вмешивается — не нашего, дескать, ума дело. Обидно за него, робеет он как-то, умных людей, умных разговоров избегает, а ведь не глупее других...

Мне забываться не годится, за столом следить надо: кувшины вином долить, лобio в миски добавить, сыр и помидоры нарезать, хачапури разогреть...

Григол хоть и при одном глазе, а все замечает: от политики отвлекся, окинул меня быстрым взглядом и Доментия по плечу хлопнул:

— Огрузинил ты ее, Доментий! Совсем грузинка! Молодец!

Джано меня останавливает, за меня тост провозглашает. Слушаю краем уха. Умеет, артист! Прямо кружева языком плетет! И нашей с Домением любви коснулся: «Там, вдали от родины, где было ему холодно и одиноко»... И первые дни после приезда вспомнил: «Прямо скажу, кое-кто из нас настроенно мелодию встретил...»

— Где все это теперь? Поля нас победила, завоевала. А чем, спрашивается? Самым неотразимым оружием: женственностью, добротой, домовитостью.

— Тебя, может, она сейчас победила, а я с первого взгляда сражен, — пророкотал Григол. И, сверкнув единственным глазом, улыбнулся мне.

Я выслушала всех потупившись, скромненько улыбаясь, поблагодарила, как полагается, пригубила стакан — выучилась, наконец. Потом наклонилась к Додо и шепнула ей, что мне надо в хлев сходить, корову подоить: присмотри тут, дескать, без меня. Она чмокнула меня в щеку: «Иди уж, иди, образцовая хозяйка...»

Уходя с веранды, услышала, как учитель Григол обратился к Шалико:

— Шалико, парень, объясни, ради бога: какими органами ты застолье чуешь? Куда ни придешь, он тут как тут!

Шалико с довольной ухмылкой пробурчал что-то под нос.

— Я читал где-то, что пчелы наделены феноменальным обонянием, — играя раскатами своего баритона продолжал Григол. — Может, и он вроде той пчелы? Может, у нас под носом феномен живет? Надо бы нам его обследовать для науки. А, Шалико? Что ты на это скажешь? Согласен для науки? А?

Вот ведь — умный человек, а тоже удержаться не может. Дался им этот Шалико...

По крутой тропинке поднялась в хлев, кликнула Петьку, чтобы теленка подержал. За Петькой прилепали мальчишки, вошли цепочкой, выстроились за моей спиной, сопят тихонько, перешептываются.

В хлеву приятная саманная духота распаренного жарой навоза и молодого сена, сохнущего под крышей. У входа рыжий теленок привязан, маленький бычок — недели две, как на ногах утвердился.

Сначала мы подпустили теленка к корове и смотрели, как он сосет, а корова осторожно обмахивается хвостом и косится на нас. Потом Петька оттащил теленка. Тот пытался вырваться, Петька пыхтел, обняв его за шею.

Когда тугое вымя размякло под пальцами, я забрала подойник и сказала Петьке:

— Отпускай!..

Теленок с разгону потерял вымя, потом нашел и стал тыкаться, поддавать, находя и теряя губами соски, а Ираклий, присев возле него на корточках, переживал и глотал слюну.

Я накрыла ведро марлей, велела Пете отнести его в погреб, а сама заглянула к свиньям. Огромная тучная матка лежала на деревянном настиле, а у ее живота, налезая друг на друга, толкались и повизгивали десятидневные поросята. Беленькие, пузатенькие, с чистой сухой щетинкой и лихо закрученными хвостиками, они были до того хороши, что я позвала ребятешек: — Мальчишки, полюбуйте на них!

Ираклий с готовностью подбежал и обмер у высокого порога.

Поросята поочередно выбирались из кучи, отходили в сторонку и стояли, покачиваясь, точно пьяненькие, моргая черными глазками и подергивая розовыми пятчиками, как будто уговаривая себя: «Может, хватит?» И каждый раз оказывалось, что нет, не хватит, хорошо бы еще поесть, и поросенок снова лез в кучу — расталкивал повизгивающую братву.

Уходя, мы вывели теленка и привязали к частоколу. Он нежно и обиженно мыкнул, оглядываясь на хлев. На его губах не обсохло молоко.

Я спустилась во двор. К этому времени солнце закатилось за гору. Смеркалось. Стало прохладно. За столом я увидела нового гостя — рядом с Шалико полыхал румянцем толстый как бурдюк мельник Гурам, наш сосед и дружок Доментия со школьных лет. Кажется, из их класса только они двое в селе и застряли.

Додо, не дождавшись моего возвращения, встала из-за стола, перебралась в гамак, подвешенный между двумя сливами.

— Ну, как они там? — спросила я, проходя мимо. — Ничего не надо?

— Черта лысого им надо! — с досадой отмахнулась Додо. — Видно, надолго засели.

Гурам поздоровался со мной: «Добрый вечер, Поля!» и продолжал объяснять что-то расспрашивавшему его Григолу.

Жаль, Гурам без жены пришел — подружка моя Этери засучила бы сейчас рукава, помогла бы во всем,

добрая душа. Что-то она реже стала к нам поднимать-ся. Может, обиделась на что?

— Гурам, бессовестный, почему Этери дома оста-вил?

— У нее там стирка, или что-то такое. Может, по-позже поднимется.

— Ты же знаешь, не поднимется она без тебя, го-стей постесняется.

— Если тебе помощь нужна, сейчас позову.

— Ну, что ты! Просто соскучилась...

Я прошла на кухню, вымыла руки, утираясь поло-тенцем, заглянула к свекрови. Лежит тихая, благост-ная, светлым взглядом в полумрак комнаты устави-лась, пальцами край одеяла теревит.

— Ничего не надо, мама?

— Ничего, дочка. За гостями присмотри, а обо мне не беспокойся. Кто там из соседей, я что-то по голосам не признаю.

— Учитель Григол. И Гурам наш пришел.

— Гурам заглянул ко мне, проведаль. А Григола по голосу не признала. Надо же! Видно, совсем плохи мои дела.

— Еще Шалико пьяненький притащился.

— Этого слышу, этого ни с кем не спутаешь... Не обижайте его, дочка. Мой Георгий никогда его не оби-жал.

— Не бойся, не такие там люди собрались.

Вернулась я к столу. Когда мимо Джано проходи-ла, он поймал меня за руки.

— Ох, парным молоком пахнешь, Полина!.. Сто лет этого запаха не чуял.

— Лучше всяких духов, верно? — вставил Григол.

В это время со стороны нашего сада донесся шум автомобильного мотора, потом протяжный, с надрывом сигнал и голос Нодара:

— Еду, Доментий, еду, приготовься!

— Чего ему надо? — Григол метнул на Доментия требовательный и строгий взгляд.

— Не знаю, — пожал плечами Доментий. — На-верно, опять на охоту собрался.

— На что среди ночи-то охотиться?

— Зайцев из машины стреляет.

— Вот злодей!.. — хохотнул Григол. — Так прямо из машины и лупит?

Нодар уткнул свой самосвал в ворота и, не выключая фар, опять натужно посигналил.

— Ну что, поехали?

— Не могу, — откликнулся Доментий. — Джано приехал.

— А мы и его возьмем. Он стрелок был, если не разучился. Айда, Джано, ГТО сдавать, я инструктор, у меня и документ имеется.

— Посиди с нами, Нодар. Заходи.

— Э-э, «посиди, посиди!» Чего сидеть в такой вечер?

— Ты не шуми, браконьер, не шуми! — с деланной строгостью вмешался Григол; в уголках его губ притаилась усмешка. — Лучше иди к столу, пока добром зовут.

Нодар шел по двору, поглядывая из-под густых бровей черными, как ежевика, глазами, и приговаривал:

— Посидеть-то можно... А что в итоге? Напьешься пьян, голова будет трещать... То ли дело зайцев погонять по полям... Тьфу, опять не вышло! Когда теперь еще соберусь. Я ведь тоже рабочий человек, и машина у меня казенная...

Косясь в сумерках на белеющую платнем Додо, он поднялся на веранду, расцеловался с Джано, всем остальным пожал руки и недовольно оглянулся на Шалико.

— Ты уже здесь? До чего пряткий! Хоть бы раз посидеть за столом без тебя!

— Чего тебе от меня надо? — Шалико осклабился, как довольный пес.

— А того и надо, что поставил арбу посреди дороги. Правила уличного движения тебя не касаются. Вот скажу бригадиру...

— Ладно, ладно!.. Арбу не трогай.

— А я уже тронул, думаю — не уцелела.

Шалико испытующе посмотрел на Нодара, улыбнулся неуверенно:

— Что ты сделал?

— Левым бортом хрястнул. По-моему, ей достаточно.

— Поклянись!

Нодар перекрестился: — Ей-богу!

Шалико вскочил, обиженно скуля и подвывая, бежал из-за стола, прогромыхал бахилами через двор, стукнул калиткой, а Нодар смотрел ему вслед и смеялся: — Беги, беги, может, аккумуляторы спасешь!

Пока Нодар пил «штрафные» и отвечал на вопросы о ночной охоте на зайцев, вернулся Шалико. Бормоча что-то под нос и с довольной улыбкой поглядывая на Нодара, сел за стол.

— Ну как, Шалико, цела твоя арба? — спросил Григол.

— Цела! — успокоенно проворчал Шалико. — Не такой он человек, чтобы мою арбу ломать. Верно, Нодар?

Нодар протянул ему руку через стол.

— Хочешь, научу машину водить?

Я спустилась в погреб, долила вина в кувшины, а вернувшись к гостям, застала жаркий спор: Нодар с Гурамом схватились. Нодар глаза недобро щурит, губом трясет, руками размахивает; Гурам отвечает негромко, но без обычной мягкости — твердо, даже с вызовом. А Доментий мой все помалкивает, на спорщиков с интересом поглядывает. Села я рядом с мужем, прислонилась к нему — спина широкая, теплая сквозь рубаху. Миленький ты мой! И когда эта говорильня кончится? Попробовала в спор вникнуть — о чем они так расшумелись, чего не поделили? Любят по пустякам шуметь, особенно Нодар всегда горячится. Футбол, погода, кино — обо всем спорит. И обидчивый такой; если своего не докажет, уйдет, калиткой хлопнет и целую неделю не показывается. Доментий у них как судья: чью сторону примет, тот и прав. Так по всей деревне повелось: пусть нас Доментий рассудит... О чем они сейчас?

— Вот у вашего отца отобрали виноградник? — говорит Гурам. — Отобрали. И что? Через пять лет в том винограднике и пяти пудов не собрали. А сейчас, где лоза росла, даже не споткнешься — хоть в футбол играй. Раз в три года колхоз кукурузу там сеет, но она даже початка не дает.

— А ты чего хочешь? Куда гнешь? — горячится Нодар. — Чтоб опять всем землю в частное владение

раздали, да? Правильно я тебя понимаю? Нет, ты не темни, прямо говори — так?!

— Лоза, мой дорогой, это не кукуруза и не лоббио. Сам знаешь, сколько в нее труда вкладываем. Ей настоящий хозяин нужен. В наших горах технику не приспособишь, даже купоросом опрыскивать и то вручную приходится. Аппарат на спину и ходишь с утра до ночи. Так что чьи руки работают, тот и хозяин.

— Ай, какой умный! Не голова, а Дом правительства! Дорогуша, ты министра из себя не строй, мельником был, мельником и останешься. Не для того мы кулаков раскулачивали, чтобы опять разводиться.

— Какие кулаки, Нодар! — возмущенно сверкнув глазом, вмешивается Григол и даже ладонью по столу пристукивает. — Не мели глупостей! Будь сейчас у Домения тот виноградник, он бы лишних двадцать тонн государству сдал. По государственной цене, между прочим. Верно, Доментий?

— А сколько отобранных виноградников в колхозе зачало? Кому от этого прок, не знаю...

— Нет, братцы, этот разговор мне не по душе. Я в нем не участвую, — мотает головой Нодар.

Глянула я на него, и смех меня разобрал: вспомнила, как на этом самом месте он неделю назад выступал, рассказывал о новенькой учительнице, божился, дескать, сам видел, как к ней в окно рыжий Жорка лез. А под балконом за спиной Нодара Джульбарс от скуки гавкал, подвывал, слушать мешал. Я и цыкнула на собаку: «Замолчи! Чтоб я тебя не слышала!» Бедняга Нодар на свой счет принял. О-ой!.. Еле мы его тогда уняли. И смех, и грех...

— Бригадир — собака на сене! — неожиданно встрепенувшись, объявляет Шалико. — И сам не ам, и другому не дам. Во какую морду наел! — Он раздувает небритые щеки, тычет Гурама в бок и беззвучно очеряется.

— Бригадир тут ни при чем, — отмахивается от него Гурам, — он делает, что ему приказывают.

— Нет, братцы, нет! — опять мотает головой Нодар и зажимает ладонями уши. — С таким народом коммунизм не построишь, нет! Вам только «давай, давай», а попробуй у вас что-нибудь отобрать, сразу когти показываете...

— Ничего ты не понял, Нодар.

— Куда уж нам, дуракам, мы на пятерки не учились.

Наскучил мне этот разговор. Я голову Доментию на плечо положила, шепчу:

— Все в порядке, батюшка: корову подоила, теленка привязала, свинью покормила... — И вдруг схватилась: куры-то не заперты!

Вскочила, побежала. Курятник далеко от дома, под тутовым деревом, и в нем темным-темно и сухо, пахнет пометом и пухом. Петька однажды птичье гнездо откуда-то принес — точно так же горьковато пахло. На жердочках куры расселись, поквохтывают сонно, устраиваются. Иногда вдруг вскрикнет какая-нибудь, и снова тишина. Глаза привыкли к темноте, пересчитала — пятерых не досчиталась.

— Петька, лезь на дерево! Опять эти дуры там!

В сумерках над головой тяжкое хлопанье крыльев, усилие без полета, перепуганное кудахтанье, паника, беготня. Кое-как затихли, протяжно вопрошая что-то, стали к курятнику подбираться. Перескочили через порог, и Петька дверь захлопнул: «Все! Спокойной ночи». За дощатой дверью возня, куриная перебранка; видать, тесно на жердочке. Но вот все смолкло, лишь тихое-тихое попискивание, будто не куры там, а махонькие цыплята.

Звук как пухом окутан теплыми душистыми сумерками. Как я люблю этот дремотный уют и покой! По природе, в сокровенной своей глубине, я не гулена, а домашняя баба, квочка. Наседка с цыплятами.

Вечер. Тишина. Благодать. Теперь бы отдохнуть немножко, да и в постельку. Но сегодня не удастся лечь пораньше. Когда еще гости разойдутся! С ихним вином можно просидеть хоть до рассвета...

Вернулась во двор. Додо все так же белеет плащем в сумерках. Гамака почти не видать, и кажется, что она в воздухе тихо покачивается. Окликнула меня, говорит:

— Пора вмешаться, Поля.

— А что случилось? — Я оглянулась на мужчин за столом под яркой электрической лампочкой. Там вроде все как было, разве что разговор жарче прежнего. Ну, вино — оно горючему сродни.

— Кажется, братья передерутся. — И Додо в своем гамаке покачивается как ни в чем не бывало.

— Кто? Доментий?! — не поверила я.

— Про Доментия не знаю, а мой завелся... Ты послушай!

Подхожу к веранде и слышу, как Джано недовольно спрашивает:

— Что-то я не разберусь: кто из вас эту мельницу восстанавливает, ты или он?

Ах, вот из-за чего сыр-бор разгорелся! Мельницу Доментия вспомнили. Я и сама сколько раз из-за нее ругалась. Кому она нужна в наши дни — старая водяная мельница!

А Гурам простодушно растолковывает:

— Идея, — говорит, — Доментия. И исполнение его. Он работает, а я ему помогаю в свободное время: ну, там бункера установить, или стену слегой подпереть. Одному с таким делом не управиться.

— Понятно. А ради чего вы хлопочете? — Джано выжидающе смотрит на Доментия. — Другого развлечения не нашли? Или доход с нее получить надеетесь?

— Да какой доход! — Гурам с улыбкой оглядывает всех. — Просто буду три раза в неделю запускать по утрам, для своего удовольствия. Из некоторых деревень туда ведь ближе, чем ко мне, на электрическую. Не всякому охота лишних два километра топать, особенно зимой. Да и мельница хороша. Неужели забыл, Джано? Мы плотину и желоба подновили, стены подперли и...

— Вам кто-нибудь оплатит работу? — прервал его Джано.

— Кто оплатит? — недовольно буркнул Григол. — Самодетельность в чистом виде. Сельсовет о ней даже не знает.

— Ну, какое-нибудь общество по охране старины... Сельсовету такие реставрационные работы не по карману.

— Моя бабушка им оплатит, — хохотнул Нодар. — Упокой, господи, ее душу...

— Никто нам ничего не платит, — сказал Гурам, — все только удивляются и посмеиваются, вроде тебя. Ну, ничего, мы не обидчивые. Верно, Доментий?

— Тебя я еще могу понять, — говорит ему Джано. — Тебе это и выгодно, и удобно: разгрузишься от мешков. А этот-то куда лезет? — Он недовольно отлядывается на Доментия. — Ему-то что за прок от твоей мельницы? Слышишь, молчун, тебе говорю! Чего ты там пропадаешь целыми днями?

Доментий с виноватой улыбкой пожимает плечами. Его улыбка окончательно выводит Джано из себя.

— Он еще улыбается! В прошлый мой приезд в церкви крышу починял: стропила, говорит, прогнили, черепица осыпается... Тебе-то что от той черепицы? Еле стащил его оттуда. Теперь и того лучше! Можно подумать, что у него хозяйство как часы отлажено и делать ничего не надо. Вот Поля, — кивнул он на меня. — Думаешь, ей не хочется хоть телевизор в доме иметь, посмотреть иногда, что на белом свете делается. О ней ты подумал, о детях своих подумал? Мальчишкой тебе все с рук сходило — поскребыш, а жизнь — она не папа с мамой.

— Я же тебе толковал, Джано, — виноватым тоном пробубнил Доментий. — У нас телевизор не работает.

— Это еще почему?! Зуб, что ли, на тебя имеет?

— Тут мертвая зона, — вмешивается в разговор Гурам. — Впадина между горами. Нужна очень высокая антенна.

— Ну, так установите высокую антенну. Вместо того чтоб никому не нужную прогнившую мельницу восстанавливать. Тоже мне — любители старины. Каждому в жизни свое, и нечего в чужую колею лезть.

— Ты не прав, Джано, — твердо вступает в разговор Григол. — Посмотри на меня: я похож на верующего?

Джано усмехается и качает головой:

— Пожалуй что нет.

— То-то! А когда Доментий нашу церковь отремонтировал, я его на людях расцеловал. Ты скажешь, что церковь исторической ценности не представляет, иконостас нашими отцами из Кутаиси привезен. В масштабе всей Грузии, может, и не представляет, а для нас святое место: там наших родителей крестили-отпевали. Правильно я говорю? Если б не Доментий, ле-

жать ей сейчас в развалинах. Какую снежную зиму выстояла. Он как заранее чуял...

— Я не против, Григол, пусть делает, что хочет, он человек самостоятельный, отец семейства. Только сначала надо свой дом устроить, в хозяйстве порядок навести. Я так понимаю. Или у вас наоборот?

Тут я не выдержала, вмешалась:

— А что у нас не в порядке? — говорю. — Чем не угодили?

Джано на меня удивленно оглянулся. А со двора Додо голос подала, даже из гамака вылезла:

— Он же твои интересы защищает, Поля!..

— Никто его не просил мои интересы защищать.

Подошла к веранде, на крыльцо поднялась.

— Почему ты горячишься, не понимаю? По-моему, Джано ничего обидного не сказал. Теперь люди и в деревнях по-человечески жить хотят, на городской лад устраиваются. Вот спроси у Джано: мои старики в поселке живут, а удобств побольше, чем у нас в Тбилиси.

Ишь, удобств им мало! Можно подумать, что мы их посулами заманили и недодали чего-то...

Нам, говорю, наших удобств вполне хватает.

— А я, к примеру, освежиться хотела с дороги, — говорит Додо и на меня в упор вызывающе шпалится. — Залезла в вашу, извините за выражение, душевую, а там бак растрескался, пауки по стенам ползают.

— Сама знаешь, тот бак в дождь наполняется, а сейчас засуха. Могла и на речку пойти.

— Спасибо, дорогая! Про это самое Джано и говорит. И нечего вам обижаться. Лучше слушайте да на ус мотайте. Между прочим, мы в этом доме не посторонние. Нам не все равно, что с домом будет. Права я или нет, Доментий?

— Права. — Доментий кивнул и потупился.

— Ну, что ты все глаза опускаешь, мой хороший?! — Додо пробралась между столом и стенкой к Доментию, обняла сзади за шею, навалилась грудью. — Чего тебе всю жизнь не хватает, так это нахальства. Ей-богу, будь нахальство чем-то материальным, отрезала бы у Джано кусок побольше и тебе бы подарила.

— Лучше от себя отрежь, — усмехнулась я.

— И от себя добавлю. — Засмеялась и Доментия в ухо чмокнула.

— Не надо его ничем одаривать, нам он и такой подходит, — заступился за друга Гурам. — Пусть хоть один такой будет.

— Что верно, то верно, — подхватил Нодар. — Этого добра ему не надо.

Григол с усилием нацелился на кувшин, налил себе вина.

— Прошу прощения, друзья... Мы в доме Большого Георгия и прошу этого не забывать. — Все сразу притихли и приосанились. — Негоже ученикам видеть учителя пьяным. Оставайтесь, вкушайте хлеб-соль этого дома, спорьте, ищите истину, только без меня. Но перед уходом вот мое слово. — Григол посмотрел на Доментия; на этот раз пронзительный взгляд его единственного глаза был смягчен лаской. — Мы тут и пошумели, и повздорили, и поговорили, а голос вот этого человека почти не слышали. Такой уж он у нас... Джано, алаверды к тебе! — Григол перевел взгляд на Джано; теперь его движения были не так быстры, как в начале застолья. — Не думай, что тут хмель и вино. Как его старшему брату, хочу тебе сказать — мы любим Доментия. Многие его считают чудачком, а я вам скажу, как это чудачество называется — золотое сердце!

— Трудно в наше время с таким сердцем, — покачал головой Джано.

— Согласен! — резко кивнул Григол. — Согласен. Но что стало бы с нами без таких людей? Дай я тебя поцелую, сынок! — Он обнял Доментия, потом отстранился и озорно подмигнул:

— Помни, парень, каждую ночь помни — ты честь нации защищаешь! — И на меня, смеясь, оглянулся. Черт старый! Никак не уймется...

Я вошла в дом. Свекровь услышала мои шаги, позвала, попросила вскипятить воду, посуду, дескать, помою. хоть чем-нибудь тебе помогу. «Нечего, мать, у Джано вон девки вымахали, и жена здоровее нас с тобой, пусть они и моют». «Они гости, дочка. А я все равно без дела извожусь, нервы не выдерживают, изорвались вконец нервы». «Ты только постель зальешь или запачкаешь. Больше хлопот». Поспорили, пошумукали — уломала, старая. Неужели у нас, наконец, налад пойдет? Да пора бы — хоть последние дни в мире

поживем... Подбросила я дров в камин, огонь раздула, ведро закопченное на треногу поставила. Хворост сперва затрещал, занялся, потом пламя обиженно забуныло, забормотало что-то. Я вспомнила: у многих в деревне газовые плиты стоят, и каждый месяц им газ в баллонах развозят — оповещают охотничьим рожком. И досада меня взяла на моего благоверного. Прав Джано: чем на стороне целыми днями благоглупостями заниматься, хозяйство бы наладил, мне бы жизнь облегчил. У него только и обязанностей, что виноградник опрыскать. Мотыжит и опрыскивает все лето. А потом что?.. Живем как в каменном веке! Душевую я уговорила соорудить, когда дети маленькие были. И то — бак ему Гурам раздобыл, а трубы Нодар с завода привез. И я же еще за него заступилась, дура! Пусть бы старший брат права ему покачал, мозги бы вправил...

Добавила я в тарелки, что на кухне осталось, вынесла на балкон, расставила на столе. Мужчины все шумят о чем-то, руками размахивают. Сюда бы мою Верку — верно, решила бы, что дело к драке идет. Я тоже сначала пугалась, а потом попривыкла — азартный народ, горячий. Не то что наши северяне.

Вдруг голоса за столом смолкли. Григол прижал палец к губам. — Тише!

И в наступившей тишине из-за оврага жалобно так донеслось:

— Нодари-и! Нодари-у-у!

Нодари вскинул руки, призывая всех к вниманию.

— Нодари-и-и! — тянул надтреснутый старушечий голос. — Нодари-и!

— Да откликнись ты, черт! — рассердился Григол. — Мать зовет!

— Вот так каждый раз, — со вздохом пояснил нам Нодар. — Стоит уйти, через час выходит и голосит.

Старуха все звала сына, ее голос далеко разносился по притихшей деревне.

— Ты что, язык проглотил?! — Взгляд Григола вспыхнул гневом. — Откликнись сейчас же!

— Ничего, пусть пошумит, ей полезно для дыхания, — бросил Нодар, но тут же повернулся на голос и сложил руки рупором. — Чего тебе, мать? Чего?

— Не поехал, сынок? — обрадованно отозвалась старуха.

— Нет! — откликнулся Нодар.

— Где ты, сынок?

— У Доментия я. У Доментия!..

— Не поедешь? — в голосе старухи опять проснулась тревога.

— Нет! Не-ет!

— Ну и слава богу, — понизила голос старуха.

Там и тут по селу забрехали собаки. Чей-то ребенок передразнил: «Где ты, Нодали?», залился смехом и смолк, видимо, пристыженный старшими.

— Вечно она так! — возмущенно обернулся к нам Нодар. — Я втолковываю: не срами ты меня, мать, мне уже четвертый десяток, люди подумают, что я с приветом какой-нибудь, малохольный. Чего кричишь, спрашивается? Живой я — так и без твоего крика домой приду. Трезвый или пьяный, побитый или целый, хоть на карачках, а приползу. А если что случится, твой крик не поможет. Кричи — не кричи. Верно?

— У тебя свои растут, понимать должен, — хмуро сказал Григол.

— Я понимаю, — прервал его Нодар. — Разве я не понимаю? Нервничаешь там, психуешь, но кричать-то зачем? Слыхали сопляка: «Где ты, Нодали?» — пропищал он. — У-ух, попадись под горячую руку, пошвам бы его распорол! Так и шутком сделают, посмешищем, вроде вот этого. — Он кивнул на прикорнувшего за столом аробщика Шалико.

Я спохватилась — детям пора спать! А они, оказывается, давно легли: Петька сам распорядился — девочкам комнату отдельную отвел, и белье постельное им выдал. Есть в нем самостоятельность, и резкость какая-то: давно подмечаю — на отца своего делается похож, не только внешне, но и характером. Младшие мальчишки ходят за ним, как утята: он и прикрикнуть на братьев может, и подзатыльник отвесить, но другим в обиду не даст. Раз на речке какой-то парень напугал нашего Малхаза, до слез довел; Петька с ним в драку полез, кинулся как бешеный... Домой притащился в синяках, с рассеченной губой, живого места на нем не было. Я хотела выведать, кто его так отделал, но он только усмехался разбитыми губами: «Ничего, мам, ему еще больше досталось!..» и Малхаза шутя потрепал за вихры.. Я сама слыхала, как младшие своих обидчи-

ков страшали: «Вот скажу Петико, он тебе задаст...». Ах, Петикс ты мой, Петико... Петр Николаевич..

Григол положил на стол большие сжатые кулаки. Его горящий гневом взгляд прикипел к стакану с вином.

— Марта! — позвал он, почти не повышая голоса. Ему и не нужно было повышать голос. — Марта, ты меня слышишь?

Из дому чуть слышно донесся голос свекрови:

— Слышу, Григол!

— Не сдавайся, Марта! Плоть подвела, духом возьми! Не сдавайся, Марта! — Его желтый соколиный глаз горел яростью.

— Вы живите, а мне уж пора... — невнятно прошелестело в ответ.

— Выпьем за матерей! — Григол обвел всех быстрым и требовательным взглядом. — За их святую тревогу! Пей, Нодар! — Он в несколько глотков осушил свой стакан и выбрался из-за стола. — Ну, все... пора...

Оставшиеся гости сидят еще час, и другой. Я уже не прислушиваюсь, о чем они говорят. В голове гул, ноги как в резиновые боты втиснуты. С меня на сегодня довольно — ухайдакалась.

Аробщик Шалико засыпает прямо за столом — счастливчик. Нодар с Гурамом больше не спорят; когда Джано заводит песню, они вполголоса подпевают ему. Джано ведет песню так бережно, точно вытягивает из поющих ртов шелковую нить. Красиво!

— Молодцы, черт возьми, а? Хоть прямо в филармонию вас записывай!..

— А ты думал! У нас что ни дом, то филармония.

— Жаль еще Шаликиа уснул... Хо-хо-хо.

Наконец гости встают. Пошатываясь, выходят во двор, долго прощаются. Собака носится вокруг них кругами, лает, скулит, радостно виляет хвостом.

— Машину оставляю, — сообщает Нодар и с довольной ухмылкой мотает чубатой головой. — Все равно до дому теперь не дотянуть. Не ездок.

— В таком виде не то что на машине, на арбе не дотянешь.

— Хоть бы всегда такой осторожный был, мать бы твоя глотку не надрывала.

— Осторожность — мать ученья!

— То-очно... А куда делся Шаликиа?

— На что он тебе?

— Отвезем домой.

— Оставьте, уснул человек и пусть...

— Нет, Доментий. Вам гостей и без него хватает. Да и дома у него люди. Небось, глаза проглядели...

Нодар пригоняет скрипучую арбу, Гурам выносит Шалико и стоит с ним на руках, пока арбу разворачивают на пяточке у ворот.

— Назад! Назад, безрогий! Ну-ну-ну! Хи-о! Да уложи ты его! Прижал к груди, сокровище!..

Гурам укладывает Шалико на доски; все пьяны, никто не сообразил подсунуть хоть что-нибудь ему под голову. Я порываюсь в дом за мутакой, но арба трогается, быки резво идут под гору. Колеса подпрыгивают на камнях, голова Шалико отбивает громкую жесткую дробь.

— Полегче! Все-таки голова...

— Такая все выдержит, — откликается Нодар и охаживает быков прутом. — Ну, ну, ну, звери!

Голоса и скрип арбы затихают в ночи. Доментий запирает ворота.

Я вхожу в дом. Свекровь с умиротворенным, почти счастливым выражением лица моет посуду. Над миской с водой курится пар. Ее ладони разбухли и покраснели. Я хочу разбавить кипяток — не позволяет. Наверное, ей приятны эти горячие ванны.

— Ушли?

— Ушли, — отвечаю я.

— Вот и хорошо!

— Оставь до завтра, мама. Мы тебе поможем.

— Ничего. Только бы не уснуть. Когда руки в горячем, в сон клонит...

Возвращаюсь на веранду. В темноте двора летают светлячки. Собака гоняется за ними. Ночь теплая, беззвездная, тихая. Пахнет исходом лета... Скоро осень настанет. Мальчишки в школу пойдут. А я с утра в лес за каштанами и грибами. Здесь другие грибы, совсем не те, что в наших лесах: нет ни маслят, ни опят, ни белых. Только лисички попадаются среди папоротников... Как увижу их, так сердце сожмется.

Устала, спать хочется... Если Джано дня на три, на четыре — ничего, потерплю... До чего мальчишка у них славный!..

Собака по двору гоняется за светлячками. Замирает. Разинув пасть и шевеля ушами, удивленно смотрит на мерцающий огонек и опять пускается вдогонку. Горы сдвинулись к реке, чернеют угрюмо. Ночью ущелье теснее. Что-то стрекочет в траве, звук деловой и звонкий, как от далекой лесопилки.

Светлячки пролетают сквозь частокол из проулка во двор и обратно. Летят вверх и вниз — вдоль проселочной и без дороги. В их мерцании все делается зыбким: ограда ничего не ограждает; огонек, помигивая, проходит сквозь гущу кустарника, таинственно сигналирует из окон ночного дома, негаснувшей искрой возносится между ветвями. Светляки загораются и гаснут в черной траве и в черном небе; близкие кажутся далекими, далекие — близкими. Все смещается и перемешивается, твердь прогибается, воздух твердеет...

В темноте двора в грустном хороводе огоньчков бежит ягненок. Стоит недвижимый на черной траве под деревьями.

— Ты один, Доментий? — Доментий оглядывается. — Вы не поссорились?

Молча пожимает плечами.

— А куда делся Джано?

— Пошел спать.

— Надо бы отвести ягненка в хлев, — говорю я.

— Пусть пощиплет траву, в хлеву грязно.

— Какой белый! Никогда таких не видела.

— Да...

Сажусь рядом на скамейку, прислоняюсь к его плечу. Тишина. В тишине звенит далекая веселая лесопилка. Мерцают светлячки. Сердце готово разорваться от тоски и грусти.

— Что с тобой? — спрашивает Доментий. — Устала?

Я вдруг всхлипываю и, уткнувшись лицом ему в шею, шепчу:

— Я сегодня письмо получила: бабушка умерла.

НАНИЛЬ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА ИЗ ПРОШЛОГО ТУШИН

ВСТУПЛЕНИЕ

Гора духов — молельня тушин

Молящиеся и духи:

Сначала бога возблагодарим —
 Он выше славословий изреченных!
 Цискар Квирае¹ вспомним вслед за ним,
 Стоящего у врат его священных;
 Потом — святую Троицу, она
 Для цовинцев² — источник благодати;
 Лаша-Георгия³ — в любые времена
 За ним на бой ходили наши рати;
 Герой Копала!⁴ Пред тобой везде
 От ужаса трепещут дэвы, каджи⁵;
 Почтим Хахмат-Георгия — в беде
 Всегда опора он для тех, кто страждет;
 Магех-Георгий⁶, славься, как скала,
 Надежно наши горы стерегущий;
 Святой Тевдоре! И тебе хвала —
 Ты милости свои даруешь сущим...

Поэма печатается с сокращениями.

¹ Цискар Квирае — утренняя звезда.

² Цовинцы — северные тушины.

³ Лаша-Георгий — сын царицы Тамар, царь Георгий IV Лаша. Культ Лаша-Георгия в значительной мере слился с культом св. Георгия.

⁴ Копала — языческое божество, мифический герой.

⁵ Дэвы, каджи — в грузинской мифологии злые духи.

⁶ Хахмат-Георгий, Магех-Георгий — святые от названий молитвенных мест — хахматы и магехи, существовавших с языческих времен и приобретших имя св. Георгия.

Молящиеся:

О Троица, дари нам сыновей,
Коль в жертву ждешь ты круторогих овнов!
О Троица, умножь плоды полей —
Тебя восхвалим, закрома наполни!

Наниль (ей шестнадцать лет):

Святой Георгий! Здесь, у самых врат,
Воздвигнулось тополевидно древо,
На нем — готовый к сбору виноград.
Вот так же наши юноши и девы
Не оглашают песнями вершин,
Объаты тенью, в траурном уборе...

Хор женщин:

Мы — женщины, мы только слезы льем,
Неверные нас запугали вовсе:
Незваные, они ломаются в дом,
Хозяйничают в доме...
Мы стерпим!
Только наши бы стрелки
Поспать успели да здоровы были,
Глоток воды испили из реки,
Пока еще их ружья не остыли!

Адгилис дэда¹:

Нас мало, дети славные тушин,
Пусть горстка нас,
Но преданно и верно
Стоим неколебимо!
Но рыча,
К нам рвутся бесы ярости и мести!
Но мы живем — кинжала и меча
Могуществом.
И — по законам чести.

Злые ветры:

Напали леки, яростью страшны,
Чачлийскую они пленили гору,
В селе Жвелурта основали стан
(И солнце вспать пошло, мрачась от гнева!),
А гору перейдя, как ураган,
Обрушили они на крепость небо:

¹ Адгилис-дэда — мать местности.

Ее подкопом взяли, говорят,
И сокрушили с яростью звериной,
Там шестьдесят осталось, говорят,
Защитников — их погребли руины!

Добрые ветры:

Торгван повстречался лекам раз
(Из тех, кто небом одарен богато),
Он притворился, что оружие сдаст,
Но острый меч свой все-таки припрятал!
И вдруг ударил справа, взяв разбег,
Ударил слева — убивал и ранил,
Брагов на землю пыльную поверг
И мертвыми привез их в Дегловани.
Там их швырнул в траву (чем не жильце?),
А росы им заменят покрывало,
И кликнул к изголовью воронье,
Чтоб досыта оно попировало.

Злые ветры:

Индурта-крепость, ты и впрямь крепка,
Неодолимы стен, казалось, глыбы,
Да только вот Муцал собрал войска
На страх тебе, Индурта, на погибель.
Он с юга миром обеспечил тыл
И по дорогам ходит без опаски,
Защитников твоих он перебил
И в цовские долины по-хозяйски
Спустился волком — здесь добычи ждал
И получил:
Он взял овец немало
И женщин, как отару, он погнал
Перед собой, направлясь к перевалу.

Молящиеся:

О Троица, дари нам сыновей,
Коль в жертву хочешь круторогих овнов!..

Злые ветры:

Горда была ты, крепость, мощью стен
Из камня.
И тебя они хранили,
Покуда не настал твой черный день,
Когда тебя подкопом захватили.
Захватчики влились в тебя рекой —
Число считать их было бы напрасно,
Когда же леки выстроились в строй,
То он заполонил собой пространство...

Добрые ветры:

Гигис Лагази говорит жене:
— Ты порох отмеряй-ка побыстрее,
И если пуль в бою не хватит мне,
Рви пуговицы с платья, не жалея!
Но если лекам я тебя отдам,
Пусть бороды лишусь —
Я не мужчина!
Да отвернутся братья по годам,
А старшие — отвергнут от общины,
Когда умру —
Пускай над мертвецом
Никто мою да не оплачет душу...
Пока живой — не сдам я крепость-дом,
Хоть на меня все небеса обрушат!

Злые ветры:

Враги все шли да шли — за валом вал,
И, говорили, так их было много,
Что если дождь в пути их заставал,
То все равно — сухой была дорога.
Они уже к Бичехи подошли,
Тушины их с рассветом повстречали —
И лучшие навеки полегли
На месте,
Не успев взмахнуть мечами.

Добрые ветры:

Послушайте, тушины!
Во врагов
Свинцовый вихрь ударил, как проклятье,
И сразу —
Точно тигры на волков,
На них напали дружно трое братьев!
Кто им сопротивлялся, тот погиб,
А прочих, как отару, в кучу сбили,
Дрожали леки,
Плакали их наиб:
«Дай силу нам, аллах!
Иссякли силы...»
А Джио Берикасдзе — это крест,
Ниспосланный нам небом для оплота!
Он крикнул так, что дрогнуло окрест:
«Эй, басурмане, отворяй ворота!»
Перелетел ограду (так орлы
Летают!),
Меч сверкнул в его деснице —
Разрублено плечо у Мусалы
И вражий вождь за жизнь свою страшится,
Другому разрядил ружье в лицо —

Грызи-ка, пуля, вражеские кости!
И как снопы, валил он мертвецов —
Поспите-ка, непрощенные гости...

Хор женщин:

Мы — женщины, мы только слезы льем,
Неверные нас запугали вовсе:
Незваные, они ломаются в дом,
Хозяйничают в доме...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Стемнело.
Угасают гор верхи.
Как воин, умер день.
Смолкают звуки.
И ужинать садятся пастухи,
Орлиные свои расправив бурки.
Стать юношей невольно тешит взор —
Стройны они, с плечами налитыми,
А посредине пляшущий костер,
Как девушка, кокетничает с ними.
Им чудится:
В мерцающем огне
Сама Наниль мелькает, пламенея,
Та, что им часто грезится во сне...
Глядят в огонь,
Как от вина хмелея,
И шутят,
Говоря между собой
(Им кажется, что шутки правду скрыли!)

Молодой пастух (напевает):

Ах, месяц, месяц, месяц молодой!
Ты приведи меня тайком к Нанили,
Нас темной буркой полночи укрой
И никому не говори об этом...
Ах, месяц, месяц! Я уйду с тобой —
В тоске уйду с тобой перед рассветом!

Первый пастух:

Ах, волосы, сплетенные струной,
Ведь вы меня навеки погубили:
Зачем открыли вы передо мной
Из мрамора точеный лоб Нанили!..

Второй пастух:

...И эти брови — коршуна крыла,
Который сердце закогтил мне жестко,

А нос создать природа не могла —
Мне кажется, что слеплен он из воска!..

Третий пастух:

...Не пробовал, но знаю, что на вкус
Вина любого слаще эти губы,
И не найти жемчужной связки бус,
Сверкающей светлей, чем эти зубы,
Язык за ними — смертным наказанье:
Красивей, чем форель из Алазани...

Четвертый пастух:

...Да, шея! Ты прекрасна и стройна,
Стройней любого тополя на свете,
И этих рук пленяет белизна —
Они такие гибкие, как плети!..

Пятый пастух:

...Любим изгибом стан ее поет,
И бедра на чонгури так похожи!
О, как, должно быть, нежен ты, живот,
Из ландыша ты соткан — не из кожи!..

Шестой пастух:

...Стройны вы, икры (правду говорю!),
Шлифованные из рогов оленьих!
Светящиеся — впору янтарию,
Ах, до чего же вы круглы, колени!..

Первый пастух:

Послушайте рассказ, ребята, мой!
На ложь похож он, только — правда это.
Стою у стада.
Ливень!
Да таков
Он, что промокла бурка даже:
Как будто бы из шерсти облаков
Сплетает кто-то водяные пряжи!
И я уже себя не помню сам...
Вдруг поглядел — и что это за диво?
Там, за рекой
(Не верится глазам),
Под слитком солнца золотится нива,
Наниль, сияя золотым серпом,
Колосья стелет золотого цвета —
Плывет над ними золотым столпом,
Из солнечного сотканная света!
И — платье золотое, видит бог,

И на груди — плетенье золотое,
А из колосьев, что легли у ног,
Стремится к небу радуга дугою...
О нет, она не смертной рождена,
Но к нам с небес послал ее Предвечный,
Должно быть, роза райская она,
И золотом цвести ей — бесконечно!
Но горе тем, кто это увидал:
Пути не разбирая, будто ночью,
Низринулсся с горы я, как обвал,
Одежду, кожу раздирая в клочья!
Влетел я в реку черную —
И вот
Меня черны потоки подхватили,
И черная вода меня несет,
И мне не разглядеть уже Нанили,
Уже ищу не золотых я кос
(Черно в глазах и в голове затменье!) —
Мне ухватить бы чернотал, рогоз,
Соломинка — и та бы во спасенье...

Второй пастух:

Хотите верьте, а хотите нет,
Но поделюсь с друзьями дорогими:
Хотите верьте, а хотите нет,
Но вижу — тур с рогами золотыми!
Хотите верьте, а хотите нет,
Как будто ветры мне совет шепнули
(Хотите верьте, а хотите нет) —
Я перстень золотой надел на пулю.
Хотите верьте, а хотите нет,
Прекрасный тур остановился сразу,
Хотите верьте, а хотите нет,
В его глазах светились гнев и разум!
Хотите верьте, а хотите нет,
В единый миг, пока ружье я вскинул,
Хотите верьте, а хотите нет,
Исчез рогатый — след его простынул!
Хотите верьте, а хотите нет,
Наниль, лицом похожая на солнце,
Хотите верьте, а хотите нет,
Стоит на этом месте — и смеется!
Хотите верьте, а хотите нет,
Но я спустил курок, почти не целясь.
Хотите верьте, а хотите нет,
Не знаю — трусость это или смелость?
Хотите верьте, а хотите нет,
(Бучлан смерти, если врет, достоин!),
Хотите верьте, а хотите нет,
Попало в цель колечко золотое,
(Хотите верьте, а хотите нет) —
Вокруг соска Нанили закружилось!

Хотите верьте, а хотите нет,
Но ничего другого не случилось...

Старший пастух:

Чу! Слышите?
Что́ это — ветра вой?
Но нет, мне кажется — совсем не схоже с ветром,
Нет, не похоже и на искр полет,
И на костра потрескиванье — тоже,
Совсем не так гремит водоворот,
На грохот водопада — не похоже,
Иначе осыпается песок,
Совсем не так обвал со скал стремится,
И это явно не звериный скок
Или шуршанье крыл взлетевшей птицы!
Так лишь людские могут прозвучать
Хрип или стон, проклятие и слово...
Эй, кто ты?
Что ты бродишь по ночам,
Зачем от света прячешься дневного?
Коль друг, и за тобою нет греха,
Тебе меня бояться не пристало,
А недруг не уйдет от пастуха
И от его разящего кинжала!

Голос:

Я — путник.
Я бреду, глотая пыль,
Ищу дорогу к дому из чужбины:
Шестнадцать долгих лет в плену я был,
Терпел невзгоды и глодал конину.
В плену у Раджбаддина, у хромца,
Шестнадцать лет не жил, а ненавидел —
Не видел света нашего Творца,
Сиянья Богоматери не видел...

Старший пастух:

Садись к костру, бедняга, подкрепиись
И расскажи нам, что стряслось с тобою
И почему глаза полны тоски,
И отчего лицо твое сурово?

Путник:

Что я могу сказать вам, пастухи?
Кровоточит мое, как рана, слово...
Я тоже за отарами ходил,
И мощь клинка мой знавали руки,
Я женщину прекрасную любил
И нежную — под стать лесной голубке,

Мне радости порой дарила жизнь,
И небеса благодарил я кротко...
Но что поделать?
Он исполнен лжи,
Увы,
Он зло творит — наш век короткий!
Создатель отступился от меня,
И черный день настал, глаза туманя.
Когда —
Посланцы смерти и огня! —
В края родные вторглись басурмане,
У них и скакуны людей грызут,
А до поры, когда сверкнут кинжалы,
Издалека грузинам смерть несут
Из крымских ружей посланные жала!
И в изуверстве понимая толк,
И воинство свое к нему готовя,
Хромец привел их — Раджабдин,
Как волк,
Которому — не жизнь без нашей крови.
С ним рядом скачет Мусал-атада,
Прославленный своим коварством лисым,
Еще — Исала-Магамы орда
(Он — кахетинцев ярый ненавистник),
А с ними — и убийца Али-бег,
Будь проклят он на том и этом свете!...
О, сколько сел порушил их набег
В долах Кахети и горах Тушети!
Они в добычу брали жеребца —
Утеху сердца
И быка-кормильца,
Вол и корова, буйвол и овца.
Лишь бы числом поболе — все годится!
Но что считать пропавшие стада,
Судилось претерпеть нам и такое:
Угнали наших мальчиков — беда! —
И руки им связали за спиною,
Швыряли женщин поперек коней —
Село от слез, казалось, поседело! —
Так случилось и с голубкою моею:
С другими вместе в плен попала Дела...

Старший пастух:

Эй вы! Плесните гостю рахи¹ в рог —
Видать, от горя пересохло в глотке.
А ну-ка, братец, отхлебни глоток,
Ведь твой рассказ — не легкий, не короткий.

¹ Рахи — самодельная водка.

Я пью за то, чтоб каждый был здоров,
 Еще — за то, чтоб добрый наш создатель
 Вам ровно столько сохранил врагов,
 Сколь, выпив рахи, я оставлю капель!
 Но возвращусь к рассказу.
 Поспешив,
 Войска собрали христиане тут же.
 Цоцрес Папай — во главе тушин,
 И жаждой мести руки жгло оружие,
 И правый гнев давал нам волчий взор
 И сообщал неутомимость волчьую:
 Мы смаху семь преодолели гор
 И столько же долин прошли мы молча.
 Мы скрытно к стану леков подошли,
 Еще рассветом небо не адело,
 Но — горе мне!
 Увидел я вдали
 Свою, среди несчастных пленниц, Лелу.
 И вижу:
 Плачет, бедная, она,
 И тело рваным платьем не прикрыто...
 И не стерпел!
 Я вскачь послал коня.
 Рванувшись в одиночку из укрытья,
 И злость во мне была так велика,
 Что разрубил шатер я — до основы,
 Горячий пар поднялся от клинка,
 И хлынули на землю реки крови!
 Напали леки с тылу на меня,
 Связали руки, навалившись разом,
 Лишили сабли,
 Сбросили с коня
 И, пленного уже, швырнули наземь.
 Не мог и шевельнуться я тогда,
 И было стыдно до того, поверьте,
 Что, кажется, пылала борода...
 Впервые бога я молил о смерти!
 Цоцрес Папай в гнев пришел —
 Рывком
 Коня погнал он, не ища дороги,
 И за его горячим скакуном
 Шел в бой, казалось, сам святой Георгий:
 В руке сверкал прангули¹ —
 Будто он
 Цоцрес Папай свыше был дарован,
 Был лик его сияньем окружен —
 Георгием на битву коронован!
 Разил врагов благословенный меч
 На все четыре стороны, как чудо —

¹ Прангули — французский меч.

Христом клянусь, я видел много сеч,
Но этой и до смерти не забуду:
Крошились закаленные клинки,
Мечи крошились, осыпаясь снегом,
Из ружей — раскаленные куски
Свинца
Ряды опустошали леков,
Казалось,
Будто поле в миг один
Кровавое вдруг затопило море...
Но, как змея, проклятый Раджбаддин
Скользит к ущелью:
Там он,
Нам на горе,
Лазейку знает!
Пленников гоня,
Враги от поражения бежали,
Швырнули и меня на круп коня
И накрепко веревками связали.
Узка была тропа —
Гуськом, не в ряд
По ней сторожко проходили кони.
А позади оставлен был отряд,
Чтобы дорогу преградить погоне...
А в безопасных очутясь местах,
Враги воздели руки для молитвы
И возопили:
«Спас ты нас, аллах,
Живыми уведя из этой битвы!»
Один лишь Раджбаддин молчал тогда,
Но — почему?
Иль на кого-то злился? —
Остался в поле Мусал-алада,
Убили все же хитрую лисицу!
А вместе с ним — Исала-Магаму,
Который был бичом для кахетинцев,
И Аби-бега заодно!
Ему
Теперь уже не тешиться убийством...
Но где же Лела?
Я еще в пути,
Когда нас гнали узенькою тропкой,
Искал ее, никак не мой найти...
О горе!
Нет мсей голубки кроткой!

Что ж, пастухи, я жизни не кляню,
Хоть по-иному жить хотелось мне бы.
Шестнадцать долгих лет я был в плену —
Шестнадцать лет не видел, значит, неба,
И наяву я радости не знал,
И горестные сны смотрел почками,
И со слезами закрывал глаза,

И открывал их утром — со слезами...
Но — слава богу!
Он, спаситель мой,
Мне ниспослал однажды сон о воле,
И я во сне увидел дом родной,
Увидел колосющееся поле
И синие фиалки, и росу
На них,
И как стоят в цвету деревья...
И я проснулся и утер слезу —
Да что же я!
Совсем в судьбу не верю?
Ведь если суждено мне никогда
Не повидать свои родные стены,
То даже смерть — невелика беда!
И в тот же самый день бежал из плена.
Я знал: опасен долгий путь назад,
Я шел, чутьем дорогу различая,
Три дня, три ночи шел я на закат,
Ни часу одного не отдыхая.
Под снегом находил и ел траву,
Мне ледники свою дарили воду,
Я шел шатаюсь, бредил наяву,
Я был без сил к четвертому восходу.
Тут взвыл студеный ветер — и к лицу
Примерзла борода,
И непрестанно
Шли облака, подобные свинцу,
И густо подымались к ним туманы...
Будь прокляты обвалы тех вершин:
Ведь и они же — Дагестану стражники!
Стервятником пал на меня один
И закогтил, как будто я — барашек.
Один удар,
Всего один порыв
(Подумалось: окончены мученья!) —
И я качусь к подножию горы
И падаю, как труп, на дно ущелья...
Но мне слетелось стаей воронье,
Казалось мне — я слышу их беседу
Сквозь шорох черных крыл:
«Чем не житье!
Вот лакомый кусок — как раз к обеду...»
Сидят вокруг и терпеливо ждут,
Покуда смерть сведет со мною счеты.
И я закрыл глаза покорно тут —
Да и зачем их открывать еще-то?!

Пастухи:

Налейте рахи путнику опять,
Пускай он губы увлажнит сухие!

Путник:

Не надо больше, братья, наливать,
Спасибо и на этом, дорогие.
Но в то, что мне осталось досказать,
Мне даже самому поверить трудно. —
Когда теряешь веру в чудеса,
Тогда внезапно и приходит чудо:
Вдруг ангела мне ниспослал господь,
Он принял образ девушки прелестной,
Чей светел лик — так не сияет плоть,
Таким бывает только столп небесный.
На ней льняное платье,
По плечам
Легко струятся золотые косы,
Так горделиво голову несла,
Так нежно мне сказала:
«Успокойся!
Не хмурь лица,
Не ожидай беды
И слез не лей — отчаиваться рано...»
С ладоней мне дала испить воды
И травы наложила мне на раны,
И врачевала так меня три дня,
Горячим ланьим молоком поила
И на ноги поставила меня,
И за руку сюда вот проводила.
У стойбища, подав прощальный знак,
Она исчезла, как и появилась...
Когда ушла — меня окутал мрак,
Как будто солнце с нею закатилось!

Пастухи (в изумлении):

Наниль!
Наниль наш путник повстречал,
Она-то и спасла его, похоже...

(После долгого молчания)

Путник:

А что Цоцрес Папан?
Сильно сдал?
Не дай-то бог, он одряхлел, быть может?
Быть может, даже спит в земле сырой...
Но если нет — его увидеть яажду!
Все эти годы жил мечтой одной:
Хотел его увидеть хоть однажды!

Кто говорит: «Папай дряхлым стал»?
 Пускай язык отсохнет у невежды!
 Цоцрес Папай стар,
 Но он — не стар,
 В руках он держит молодость, как прежде.
 Когда в седле — похож он на орла,
 А спешившись — на опытного волка!
 Его твердыня на краю села
 Вся в украшеньях вот какого толка:
 Прибиты к ней висящие, как плеть,
 Отрубленные у врагов десницы,
 Они иссохли — страшно посмотреть
 (Не дай-то бог, кому-нибудь приснится!).
 К лицу твердыне башня,
 А она
 Так высока, что облака садятся
 На крышу.
 Пуль и пороху полна —
 Они, возможно, скоро пригодятся.
 В окрестностях, на зелени лугов
 Его стада — промеж отрогов горных.
 Есть у него двенадцать жеребцов,
 Да не простых, а боевых и кровных.
 Стменной рожью полнится амбар.
 Когда овец сгоняют,
 В эту пору
 Его двенадцать блеющих отар
 Ползут, как будто шевелятся горы.
 Двенадцать кобелей —
 Их нрав таков,
 Что на цепях сидят они гремучих.
 Двенадцать нестрых у него быков,
 Быков неумолимых и могучих.
 И по утрам доят в один присест
 Коров двенадцать со звездой на лобной.
 И выбрано одиннадцать невест,
 И каждая из них — звезде подобна!
 Одиннадцать красавцев сыновей —
 Их надо поженить одновременно,
 Пусть на могиле матери своей
 Обет они дадут!
 Благословенно
 Стоит пирамидальный тополь там —
 На колыбели детские годится...

О боже!

Дни продли ты всем друзьям,
 А недругам — не слишком дай зажитья!

ГЛАВА ВТОРАЯ

И вновь — молебная тушин. Празднество, песни, хороводы. Прорицатель, женский и мужской хоры пандуристы¹ — юноша и девушка.

Юноша-пандурист:

Ах, девушка, спасибо!
Ночью той
Я спал — как бы живым на небо взятый:
В аллее, на подстилке дорогой,
Прикрытый сверху буркою косматой,
А рядом ты, прекрасная!
И так
Ты руки обнимала мне,
Что очень...

Девушка-пандуристка (подхватывает):

Что очень, парень, ты приврать мастак!
Бедь у свинарника ты отсыпался ночью,
Подстилка там — солома да труха,
Под ветхою рогожей вряд ли жарко,
Спала с тобой собака пастуха.
Во сне ты нежно обнимал — овчарку!

Пандурист:

Тот берег речки — в свеженьком снегу,
Бзд этим — дождь! Бывает...
Но не кроясь,
Ты объясни нам, ежели я лгу,
А почему же твой надорван пояс?

Под общий хохот девушка невольно глянула на свой пояс. Смущена весельем слушателей.

Пандурист:

О, если б кто-нибудь чудесный сад
Огородил колючками до неба,
От кованых его железных врат
Ключи он отдал не тебе, а мне бы,
Я смерти бы твоей — себя вручил,
Чтоб только дни твои продлились вдвое!..
Но горе мне:
Когда б я полюбил
Тебя, то ты — пренебрегла бы мною?

Пандуристка:

Нет, я люблю!
Люблю — те облака,
Что над вершиной Борбало сияют,
Друг к дружке тянутся издалека
И радуются — встречи ожидают,

¹ Пандури — струнный инструмент.

Соединившись,
Щедрою рукой
Нам сыплот манну,
Чтоб ушли кручины...
Нет, как бы ни старались, мы с тобой —
Никем и никогда неразлучны!

Начинается таец, который прерывается приходом
Прорицателя. Воцаряется глубокая тишина.

Прорицатель:

Возрадуйте, тушинские сердца!
Я с жертвоприношеньем перед ликом
Предстал господним —
И светлей лица
Не видел я на образе великом!
И встав, мне громко рек наш господни
(Речей его я передам значение),
Сказал он:
«Детям передай тушин,
Что сбудется мое благословенье!
И передай,
Что ваших молодых
Порадую я скорыми венцами,
И счастливо потомство будет их,
И долговечны матери с отцами.
Лукавый будет посрамлен:
Злодей
Ослепнет, видя блеск ваш благодатный,
Зато добра желающих —
Друзей,
Вас любящих,
Умножу многократно!
И закрома наполню навсегда,
Рекою пиво льется пусть за пиром!
И никого не бойтесь никогда,
Понеже буду вас вести я с миром!».

Народ (х о р о м):

Воздай тебе господь за эту весть:
Причастья часть — тебе в благословенье,
Икона, крест честной, пока ты здесь,
А в небе — райских куц упокоенье!

Наниль (про себя):

Здесь — у твоих, святой Георгий, врат
Воздвигнулось тополевидно древо,
На нем — готовый к сбору виноград.
Вот так же наши юноши и девы.
Не оглашают пением вершин,
Объяты тенью, в траурном уборе...

Эгей, потомки славные тушин!
 Три солнца светят вам — и не на горе:
 И первое — свой луч дарит столам,
 Дабы вовек не сякло изобилье,
 Второе — мужество
 Как внятнѣй знак врагам,
 Чтоб стороной они вас обходили,
 А третье — прыть в охотничьих делах,
 Нет в целом мире равных вам в охоте,
 От вас и тур не скроется в горах,
 И дичь любую вы чутьем найдете!
 Живи, Цоцрес Папан!
 Ты для нас —
 Всегда опора, труженик и воин,
 Пью, чтоб очаг семейный твой не гас,
 Слуга отчизны этого достоин!
 А у твоей твердыни нрав таков,
 Что гость войдет — и может спать по-царски.
 Примерно привечаешь и врагов
 Свинцом из славных ружей хоросанских.
 Святой Георгий!
 Благодать пролей
 Ты на Папан — лучшего из лучших,
 Отца одиннадцати сыновей,
 Одиннадцати воинов могучих!
 Но вижу вновь — всевышнему хвала —
 Тебя, Наниль, и возношу моление:
 Хочу, чтоб бесконечно ты цвела,
 О ангел, нам дарующий спасенье,
 Ты праведным путем ступаешь в даль,
 Вокруг добро ты щедро разливаешь...
 Но почему в глазах твоих печаль,
 Зачем веселья нынче избегаешь?

Наниль:

Как радоваться, если в сердце стон?
 Никак не забывается мне ныне
 Минувшей ночью явленный мне сон:
 Со звезд холодный осыпался иней,
 И со слезами поднялась заря,
 И скорбный вестник приходил с рассветом,
 О близкой смерти внятно говоря,
 Цвели цветы, но только — черным цветом,
 Застыли волны быстрые реки —
 И люди изумленно замолчали,
 А на воде сидели голубки,
 И горестные слезы источали,
 И в этом сне, как в грозовой ночи,
 Теряли ветви мощные деревья...

Проризатель:

Наниль! Наниль!
Сейчас же замолчи,
Чтоб ложь в сердцах не вызвала доверья:
Икона говорит одно,
А ты
Вещаешь то, что противоположно!
Видать, ты сбилась с божьего пути,
А оттого и видишь то, что — ложно...

Цоцрес Папан (путнику):

Холига!
Ты садись поближе, брат,
Как счастлив я тебя увидеть снова!
О леках расскажи нам — все подряд,
И пусть твое подробным будет слово.
Что замышляет Раджбаддин-хромец,
Привыкший наши горы ненавидеть?
Удачлив ли?
Бог и ему отец —
И ты не лги, боясь меня обидеть,
Ведь, как и нас, мать родила его.
Он создан, как и мы, природой тоже...

Холига

(это знакомый нам путник):

Как! «Божьим сыном» называть того,
Кто — лютый враг и ненавистник божий?
Лицом свинцов и вечно мрачнолик,
А взгляд всегда потуплен у уродца,
И до того он ростом невелик,
Так станом хил, что вот-вот перервется!
Собачья вера и собачий нрав:
Оружие он держит наготове
И на коленях, на цыновку став,
Он просит у аллаха нашей крови!
Племянники осиротели.
Им
Он заменил отца и тем гордится,
А чтобы стан их был всегда прямым,
Он натуго стянул им поясицы,
В источнике купал их ледяном,
Чтоб закалилось львенышей здоровье,
Он обучил их управлять конем,
Владеть оружием, не страшиться крови —
И вырастил он подходяще львов:
Знакомо им горячей пули жало,
Лизать привыкли сталь своих клинков,
Чтобы острее делались кинжалы...
Из прочих —

Он, возвысив их, избрал
Потомков Мусалы, что ждут набега,
И сокола их обнаженных скал —
Наследника убийцы Али-бега,
И бороды уже у сыновей
Исала-Магамы готовы виться,
Как у отца, —
И всем бы поскорей
Пограбить и тушин и кахетинцев!
Все так и рвутся в бой!
Хотят собрать
Отцов останки, как велит обычай,
Стада все наши за собой угнать
И поживиться славною добычей.
Еще из них торопится любой
Взять в плен побольше нашей молодежи
И, в горы их погнав перед собой,
Потом принести их в жертву,
Уничтожив
И девушек и наших молодцов!
Не зря ж поверье есть, что жертвы эти
Послужат рабски душам их отцов,
Неся при них позор и на том свете...

Цоцрес Папан (п р о с е б я):

Да, говорю я:
Сердцу ты не верь —
Оно тебе такого наболтает!
И говорю я:
Ты ружью не верь —
Эго, быть может, дьявол оседлает!
Я говорю:
Ты и мечу не верь —
Голодный волк, он только с кровью дружит,
Тебе надежно служит он теперь,
А завтра — так же недругу послужит!
Я говорю:
Деснице ты не верь,
Могуществом ее не смей гордиться —
И у других, поздней или теперь,
Отыщется еще мощней десница...

Вестник (в х о д и т):

Напали леки, яростью страшны,
Чачлийскую они пленили гору,
В селе Жвелурта основали стан
(И солнце вспать пошло, мрачась от гнева!),
А гору перейдя, как ураган,
Обрушили они на крепость небо:
Ее подкопом взяли, говорят,
И сокрушили с яростью звериной,

Там шестьдесят осталось, говорят,
Защитников — их погребли руины!

Народ (вздвoгнув):

О боже!
Помоги нам это снести,
С причастьем нам даруй благословенье:
На этом свете нам опора — крест,
На том — в твоём раю упокоенье!

Кортoш (это могучий, высокий тушин):

Папан, ты не станешь ведь молчать?
Сейчас дороже слово — не молчанье:
Бидать, по звону твоего меча
И по копыту тоскуют басурмане...

Цоцрес Папан:

Нет, Кортoш!
Нам теперь не по пути...
Ко мне приходят странные виденья:
То я — в кровавом озере,
Вокруг
Цветы — черны иль кровавого цвета...
То вижу:
Черный день сменяет вдруг
Ночь, но — сияньем солнечным одета!
Снег сыплется, но и поля цветут,
Растут фиалки — и туманы вьются,
И мирно так
Волк и овечка тут
И с тигром лань — все рядышком пасутся...
Мне белая голубка грудь когтит,
Алеет кровь на крыльях голубиных,
Не сохнет кровь —
Голубка не летит,
Как облак, зацепившись за вершины...

Озера крови...
Не мое ль житье,
В котором что ни день — набег, сраженье?
Алея и чернея предо мной,
Цветы — друзья и недруги с мечами,
День черный — это весь наш век земной,
Ночь солнечная — рай за облаками!
И ангелов напоминают мне
Цветы фиалок сквозь туман гнетущий...
Волк и овца пасутся наравне? —
Не так ли кровников давно убитых души
Скитаются, не находя дорог,

Когда скорбит убийца об убитом?

Кровавая голубка? —

Это рок

Моей души!

Я кровью весь пропитан...

О да!

Моя душа, как весь я сам,

Она ведь дэвам или каджам — ровня:

Хотела воспарить бы к небесам,

Но держит грех ее в сем мире дольном.

Как часто слышу я души упрек:

«О, что со мной, несчастною, ты сделал?

Тебе меня вручил безвестной бог,

Но — светлой и непогрешимо белой...»

Останусь я воздать давнишний долг,

Трудиться на другой я должен ниве:

Пошлю я к небесам молений ток.

Чтоб день грядущий был для всех счастливей!

Возглавит Кортош рать,

Как мощный тур,

Не зря он мною с детства был воспитан,

Чинтойцев — Цигус-Султан, азнаур.

Он в ратном деле был не раз испытан,

Алуда Ауис — парсмейцам щит,

Стоит он твердо, крепости подобен,

Чешойцев — Абас Давид, он разит

Врагов в бою, как правый меч господень!

Тавбераисдзе и в застолье — вождь,

А ты чигойцев, Кснидзе, поведешь —

Ведь ты, Мешвеле, знаменосец царский!

Горги Тилисдзе — дружеству хвала,

На страх врагам он поведет кавлойцев,

Ахус Абаи — быстрый, как стрела,

Веди с такой же быстротой артлойцев!

А сыновей моих возглавит тот,

Кто опытней других в семействе нашем:

Андарез, встань!

Твой наступил черед,

Ты старший брат —

Так и в бою будь старшим!

Свои колени волчьи распрями

Ты, Бердия.

И Гиголе пусть встанет —

Вот он и грянул, сыновья мои,

Час неизбежных ваших испытаний.

Мой Девдар!

Очень часто все в борьбе

Решает разум —

Не забудь об этом,

А Иване держи ты при себе —

Не раз поможет он тебе советом.

Мой Мангия, ты рядом становись!

Конечно, знают все, какой ты смелый,

Но попусту, прошу, не горячись,
Не то истратишь понапрасну стрелы...
Не вижу я Мтвралаи моего,
Так где ж он, балагур и прорицатель?
А ну-ка, Утур, приведи его,
Скажи, чтоб зряшно времени не тратил.
«Брат, в черный день ты братом брату будь!» —
Мой Бачуа,
Присловье это помня,
О Хунчале и в сече не забудь —
Вы все побегу отческого корня!
И Накуда пойдет,
Ваш младший брат,
Он не сплоскает, будет вам подмогой....
В путь, сыновья!
И пусть вас сохраняют
Святая Троица и наш святой Георгий!..

Окончание второй главы

В тот самый ранний час зари,
Когда
Чуть колыхнулся край небес воочью
И постепенно за звездой звезда
Ушли в погоню за прохладной ночью, —
Тушины стали в строй.
В тот самый час
Господне имя помянув в дорогу,
Пошли
И Шилду перешли как раз,
Когда вставало солнце понемногу.
В сем месте, по обычаю тушин,
Они усердно богу помолились,
Потом,
Не медля,
Со своих вершин
Вдоль берегов Дуруджи вниз спустились.
И тут внезапно Девдар услышал
Чужой язык
Сквозь громкий плеск Дуруджи!
Он не искал укрытия у скал.
А сразу же схватился за оружие,
Поторопился — и спустил курок:
Два выстрела — единым прогремели,
Но был проворней вражеский стрелок,
И лишь его свинец достиг до цели...
О, горе!
Пал с коня Папай сын,
Как будто влет подстреленная птица!
На миг остановился строй тушин
(Тут водопад бы мог остановиться!) —
Не верится:
Такого удальца

Лишиться,
Да еще — пред самым делом!
Звучит рыданьем ржанье жеребца
Девдарова —
Навек осиротел он...
Папаи дети!
Ваш удел — суров:
Вам вестниками быть тягчайшей были...
И, словно воем десяти волков,
Долину братья криком огласили,
Коней все десять бросили вперед,
Все десять обезумели от гнева:
«Готовьтесь, леки!
Вас погибель ждет!
Не пощадим вас мы и Приснодева!!!»
Так грянул гром из тысячи стволов,
Так молниями шлемы заблестали,
Что дрогнул строй небесных облаков,
Грозу такую видевших едва ли.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Окопы, укрепления леков. Эхо вторит причитаниям
пленниц, ржанью коней, ружейной пальбе. Звучит:

Боевая песня леков:

Нежер квер шваратлуб —
Мао бахана,
Нежер хет чаратлуб —
Ца тибитана!

А это означает:

Что рука достала —
Все добыча нам,
Где нога ступала —
Дотлевать углям!

Хор пленниц:

О всемогущий, леков покарай!
Ответствуй — чем тебя мы прогневили?
Неверные наш разорили край,
Одних убили, а других пленили.
Всевышний, нас в беде не позабуди!
Ведь многих женщин, разорвав им ворот,
Бесчестили они, кусая грудь...
Бесчинствует и веселится ворог!

Песня леков:

Нежер квер шваратлуб —
Мао бахана,

Нежер хет чаратлуб —
Ца тибитана!

Голос одного из тушин:

Эй, леки!
Ваши в ад пошли отцы,
И вы себе найдете здесь могилу!
Но, если вы и вправду храбрецы,
Не прячьтесь — покажите вашу силу,
На битву выходите хоть сейчас,
Прангули мой из ножен рвется в дело!
Не то я сам пойду с мечом на вас,
Мне это ожиданье надоело.

Голос Кртоша (вождя тушин):

Так выходите поскорей на бой.
Пусть правоту докажет силой каждый!
Промедлите — и будет вам судьбой
Лихая смерть от голода и жажды:
Еще придется щебень вам глотать,
Лизать сырые камни на рассвете...

Хаце (рыжий лек):

Угрозой, Кртош, нас не запугать,
Мы — леки!
И не дрогнем перед этим!
Есть захочу — не стану горевать:
Поем конины без приправ и соли!
Пить захочу — не стану горевать:
Попью я лошадиной крови вволю!
А станет скучно — так в моих руках
Грузинок вдоволь!
Есть с кем целоваться...

Гремит ружье Кртоша — Хаце падает мертвым.

Мусабек (вождь леков):

Что ж, леки!
Видно, так велел аллах,
И если надо, мы готовы драться.
Но тот, кто в битве нынешней умрет,
Воистину войдет в число бессмертных,
Ворота в рай такому отперет
Блаженный сонм героев беззаветных!..

Воодушевленные призывом Мусабека, леки ожесточенно роют саблями окопы, кромсают кинжалами дерн, строя завалы и укрепления... Воздвигают боевые знамена. Там, где нет земли и деревьев, закалывая ло-

надей, прикрываются их трупами. Там, где окопы глуже, чем это надо, убивают пленниц, ложась на их тела. Воинский пыл леков действительно напоминает священный бой угуда. И впрямь — разверзлись небеса, изумленные ангелы и гурни следят за битвой. Вскоре и они запели чарующими голосами боевую песнь леков, как бы включившись в этот смертный бой.

Окончание третьей главы

Три дня,
Три ночи длился этой бой:
Гремели гром за громом
И — с сердцем сердце
Рука,
Встречаясь с вражеской рукой,
И — с сердцем сердце
Пли —
С саблей сабля!
Земля дрожала,
Небеса тряслись,
И с гор высоких сыпались осколки,
Два войска насмерть в том бою сошлись:
Налево — тигры,
А направо — волки!
Но ликовало только воронье,
Оно со всех сторон слеталось в гости —
Мол, подождем,
А там — возьмем свое,
Оставив лишь оружие да кости!

...Издраны кольчуги на куски.
Темнело.
А потом опять светало.
Отказывали верные курки.
Руке уже не удержать княжало.
Огню сраженья больше не гореть.
Потокам крови — больше не струиться.
С ног валит сон,
Он отгоняет смерть —
У выживших сливаются ресницы...
Но что с Папан в этот самый миг?
Он — старый дуб,
Чьи ветви обгорели.
Но отчего его печален лик,
Какие думы душу одолели,
Что означает этот вой собак
(Еще какой-нибудь беды предвестник?),
Чей голос издали пронзает мрак?
Что это — песни?
Нет,
Скорей — не песни...

Дрова сгорели в очаге дотла —
Папан не подкармливает пламя,
Очаг еще чуть тлеет угольками...
Потом — погас.
Осталась лишь зола.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Дом Папан. Полночь. На треногом табурете сидит у
очага Цоцрес Папан. Слышен далекий и протяжный вой
собак, посвист ветра и — едва различимая — песня:

Да, вороны,
И впрямь — вы молодцы!
Безгребестно живете вы на свете,
Какие бы ни пали храбрецы —
Слезы из вас не выжмет даже ветер,
И траурные перья — вам идут,
И белые наряды — не к обличью:
Лишь воин пал,
А вы уж — тут как тут.
Вам это сердце храброе — добыча.
Насытись,
Кровь роняя с черных крыл,
Над Алазанью пролетает стая...

Папан:

О солнце-жизнь!
Как я тебя любил —
Сильней всего, что я на свете знаю!
Так в этой жизни любят только раз —
С возлюбленной разнял во время оно,
В час торжества или в несчастный час
Молился на тебя,
Как на икону.
Стремись твои желанья угадать,
Трудясь,
Тебя я радовал немало.
И ты мне за усердьем — благодать
Не раз,
О солнце,
Щедро даровало!
Теперь тебя напрасно ищет взгляд,
И я не знаю,
Что судьба пророчит?..

Злой ветер:

А Девдар пал...

Добрый ветер:

...Но следующий брат
Сказал, приняв от гнева облик волчий:

«Пусть Гиголе меня не назовут,
Коль не воздам сторицей из мажара!»
Его ружье заговорило тут —
И укрепленье леков задрожало...

Злой ветер:

...Но Гиголе не восторжествовать:
Пробито сердце — жизнь идет на убыль...

Добрый ветер:

...На злую тучу Бердиа похож —
Как будто бы вовек не улыбался!
Рванул кинжал он,
Ринулся в окоп
И первого свалил своим кинжалом,
Ударив турьей рукоятью в лоб,
Ну а второго — лезвием достал он,
И в третий раз блеснул его кинжал,
За братьев мстя...

Злой ветер:

...Но спохватились леки,
И, не ударив, Бердиа упал —
Погасло солнце для него навеки!

Добрый ветер:

...Не плачьте, сестры:
Это — ради вас
Стал Иване заслоном при дороге, —
«Да стану безбородым,
Если я
Отдам на поругание несчастных!»
Сначала он ударил из ружья,
Затем сверкнул клинок —
И не напрасно:
Для Девдара он первого срубил —
«Пусть для тебя таскает он водицу!»
А Гиголе — второго посвятил:
«Начнешь пахать — за буйвола сгодится!»
И третьему врагу уже не жить —
Как молния, сверкнула сабля ярко:
«Он — для тебя, брат Бердиа.
Держи
Его при стаде —
Добрая овчарка!
А мне пора избрать и для себя
Четвертого...» —
И тут, на полуслове,
Опять сверкнул он саблей...

Злой ветер:

... Не судьба
Договорить:
Четвертый -- наготове, —
Прицелившись, курок уже спускал,
Он в голову попал,
Туда и целил...

Добрый ветер:

... Благословенен тот,
Чей Утур сын!
Он не считал врагов:
На строй их тесный
Он бросился с мечом своим — один
И был подобен молнии небесной!..

Цоцрес Папан:

Ах, черный ворон грудь мою когтит,
Он расклевал мне сердце, не насытись...

Злой ветер:

... Смертельно ранен Утур,
Он лежит
И — никогда уже не встанет витязь.

Добрый ветер:

... На брата глянул Мангия — и сам
К земле склонился, как под тяжелой ношей,
И со скалы — лавиною слетел,
За ним камень рушились обвалом!
Враг оглянуться даже не успел,
Как голову с убийцы брата снял он,
И, сбросив шлем,
Как буйный ураган,
Врубился тут же в строй врагов, бушующ:
«Постойте, леки,
В тучные стога
Покойников старательно сложу я!»
Сплеча рубил он, воплощая месть,
И след его обозначался ало:
Потом считали — бросили,
Не счесть
Следов его разящего кинжала!
Побушевал немало он еще...

Злой ветер:

... Пока его кинжал не обломился,
Пока еще он двинуть мог плечом,
Пока последним потом не покрылся,

Но от удара вражьего клинка
Слетела голова!

Добрый ветер:

...Тогда Мтвралаи
Как бы спустился сокол на плеча —
Так в сокола он сам оборотился!
«Брат Мангия,
Увы, в недобрый час,
Не вовремя кинжал твой обломился!»
Воскликнув это,
Он пронзил копьем
Убийцу брата!

Злой ветер:

...Но и Мтвралаи пал уже.
И смерть
К нему спешит, он сдался ей на милость,
Луна взглянула — не смогла смотреть
И облаками поскорей затмилась...

Добрый ветер:

...Но Хунгале тут на коня вскочил,
Как бурю оседлав, пришпорил круто
И плеткой из семи воловьих жил
Ударил так, что шкуру снял он с крупы!
Он высветил свой меч,
И как огонь,
Сверкнул прангули — славное оружие:
Везде, где опускал копыта конь,
Там оставались вражьей крови лужи!
Он посвятил Мтвралаи — семерых,
Крича: «Так будьте же его рабами!»...

Злой ветер:

...Но голос Хунгале не понапрасну стих —
Со всех сторон он окружен врагами.
Враги рубили Хунгале, крича:
«Ты братом будешь им и на том свете!»...

Добрый ветер:

...Тут Бачуа ударил сгоряча —
Как будто бы ударил жаркий ветер,
Не может устоять пред ним завал,
Врагов сплеча он рубит таровато
И вожака он лекского избрал,
Чтобы слугой послать на небо брату,
Так меж бровей его он рубанул,

Что тот свалился!
«Что же это значит?» —
Испуганный прошел по лекам гул...

Злой ветер:

...«Нет, Бачуа!
Тебя пусть мать оплачет!
И мы аллахом вооружены,
И наше племя мужеством богато!» —
Пока рубился он,
Вдруг со спины
Подкрались к брату, метящему за брата,
Пронзили меж лопатками мечом —
И красным цветом залилась одежда,
От крови стало телу горячо,
И -- тонкой нитью порвалась надежда...
Уже его глаза не видят высь,
Застыл в них сумрак,
Этот сумрак — вечен...

Добрый ветер:

Кто братьев любит Накуды сильней?!
И не беда, что замыкает строй он,
Что меньше их на свете прожил дней —
Он тоже братской похвалы достоин!
Припрятан нож —
Пусть короток, но он
Старательно для боя был отточен:
Рванулся младший в битву,
Разъярен,
Своих врагов он разрывает в клочья!
Волчком вертелся он,
Росло число
Сраженных им.
Он сеял в леках робость...

Злой ветер:

...Но младшему, увы, не повезло:
Он не заметил пред собою пропасть
И остутился!
И с камнями вниз
Со страшным гулом полетел далече...

Цоцрес Палан:

Уймись же, ветер,
Я прошу: уймись,
Пускай мои не погасают свечи...
О смерти!
Мою же ниву ты сама
Не сеяла, а жнешь ее упорно...

Неужто вправду свет настигла тьма,
Зачем кружит над домом ворон черный,
Зачем, людская глупость, наконец,
Ты рвешь подол родительский —
Не люб он?
Неужто мир, что создал наш творец,
Тобою должен быть вконец загублен?
Конечно же, на смерть обречено
Все то, что родилось на свете этом...
Но — горе мне!
Ужель то, что — темно,
Мы, смертные, и называем — светом?!
Ужели жизнь пуста,
И только твердь
Сменяет дни бессмысленно и глухо,
Смеяться заставляет и скорбеть —
Как будто за нос водит потаскуха?!

С этими словами Цоцрес Папан швыряет светильник наземь.

Так — торжествуй
И будь ты проклят, грех,
Верши свой пи*,
Коль это так и должно!..

Хор ветров (издалека):

Зло, над добром одерживая верх,
Само от зла и гибнет непреложно...

**Из темноты, в тусклом свете упавшего на землю
светильника, возникает призрак вождя леков —
Раджбаддина.**

Призрак Раджбаддина:

Папан, ты ли?!
Нет, не может быть —
Тебя я знал иным на свете этом:
Светильник тусклый свой ты мог сравнить
С творцом дарованным —
Непомрачимым светом?
Да как ты смел, Папан!
Как ты смог —
Ведь я тебя врагом достойным числил!
Ведь ты, Папан, человек — не бог,
Откуда ж у тебя такие мысли?
Да, жизнь пестра:
Проходят чередой
В круговороте, пущенном однажды,
То яркий день, сменяя мрак ночной,
То — снова светлый день...
И точно так же

То жизнь собою побеждает смерть,
То смерть нежданно жизнь погасит, сгубит,
Но наш удел —
Все это претерпеть,
Пусть даже слезы горькие подступят...
Будь верным, сердце, ныне и вовек!
Мы, веруя, должны бороться смело:
Когда грешит пред сердцем человек —
Тогда оно и гибнет, божье дело!
Мы поступаем, как аллах велит,
Вы богу своему вверяйтесь тоже...

Слышны голоса ветров:

Когда пред сердцем человек грешит —
Тогда оно и гибнет, дело божье...

Цоцрес Папан бросается к светильнику и поднимает его с земли.

Папан:

Всевышний! Боже!
Ты простишь ли мне
Все сказанное мной? —
Неправда это!
Покуда жив, не уступлю я тьме
Тобою мне подаренного света,
Задуть не дам, пока мой длится век,
Свечу, что для тебя всегда горела:
Покуда прав пред сердцем человек,
Дотеле не погибнет божье дело!

Слышен приближающийся цокот копыт — какой-то всадник явственно скачет к дому Папан. Тот прислушивается, цокот стих — всадник, видимо, спешил. Вот раскрывается дверь, входит Андарез — старший из сыновей.

Папан (радостно):

Андарез, ты?
Благословен же тот,
Кто мне с тобою подарил свиданье:
Бог не допустит, чтоб угас наш род
Старинный и могучий — Цоцреани!
Как рад тебе я,
Дай же обниму!
Где мальчики — в пути, в бою горячем?..

Андарез молчит. Папан начинает что-то подозревать.

Андарез мой, ты мрачен.
Почему

Ты мне не отвечаешь, взгляды пряча,
И почему один ты?
Где они —
Где братья, отчего я их не вижу?
Андарез, ты не бойся, не тяни,
А правду говори...
Я жду — руби же!

Андарез:

Отец, я не боюсь.
Тобой мне дан
Такой же твердый нрав — на все готовый.
Вернулся я — от красной водки пьян,
От пролитой и вопиющей крови:
Мертвы все десять!
Жив и — одинок
Лишь я из сыновей твоих остался...
Я — каждому копые воткнул у ног,
Чтобы флажок под ветром развеялся,
Коней поставил в головах я — пусть,
Как женщины, поплачут, их утратив...
Ты знаешь: я не трус,
И в том клянусь
Я душами моих погибших братьев!
Отец!
Я жаждал смерти, видит бог,
Но я стерпел, переборов природу:
Иссякнуть роду нашему не мог
Позволить я —
Прекраснейшему роду!
И голос сердца я сумел убить,
О смерти мысль я отогнал, как скверну,
К тебе примчался —
У тебя спросить:
Как поступил я — верно ли, неверно?
Ведь ты — исток наш, если мы — река,
Тебе решать, как должен поступать я...

Папан (после долгого молчания):

Молчи, мой сын.
Судьба твоя горька —
Ведь ты не сможешь перенести безбратья...
Скажу «останься» — будешь сам не рад,
Иссохнешь у меня, печалью мучась:
Тебя твои же мысли победят...
Я облегчить твою не в силах участь.
Спеши, Андарез, вновь достичь тех мест,
Где ветер ночной останки братьев студит...
Святой тебя да не оставит крест,
Народ тебя вовеки не забудет!

Андарез уходит. Цоцрес Папан глядит на светильник, который постепенно угасает...

И не щадя коня, Андарез мчит
 Во весь опор — летит быстрее ветра,
 А впереди звезда зари горит...
 Дай бог, чтоб он добрался до рассвета,
 Чтоб не заставил воинов он ждать,
 Чтоб их успел ободрить до восхода!..
 Тумана нет в ущелиях:
 Опять
 Для жатвы будет знатная погода...
 И он поспел!
 Лишь только залила
 Заря вершины гор кровавым светом,
 Как смерть опять во все колокола
 Ударила, приободрясь рассветом!
 Андарез встретил свой последний день,
 Как воину пристало — при оружьи.
 Пороховых туманов скрыла сень
 Сражавшихся — при первом залпе ружей.
 И кто расскажет:
 Где он в поле лег,
 Последний брат,
 Где принял смерть со славой?..
 В дыму лишь видно, как сверкнет клинок —
 И падает в поток реки кровавой,
 И яростно сражались,
 Не видны
 В дыму друг другу,
 Леки и тушины,
 Весь день казалось, что красным-красны
 Внизу — долина,
 А вверху — вершины...
 Повечерело.
 Сам собою стих
 Бой, отгремевший кованым железом.
 Все кончено:
 Был этот день, как бык,
 Идущий на заклание, прирезан!
 В песке прибрежном полегли — мертвы,
 Не разорвав предсмертного объятия,
 Плечом плеча касаясь,
 Эти львы —
 Лек и тушин, во сне последнем братья.
 Утихли вихри злобы и вражды,
 Пороховой туман развеял ветер,
 На страшной битвы страшные следы
 Одно светило мертвых тускло светит...
 Когда же солнце снова свой кумач
 Зажжет,
 Когда же новый день настанет, —
 Его приветит только женщин плач
 Да траурных волос их колыханье.

А в нижнем мире пышет жаром печь
(Хозяйка — тонэ глиной подновила!):
Ворочаясь, ворча, бормочет речь
Негаснувший огонь тысячекрылый,
И свесясь в тонэ,
Не щадя костей,
Хозяйка-смерть хлеба печет, хлопочет —
Она сегодня назвала гостей
На пир,
Ударить в грязь лицом не хочет!
Убитые уже пришли.
И вот
Они глядят на пышность угощений:
«Что говорить,
Богато смерть живет!
Запасов здесь — на много поколений...»
А освещает яства
Ярче звезд —
Тот самый тополь, как свеча пылая,
Что на могиле материнской рос,
Мостом с землею твердь соединяя...
А смерть, красуясь словно тамада,
Всех потчует и всеми верховодит,
Она многоречива и горда,
Улыбка с ее черепа не сходит,
И нет на ней одежды никакой,
А вот ведь — весела не без причины
И все кричит:
«Да будет пир горой,
Отбросьте прочь печаль свою, тушины!
Берите хлеб из тонэ вы —
Вот-вот
Уже остынет он, к еде готовый!»
Она и женщин ко столу зовет
(А многие — ее стараньем вдовы):
«Отведай яств, красавица, моих,
Садись, не стой в сторонке отрешенно,
Не бойся!
Не рассердится жених,
Теперь и солнца и венца лишенный!»

Внезапно освещается дом Папаи — в него, как весна, украшенная полевыми цветами, входит Наниль. Останавливается на пороге, глаза ее потуплены, она вся дрожит. Цоцрес Папаи поднимает голову.

Папаи:

Входи, Наниль, зачем стоять в дверях,
Ведь у тебя ко мне, должно быть, дело?..

Наниль:

Тебе открыться мне мешает страх —
Вот на пороге и остолбенела,
А сердце не дает не говорить,
Как проклятое богом истомилось...
И вот пришла к тебе я — отвори,
Крылом прикрой могучим — сделай милость,
За столик свой присесть мне повели,
Как скорбь моя, он прокопчен и черен,
Еще — со мною пищу раздели,
Приправленную столь обильно горем,
И дай свою мне чашу — отопью
Вина из крови и из слез горючих,
Позволь мне на постель возлечь твою,
Которая полна шипов колючих,
Меня своею буркою прикрой,
В нее впитались боль твоя и жалость...

Папан:

Мой дом, Наниль, обходят стороной —
На нем проклятье божие осталось.
Не хватит сил у этих нежных плеч
Мой крест нести!
А где сыскать мне силы,
Чтоб кровь свою опять заставить течь —
Она уж навсегда во мне застыла!

Наниль:

Не отвергай, Папан, я молю,
Внушенного небесным благородством
И пожалей ты молодость мою,
Отравленную горем и сиротством!
О, не отвергни чувства и мольбы,
Летающие с земли до неба дымом,
И не гаси ты смаху две судьбы —
Они друг другу так необходимы,
Не подставляй ты лезвия меча
Лучу,
На нас ниспосланному свыше!..

Становится на колени.

Возьми меня!
Как хворост, брось в очаг,
Чтоб снова ожил твой очаг остывший.
Дуй, ветер!
Помоги же уголькам
Огнем бодрящим разгореться вскоре...
Папан!
Пусть я лягу как бальзам
На раны и на жизнь, смягчая горе.

Своей косою я наново скреплю
Твой крест, от зла шатающийся зыбко,
Своей любовью
Смерть твою убью
И снова подарю тебе улыбку!.

ОКОНЧАНИЕ ПОВЕСТИ

Молодой пастух:

Ущельем, вдоль реки, при свете дня
Ты шла за мужем.
Облик твой так светел —
Дух захватило...
Ты оплачь меня! —
И стал похож я на упавший ветер...
Разгневался Магех-Георгий вмиг:
«Глазей лишь на нее, пока есть зренье,
Да не уйдешь всю жизнь от духов злых,
Да не отыщешь для души спасенья!»
Я руку не сдержал — оплачь меня! —
Она сама рванулась к рукояти,
И прыгнул в реку, саблею звеня,
И одолел, мгновенья не потратив!..
Навстречу мне — твой муж (оплачь меня!).
Как будто сына повстречав родного,
Спросил он, как живет моя родня
И не случилось ли чего дурного?
Припомнил всех он из моей семьи —
Так, будто мать, сестра стояли рядом,
Здоровы ль дети, он спросил, мон
И не струсилось ли что-нибудь со стадом?
Я, онемев, стоял — оплачь меня! —
Мои колени крепкие ослабли,
И чувствовал, что за позор кляня,
Огнем стыда моя пылала сабля.
В одном мне повезло — оплачь меня! —
Стервятника приметил я над нами:
Ягненка утащив,
Как от огня,
Пытался он удрать, взмахнув крылами.
Я лживо закричал, подняв клинок,
И так же лживо отвечало эхо...
«Ты не тревожься из-за пустяков, —
Сказал Папан, —
Я улажу это!»
Мгновенно он с плеча мажари¹ снял
И, вскинув ствол, спустил курок он сразу.
Клянусь, он даже целиться не стал,
Клянусь, он даже не прищурил глаза.

¹ Мажари — вид ружья.

Но пуля цель сама нашла как раз —
Стервятник рухнул, трепеща крылами!
Одно его перо и посейчас —
Взгляните! — все кружит под небесами...

Хор:

Кто говорит: «Папай дряхлым стал»?
Пускай язык отсохнет у невежды!
Цоцрес Папай стар,
Но он — не стар:
В руках он держит молодость, как прежде.
Он много в жизни пережил.
И что ж?
Пусть дни его продлятся долго-долго,
Когда в седле — он на орла похож,
А спешившись — на опытного волка!

Перевод Леонида ТЕМИНА

РАССКАЗЫ

НЕДОВЕРИЕ

Позавчера глава семейства пришел домой ссутулившийся, бледный и подавленный. Он криво улыбнулся жене, глухо осведомился, где, мол, наш сынок шляется и, не дождавшись ответа, толкнул дверь в спальню.

— А как насчет обеда? — встревожилась жена.

— Я недавно перекусил, — солгал он.

— Может, стряслось что?

— Да ничего особенного, просто я сегодня что-то не в духе.

С рассказами Автандила Галдавадзе впервые познакомил меня недавно скончавшийся кинорежиссер Реваз Чархалашвили — посмотри, дескать, как сильно он пишет и какие у него образы. Я прочитал и остался весьма доволен и, признаться, даже удивлен, что новичок в литературе настолько хорошо владеет писательской техникой, что так убедительно и упруго выглядит описанная им жизнь, и, что, наверное, самое главное, все им написанное пронизано сильным и мужественным духом.

Вскоре я познакомился с автором лично. Он оказался, как говорится, «в расцвете сил», по профессии инженером, руководителем одной из важных строек республики — дороги в Тушетии, которая из села Пшавела дошла уже до Омало и постепенно продвигается дальше. Мне стало ясно, откуда у Автандила Галдавадзе столь богатая языковая ткань, столь истинная народная основа. Автандил всегда держит наготове блокнот и ручку, чтобы записать каждое по-писательски интересное слово, выражение, мысль. Этот непоседливый, по горло занятый практическими делами человек оказался тонким знатоком и ценителем литературы и искусства, да и вообще истории мысли. Честно говоря, я был искренне обрадован появлением такой личности в нашей литературе и в моей жизни.

Три небольших рассказа — первые переводы произведений писателя на русский язык. Я уверен, за ними последуют другие, благодаря которым русский читатель познакомится с интересным человеком и писателем.

Реваз ИНАНИШВИЛИ

— Ну, и слава богу, что все в порядке.

— Вот именно, в порядке, — поддакнул он.

Благополучно завершив беседу с супругой, он торопливо разделся, сунул под язык таблетку валидола и улегся в постель...

...Спрашивается, какого черта он так добивался этого вакантного места? Вся разница в зарплате — какой-то четвертак, не больше. Хотя разве только в деньгах дело? Вот уже двадцатый год он работает заместителем начальника отдела, и никаких нареканий или выговоров не получал ни разу. Место освободилось и, будь справедливость, отчего бы не продвинуться на одну-единственную ступеньку вверх по должностной лестнице. Вот и не удержался он, зашел к управляющему намекнуть — так, мол, и так. А тот, словно бы не усек, пустился во все тяжкие, стал перед ним распинаться, какая, мол, у тебя ответственная должность, смотри, мол, не подведи, шутка ли, номенклатура как никак.

Он вышел из кабинета управляющего, схватившись за сердце, еле выбрался на улицу и побрел наугад, пока не очутился в аптеке.

На безмолвный вопрос провизора попросил у него валидол.

Сухощавый с землистым цветом лица провизор скривился, ухмыляясь помассировал себе левую сторону груди и протянул ему требуемое лекарство...

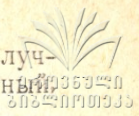
А вчера к нему позвали участкового врача. «Да у вас же реактивная депрессия», — заохал тот, настроил кучу рецептов и открыл бюллетень.

Семейство приуныло.

По квартире расползлись тошнотворные запахи экстрактов, примочек, притирок и прочая...

...Рано утром жена вернулась домой в сопровождении стройной нежной девушки. Сверкая огромными глазами, та теребила пальцами сборник сонат Бетховена.

— Гостья наших друзей, она из района приехала. Заочно закончила консерваторию, теперь над дипломом трудится. У ее хозяев при переезде расстроился инструмент, и она будет заниматься у нас. Иногда.

— Вот и прекрасно, ничего не может быть лучше, — не отрывая от гостя глаз, как зачарованный, отозвался хозяин.

— Зизи, — представилась музыкантша и сделала шаг вперед.

— Ачико, — невольно вырвалось у него имя, которым его звали в пору юности. Густо покраснев, он протянул госте руку.

Они сели к столу.

— Ваш мальчик — копия отца, — приятным голоском пропела дипломантка, блеснув белыми, как агзеванская соль, зубами.

Жена горделиво вздернула подбородок, муж просиял — что и говорить, их сынок — парень каких поискать.

— А вот муж на альбомных фотографиях один, а в жизни совершенно другой.

— ?!

— На карточке он выглядит пожилым и унылым.

Зизи задорно улыбнулась. Ее мини-юбка поползла вверх, обнажая розовые коленки, и, чтобы скрыть их от посторонних глаз, гостья подвинулась к столу, натянув на коленки край скатерти.

Говорила гостья с акцентом, характерным для одного из диалектов западных областей Грузии, что придавало ее речи еще большее очарование.

Хозяйка не преминула отметить это обстоятельство вслух.

Девушка жарко заалела и обиженно взмахнула длинными ресницами.

Неуклюжий комплимент, словно уродец, взгромоздился на стол между ними...

— Зато у меня нет древнегреческого акцента, — нарушила неловкую тишину гостья.

— Неужели?! — с облегчением вскричали муж с женой.

— А вы как думали?

— Это в каком же смысле? — Восторг не стихал.

— Да очень просто, я вообще ни слова не говорю на этом языке! — сказала дипломантка и так озорно поглядела на хозяев, что покажи она кончик языка, непременно бы стала похожа на шаловливую девчонку.

Муж захохотал, а жена, получив сдачу, с деланной укоризной покачала головой. Уродец, дружно отогнавшийся всеми, сгинул без следа.

Гроза миновала, радушие вновь воцарилось за столом.

Зазвонил телефон.

Хозяйку вызывали по срочному делу.

Глава семьи поднялся, боясь помешать музыкантше, и, извинившись, ушел в свою комнату.

Хлопнула входная дверь.

Мужчина удобно устроился в кресле и раскрыл книгу.

Но глаза его невидяще скользнули по странице — все его внимание было сосредоточено на гостинной, откуда вот-вот обещали раздаться первые аккорды со-наты.

В тишине время ползло незаметно.

Но аккордов все не было слышно. Он даже подумал, уж не оглох ли он, грешным делом, как Бетховен, потом встал, приложил ухо к прикрытой двери и прислушался — ничто не нарушало тишины.

Звонок заставил его вздрогнуть.

Он поспешно направился к входной двери.

В гостинной не было ни души.

Черное пианино непроницаемо блестело закрытой крышкой.

Недоуменно пожав плечами, мужчина щелкнул собачкой замка.

Вошла жена.

— Куда подевалась наша гостья?! — с тревогой спросил он у нее.

— Она не захотела ждать, неловко, дескать, как-то наедине с мужчиной оставаться, что, мол, люди скажут, я лучше в другое время забегу... Одним словом, выразила тебе недоверие. — поддела она мужа.

Глаза у мужа засияли, и сердце радостно забилося. Вернувшись в свою комнату, он настежь распахнул дверцы гардероба, выбрал новый костюм, мурлыча под нос песенку, вырядился в него и стал вертеться перед зеркалом. В первом зеркале он опрыскал волосы одеколоном и тщательно причесался, во втором занялся прополкой усов, словно сорняки повыдергав из них

седые волоски, в третьем лукаво подмигнул улыбающемуся мужчине в расцвете сил.

В прихожей он столкнулся с женой.

— Куда это ты собрался?

— Куда, куда, на службу, вот куда.

— Но ведь ты вроде, нездоров?

— Кто, я? С чего ты это взяла?

— Хотя бы валидол с собой захватил, что ли!

— Только его мне не хватало, — беззаботно отмахнулся он.

Ошарашенная женщина долго смотрела вслед мужу, который, как ни в чем не бывало, насвистывая «Чито-гврито», браво сбегал вниз по лестнице.

Правда, может не «Чито-гврито», а что-то другое, но мне, во всяком случае, так послышалось...

НАСТРОЕНИЕ

Строители с ног посбивались, да и не мудрено: город рос не по дням, а по часам — новые кварталы, новые проспекты, Новый год на носу.

Высокого грузного инженера, облаченного в кирзовые сапоги, ватные брюки и стеганую куртку, занимала полнота. Заплывшая жиром шея сделалась короче, голова выросла в плечи, брови разрослись и, словно балконы, нависли над глазами.

С чертежами и рулеткой под мышкой, зажав в зубах папиросу, он пешком переходил с объекта на объект. Без памяти влюбленный в стройку, он дневал и ночевал здесь. Вечерами он подбивал итоги дневной работы, а по утрам — ночной. Потрепанный его блокнот весь, включая даже корешок, был испещрен столбцами цифр.

Инженер, длинно позевывая в кулак и потягиваясь, распрямлял спину, и лоб его постепенно разглаживался.

Да и бог с ними, с усталостью и бессонницей — не до себя как-то. Ведь благодаря его труду родной город, где некогда мать, раскачивая люльку, пела ему колыбельную, становится нарядней и краше... Э-эх, теперь он и без колыбельной уснул бы что надо...

— А ну, без фокусов! — одернул он себя, закурил папиросу и попытался было прикрыть за собой дверь кабинета.

— А я к вам! — откуда ни возьмись выросла перед ним незнакомая девушка.

«Ну и ну, вот так цыпочку послал мне ботаник свет ни заря?!» — подумал было он, но, спохватившись, тут же представился: — Начальник участка строительства мостов.

Он пригласил девушку в кабинет, помог ей снять пальто, повесил его на вешалку и подвинул стул, предлагая сесть.

Девушку пробирала дрожь. Она постукала друг о дружку ногами в задубевших сапожках, сдернула перчатки, потерла ладошкой побелевшие от мороза щеки, присела на стул и протянула к печи озябшие руки.

На столе начальника участка царили чистота и порядок: папки с чертежами, логарифмическая линейка, арифмометр, счеты, томик Галактиона, телефон, журналы, графин с водой, стакан и пепельница.

— Я должна провести с вами индивидуальную беседу! — нарушила тишину девушка, сверкнув глазами

И во взгляде девушки, и в ее тоне, и в повадке ощущался какой-то вызов.

— Очень приятно, — ответствовал инженер и, чтобы скрыть невольную улыбку, выпустил из угла губ струю папиросного дыма.

От девушки не укрылась легкая ирония, проскользнувшая в его словах. Она нахмурилась и резко выпалила:

— Не торопитесь, я вовсе не собираюсь петь вам колыбельную.

— Я и не думаю. Даже проклятье из ваших уст будет мне приятно, — отпарировал инженер и густо покраснел, поняв, что сказал комплимент.

— Я вот уже целых три месяца работаю врачом вашего участка, а вы даже не соизволили заглянуть ко мне...

Упоминание о враче всполошило инженера. Он побледнел и съезжился, как ребенок.

— Вы шутите, ведь Манану Генриховну...

— Три месяца тому назад перевели главврачом в больницу. Недаром она предупреждала меня, передавая вашу историю болезни: пациент ваш, дескать, не

ахти какой дисциплинированный, с ним надо ухо держать востро.

Докторша судорожно сжала пальцы в кулачки, положила их на стол и с сожалением поглядела сначала на них, а потом на инженера. Затем, подавив горькую улыбку, она потянулась за пепельницей и ухватила ее за черенок. Медная пепельница имела форму дубового листочка.

— Насколько я знаю, дуб у нас олицетворяет силу и мужество, не так ли?

— Кажется, так.

— Вот, вот. Парадокс да и только: человек вдавливают в этот символ десятки папиросных окурков в день, ежедневно расписываясь тем самым в беспомощности и безволии.

У инженера вошло в привычку: стоило ему разволноваться или задуматься, как рука тут же ненароком тянулась к папиросе.

Вот и сейчас он не смог побороть искушения.

— Ну что? Я как в воду глядела, когда назвала вас безвольным. А вы губы надули, обидели вас, как же... Но это еще не все — вы, подобно всем безвольным людям, к тому же и эгоист: мол, план мой важнее всего на свете, а там хоть трава не расти... А я, дураха, черт-те что вообразила, мчалась в эту холодину через весь город, два раза шлепнулась, еле поднялась и на тебе... — закончила докторша и ее чернильные глаза лани вдруг увлажнились.

Здоровенный строитель, не вымолвив ни слова, в горькой задумчивости прокосолопил к столу, вытащил изо рта папиросу и с силой вдавил ее в пепельницу.

Часы пробили девять.

Докторша облегченно вздохнула и захлопала в ладошки. Но тут же лицо ее вновь помрачнело.

— А как насчет гипертонии?

— Ну, если вы настаиваете, я брошу, постараюсь, во всяком случае!

— Прекрасно. Вот видите, я в вас не ошиблась: вы настоящий мужчина — волевой и решительный! — воскликнула докторша, сорвала пальто с вешалки и опрометью бросилась к двери.

В открытую дверь ворвался холод.

Снежило.
Снежинки кружили в воздухе, словно лебяжий пух.

Рука инженера зашарила в кармане в поисках папиросы.

— А ну, без фокусов! — одернул он себя, судорожно смял едва початую пачку, раздавил коробок со спичками и швырнул все это в печь.

Докторша...

А обсыпанная снегом докторша, спотыкаясь и скользя, неслась по обледенелому тротуару.

Возле скверика сгрудилась стайка мальчишек. Они лепили снежки и озорно оглядывали улицу в поисках очередной жертвы.

Докторша подняла воротник пальто, прижала к ушам ладошки, как ребенок, играющий в «жучка», и, согнувшись, прибавила шагу.

Мальчишки растерянно топтались на месте, явно не решаясь бросить в нее снежком.

Докторша страшно огорчилась, настроение у нее резко упало. «Вот болваны, а? Вот дурачье», — глотая слезы, в сердцах бранила она мальчишек...

Снежило.

Снежинки кружили в воздухе, словно лебяжий пух.

Город готовился к Новому году.

ПОЕЗДКА

Ни свет ни заря поезд вполз на станцию и стеной навис над перроном.

На дотоле безлюдном перроне вдруг забурлил народ. Смешались стар и млад, мужчины и женщины, отъезжающие и приезжающие.

Дежурный в красной фуражке с карандашом и бумагой в руке ворча прокладывал себе путь к первому вагону. За ним едва поспевала галдящая толпа безбилетников.

Из вагонов высыпали любители ранней опохмелки в спортивных и полосатых пижамах и очертя голову помчались штурмовать буфеты, чтобы пропустить стаканчик-другой.

Невыспавшиеся красотки с помятыми лицами, зябко ежась и позевывая, тщательно оправляли платья, подтягивали голенища сапог и сквозь частокол неестественно синих ресниц исподтишка поглядывали на мужчин, не сводивших с них пристальных взглядов.

Высоченного, вислоусого великана с распахнутым воротом — ему бы впору стоять обелиском на кладбище — вели под руки две худосочные женщины. На спине великана подпрыгивала огромная сетка, до отказа набитая всяческой снедью.

Подгулявший на свадьбе сват то и дело останавливался, браво выпячивал грудь и, пошатываясь, старательно выводил писклявым голосом:

**Ты, соседушка, не сетуй,
что я весело пою,
По-соседски и по-братски
за твое здоровье пью.**

— Чтоб ты провалился, — бранилась в сердцах женщина справа.

— Глаза б мои тебя не видели, — отчаянно тормошила его женщина слева.

Проводник помог выйти из общего вагона согбенной, сморщенной старушке в черном, кивком подозвал милиционера и торопливо передал ему пассажирку, ее посох и узел.

Блюстителю порядка бережно проводил старушку до такси, посадил ее на заднее сиденье, пристроив тут же узел и посох.

У старушки в лице не было ни кровинки, глаза как бы присыпаны пеплом, а исцарапанные щеки глубоко западали.

Она сидела, скрючившись в три погибели, и если бы не подрагивающий подбородок, никому бы даже в голову не пришло, что в ней еще теплится жизнь.

— Может, вам водички принести? — почтительно обратился к ней милиционер.

— Спасибо, сыночек. Да не обделит тебя бог своею милостью, — прошамкала старушка.

Милиционер вдруг помрачнел и, неловко повернувшись, тяжело зашагал прочь.

— Куда вас отвезти? — по-русски спросил ее светловолосый шофер.

0619359210

Она назвала деревню.

Машина тронулась.

Наступал весенний рассвет, пробуждалась жизнь в ласточкиных гнездах, в почках деревьев, в стеблях травы, и шофер, не в силах совладать с искушением, высунулся в окно машины.

Старушка сидела, забившись в уголок. Машина, подпрыгивая на частых ухабах, встряхивала погруженную в печаль пассажирку, словно куклу. Время от времени у нее вырывался тяжкий стон: «Горе мне, сыночек».

Утренняя свежесть растревожила ноздри шофера, и он громко чихнул!

Старушка с грехом пополам приподнялась с сиденья и, тяжело опершись на посох, похлопала юношу ладонью по спине, пришептывая: «Да хранит тебя бог от всяческих напастей».

— Остановить машину? — замедлил ход водитель.

— Нет, нет, просто у нас обычай такой... Я сыночка своего единственного схоронила в городе. Оттуда и возвращаюсь теперь... Яловая моя невестка даже мертвым не уступила мне его... Вот и остались мы без прищотру — я тут, а отец там, — простерла она руку к показавшемуся за поворотом кладбищу.

Весенний рассвет вступил в силу.

В воздухе пахло грудными младенцами, парной землей и фиалками.

Перевод Ушанги РИЖИНАШВИЛИ

РАССКАЗЫ

«МУМЛИ МУХАСА»¹

Небо застилало багровые облака.

Монголы перекрыли все пути. Тысячи беженцев брели по дорогам.

Грузины знали, что все пути вели к берегу Куры — там должна была решиться их судьба.

— Сынок, — говорила идущая во главе одной группы женщина в черном мальчику лет двенадцати, — поклянись мне, что умрешь достойно, так, как умер твой отец.

Ребенок не отвечал, он шел, что-то напевая, лишь глаза его лучились. Словно с фрески сошли мальчик и женщина. По дороге к ним присоединилась еще одна группа беженцев. Они расступились и — одному богу известно зачем — пропустили вперед мальчика и женщину в черном.

Монгольский военачальник ждал старейшину. Если решится вопрос веры — хорошо. Нет, так на другом берегу Куры стоял палач.

Наконец показался берег.

На берегу — несметное монгольское войско.

— Идут, как овцы, — сказал стоявшим сзади военачальник в доспехах. — И с ними нам пришлось так биться?

¹ «Мумли мухаса» — старинная походная песнь, в которой говорится о том, что мошкара вьется вокруг дуба, одолевает его, однако могучее дерево продолжает зеленеть.

Никто не ответил ему. Знали монголы причину недовольства военачальника. Назвав трусами грузин, он оскорбил самих монголов.

причину
грузин
06.03.59
2023.01.03.33

Ветер донес незнакомые звуки.

— С песней идут, — сказал, кашлянув, старый сотник, стоявший за спиной военачальника.

— А если не договоримся, они у нас еще громче запоют, — отозвался военачальник.

Никто не двинулся с места. Все смотрели вдаль, туда, откуда медленно приближалась толпа беженцев.

— Странный народ! — вырвалось у военачальника. — Удивляюсь, идут так, словно мы их на пир позвали.

Опять кто-то закашлял за его спиной.

Военачальник оглянулся, словно искал, на кого обрушить свой гнев.

— Они идут, чтоб умереть! — проговорил старый сотник.

Песня звучала все громче и громче, потом вдруг оборвалась.

— Одни женщины, старики и дети... — сказал военачальник, разглядев толпу.

— Да, — ответила ему женщина в черном и показала на мальчика.

— Кто ты такой? — спросил удивленный военачальник.

— Сам ты кто? — молвил мальчик на удивление монголам.

— К мосту! — закричал военачальник, разгневанный тем, что грузины вместо старейшины прислали ему ребенка.

Ребенок дерзко рассмеялся.

— Чего уставились! — прикрикнул на воинов военачальник. — Разве не видите, как они губят себя своей глупостью?

Монголы стояли как вкопанные, опустив руки перед двенадцатилетним мальчиком, и не знали, что делать.

— Икону! — взревел военачальник, задыхаясь от злости.

Тотчас же поднесли икону.

— Видишь это?

— Мальчик кивнул.

— Плюнь на нее, и тогда ты и твоя мать уйдете отсюда живыми.

Пронзительно закричали женщины в толпе...

...Перед военачальником лежал труп женщины в черном, которая пронзила себя кинжалом.

Мальчик молниеносно выхватил образ из рук военачальника, поцеловал его, положил на грудь матери, затем перекрестился и плюнул военачальнику в лицо.

Через минуту тело мальчика, изрубленное на куски, лежало подле матери.

В воздухе гремела «Мумли мухаса»...

ЖИВОЙ СВЕТОЧ

...И есть ли к врагу
сострадание...

Леван Готуа

У тлеющих развалин храма лежал умирающий инок, молодой, пригожий.

Там же, в поле, монголы разбили лагерь.

Вдруг из одного шатра вышла монголка с кувшином в руке.

Она заметила раненого...

Остановилась... Всмотрелась в него. Наклонилась, стала осматривать его раны.

Затем направилась к шатру.

Вернулась с двумя латниками.

Воины взвалили раненого на плечи и понесли в лагерь.

Три дня и три ночи инок боролся со смертью.

Когда он пришел в себя, увидел у изголовья красивую девушку. Рядом с ней стоял одетый в пурпур мужчина с козлиной бородкой. «Моя дочь подарила тебе жизнь, — процедил мужчина и осторожно коснулся плеча раненого. — Не люби я ее больше всего на свете, лежать бы тебе в поле на съедение воронам».

Инок молчал.

Прошло около двух недель.

Все привыкли к красивому юноше, который прихрамывая, бродил по лагерю.

— Почему он не уходит? — удивлялись они. — Нет ли у него дурных намерений?

Не ошиблись монголы.

Однажды ночью загорелся шатер правителя.

Никто не успел выйти, сгорели все.

Два латника доставили к новоизбранному повелителю инока в изодранной одежде.

— Это и есть твоя благодарность? — спросил разгневанный военачальник.

Инок молчал.

— Пытать его!

Вдруг инок вырвался у латников и гордо обратился к правителю:

— Я сам буду себя пытать!

Удивился военачальник:

— То есть, как это, сам?

— Увидите! А нет, так поможете!

Смотрели монголы, как терзал себя юноша. Выдирал щипцами мясо из тела, прикладывал к ранам раскаленные уголья, потом завернулся в пропитанную маслом тряпку, поджег ее и запыхал, подобно огненному божеству.

— Кто ты? — спросил остолбеневший военачальник

Грузия! — был ответ.

МЯТЕЖНИКИ

Ты пристально смотришь на меня. Наверно, почувал, что и я грешен..

А кто безгрешен на этом свете?

Впрочем, другие у нас грехи.

Мы познали бога и постигли его тайну.

— Ужаль! — велел тебе разгневанный этим господь.

— Убий! — велел мне.

Мы ему не повиновались.

Дружески смотрим друг другу в глаза.

Ты всех прекрасней на свете, о неведомый!

И ты всмотрелся в душу свою и узрел в ней бездну страшную..

Это ужасное видение остудило твою кровь, и ты стал пресмыкающимся..

Но остался в тебе и адский огонь, и когда встретишь любимую, такую же, как ты, гордую и хладнокровную, взорвется в тебе дикая страсть, и уподобится ты молнии, сверкающей в небе...

Не оставляй меня! Стань мне другом!

Создадим нерушимый союз и еще раз восстанем против бога — змий и человек!

Мы пошлем ему проклятие, страшное, как укус скорпиона, и он спустится вниз, попросит снять с него это проклятие...

И тогда мы погоним его перед собой, босого и покорного, в ветхой сутане и возвестим всем: это тот, кто велел — «ужаль» и «убий».

КРОВАВЫЙ ЦВЕТОК

Кровавый цветок, ты — строчка, вырванная из души моей!

Будь веревкой на виселице врага и спасительным канатом для друга, оступившегося в горах!

В муках рожден ты и тверд поэтому!

Не порвешься!

Цветок ты, говорю я, а сравнил тебя с веревкой!

Прости!

Ты все — и облегчение и муки...

Если наскучит мне жизнь, изберу тебя оружием...

Знаю — не подведешь...

И я вновь оживу.

Слышишь меня, читатель?

Если не поймешь, обратись к индийскому жрецу...

Тот скажет тебе, как исцеляются от недуга отравившиеся ядом цветка, проросшего в страданиях.

Бесконечные сомнения и страх — недуг этот.

Страх — а может, не выдержит меня стебель, и не смогу перед смертью увидеть такое видение, силой которого удастся взобраться на купол воздвигнутого в душе моей храма.

А оказавшись на этом куполе, увидишь весь мир как на ладони...

Увидишь падение сильных и вознесение слабых!

Увидишь, кто царит на земле. Мир или Вражда.

А когда тебе надоест смотреть на это, спустишься вниз по той же веревке...

Веревке, что есть кровавый цветок, вырванный
из души твоей!

Так цвети же!

Ты никогда не увянешь в чаше надежды, напол-
ненной моими слезами!

ДВА МИРА

На покрытом зеленым сукном столе лежала высе-
ченная из мрамора женская рука.

Ваятель сидел в кресле и пристально смотрел на
свое творение.

Это была копия руки его недавно скончавшейся
дочери.

«Почему я высек только руку?» — думал ваятель.

Потом он потянулся к руке и осторожно провел
по ней худыми пальцами.

Вдруг камень потеплел, принял цвет плоти, стал
мягким, и ужаснувшийся ваятель почувствовал, что
сжимает живую руку.

«Опять галлюцинация!» — подумал он и сразу по-
ложил на стол теплый кусок плоти.

«Нет, это не галлюцинация. Это твое наказание», —
услышал ваятель чей-то глухой голос.

«Наказание? За что?»

«За те грехи, которых ты еще не совершал».

«А может, я и не согрешу вовсе!»

«Сама эта мысль уже грех».

«Кто ты?»

«Голос Закона, который существует для людей ис-
кусства».

«Разве и искусство подчиняется какому-то зако-
ну?»

«Больше всего».

«Не понимаю, причем тут моя бедная дочь...»

«Не догадываешься?»

«Нет».

«Хорошо, что в тебе осталось столько наивности.
Значит, ты добрый человек. А мы, защитники Закона,
жестоки... Хотя жестокость и не отрицает доброту. Мы
решили запугать тебя и, как видишь, достигли цели».

«Я все-таки не понимаю, за что?»

«За те грехи, которые ты совершишь нам назло, услышав наш голос».

«Выходит, что вы сами меня подстрекаете к преступлению! Какой же я должен совершить грех?»

«Взбунтуешься, чтобы доказать себе, что все это только видение».

«Но я всегда был бунтарем!»

«Да, нам это известно. Но бунтовал ты против бога, а теперь ты будешь бороться и против нашего Закона. Поэтому мы тебя предупредили, превратив камень в плоть. Христос превратил камень в хлеб, а мы сделали его — частью живой плоти».

Ваятель задумался. Потом рассеянно улыбнулся и забарабанил пальцами по креслу.

«Вы как раз вовремя меня посетили, — сказал он, помолчав немного. — Именно сейчас я собирался изваять лицо сумасшедшего».

«Вот видишь! Это уже грех. Оставь в покое бога, святых и сумасшедших. Изображай простые человеческие чувства — страдания и радость. Вот твое назначение. Свернув с этого пути, ты согрешишь».

«Моя дочь была сумасшедшей!»

«В прямом смысле?»

«Да, почти! Она красила полотна в черный цвет и говорила — за этим черным занавесом стоит моя душа».

«О пустоте говорила?»

«Не знаю. Впрочем, может, вы объясните, что она хотела сказать?»

«Гм, объяснить это сложно. Ясно одно — красивая была твоя дочь».

«С чего вы взяли?»

«Читая мысли, мы видим облик».

«Ошибаетесь. Моя дочь не была красивой. Лишь руки у нее были красивые», — почему-то солгал ваятель.

В ту же минуту он проснулся.

«Что за кошмар!» — подумал он.

На столе по-прежнему лежала каменная рука.

Он приблизился к ней.

Коснулся ее кончиками пальцев...

Вздрогнул.

Рука была тепла, чуть-чуть тепла, словно к ней возвращался былой холод.

Собака, что притаилась у вас в голове, не найдется в моем рассказе поэтических жемчужин. Нет в нем и благоухания заброшенных кладбищ и многих таких вещей, которые, впрочем, так же нужны ей, как мар-тышке — очки.

Собаку эту (я повторяю) разозлило уже то, что я назвал ее своим именем. Она готова броситься на меня и укусить, но ей не по зубам мои стальные ягодицы, так как сладости, которые она поглощает, вконец испортили ей клыки.

Разрешите представиться... О-о! Как вы ежimate мне руку! С такой силой вам бы грузчиком работать.

Иакинто Пирвели!.. Ваш покорный слуга! Вы меня знаете? Слышали и раньше это имя? Хи... Хи... Да, это я! А-а, вы меня помните по суду! Что ж тут поделаешь, вы всегда отличались хорошей памятью. Ого, на вашем лице я вижу язвительную улыбку! Ничего, не впервой, стерпим и это! Я спасен, вот что важно. А псина, запертая в верхнем этаже ваших хором, не осмелится меня укусить, да и не справиться ей со мной.

Так чего же я боюсь, спросите (я ведь сказал, что спасен), а кто его знает, может, не укуса я боюсь во все... Да, да, не столько укуса боюсь, сколько лая.

— Гав, гав... — И я убегаю.

Так было и на том проклятом суде. Посмеялись, наверно, когда родственники моей бывшей жены погнались за мной, а я дал деру. Ха-ха! — смеялись вы. «Гав, гав», — почему-то слышалось мне. Н-да, не в лучшем свете я выглядел тогда. В море смеха — лишь одна волна печали... Это плакала моя маленькая дочь на руках у матери.

А сейчас было б неплохо осторожно приоткрыть дверь прошлого. (Тьфу ты, черт! Все-таки заскрипела!).

— Не надо!

Тщетно пытаюсь поцеловать руки, которыми жена закрывает себе лицо. Как легко ее обидеть в последнее время!

Если б вы знали, как я люблю ее сейчас!

Так люблю, что готов пасть перед ней на колени...

«Милый, милый!» — слышен голос, похожий на комок в горле.

«Милая, милая!» — шепчу я, но меня отстраняют, и я остываю. Хи-хи! — смеюсь, вспоминая эти глупости.

— Садист! — орет теща.

Виновато поглядываю на судью.

Моя бывшая жена опять закрыла руками лицо.

— Зачем же вы создавали семью, если не любили человека, с которым намеревались прожить всю жизнь? — спрашивает судья.

Молчу.

— Отвечайте, гражданин Пирвели!

Опять молчу.

— Отвечайте! Отвечайте! Отвечайте!

Лица... Лица... Лица...

Видите красивую хрустальную вазу на подоконнике, в зале суда?

Это застывший сон; сон, в котором я вижу, как кто-то целует мою жену. Целует ей глаза, шею, руки.

Но об этом нельзя говорить... Да и не стоит!

Лица... Лица... Лица...

«Я люблю вас, лица! Поверьте мне! Но... Дайте мне разбить эту вазу, разбить этот страшный кошмар и швырнуть вам осколки в лицо! Знаю, вы поранитесь, вам будет больно, но поверьте, это не от злобы к вам! Душу ведь надо как-то отвести, душу!»

Так я и поступил...

С какой яростью кидались на меня твои родственники...

«Милая, милая!» — кричал я и убегал.

Очутившись на улице, я был похож на лунатика.

«Милая, милая!» — кричал я, останавливая удивленных прохожих и спрашивал — верно ли я поступил, разбив ту вазу...

Какой-то парень дал мне по уху: какая там, мол, ваза!

Я упал. Обхватил руками плевательницу... Кое-как встал... Улыбнулся зевакам...

Лица... Лица... Лица...

Вот и вся история. Я постарался как можно меньше приукрасить правду и бросил этот маленький су-терброд в зло разинутую пасть вашего щенка. Конечно! Теперь и я могу сесть и поиграть с ним. Но вижу, он смотрит на меня с недоверием. Верь мне, милый!

А впрочем, зачем он должен мне верить, когда и в моих глазах он тоже читает недоверие! Но, боже! Как он смотрит на меня! Видит, наверное, как потемнели мои зрачки...

Что же, что же вы видите? Почему отводите взор? Какой в вас ужас, боже!

Не видели ль вы у здания суда истерически смеющуюся женщину с плачущим ребенком на руках?

Хи... Хи... (какой я бессердечный, не правда ли?). Тсс... Придвиньтесь-ка поближе... Я открою вам один секрет... Тот ребенок...

Перевод Георгия САРТАНИЯ

НЕЙШНЕВСКАЯ КЛЯТВА

Р о м а н

В последнее время, влекомый непреодолимой силой, царь тянулся к маленькому Теймуразу, он тосковал, не видя его, и все чаще и чаще появлялся в покоях царицы Эленэ, примыкавших ко дворцу деканоза анчисхатского. Он приходил то в сопровождении эджиба, то один в самое неожиданное время, никого не предупреждая заранее. Царица встречала его холодно и порой едва удаивала словом, но царь ничуть не смущался этим. Вот и сейчас по-царски величественно Иесе ступил в гостинный покой царицы, прошествовал мимо мраморных, затянутых тяжелой златотканой драпировкой колонн, не обращая внимания на прислугу, нянюшек и кормилиц, и остановился перед спальней царевича. Чуть помедлил, увидев в открытую дверь исхудавшую, бледную Эленэ, — успел заметить даже морщинки у висков — спокойную и неприступную. Несмотря на то, что у них были дети, они оставались чуждыми друг другу. Эленэ нечасто видела мужа, с каждым его приходом в ней все сильнее росло чувство неприязни. На ней было простое темно-фиолетовое платье с алым нагрудником, талию обхватывал серебряный пояс.

Мать послала воспитательницу за царевичем, который находился в покоях нижнего этажа, а сама опустилась на тахту и, облокотившись на бархатную подушку, взяла в руки вязанье.

Мальчуган лет пяти вприпрыжку вбежал в комнату и замер, с любопытством разглядывая отца, лицо ребенка озарил светлый луч радости. Иесе смотрел на сына, обуреваемый самыми противоречивыми чувствами. Озадаченный снисошедшей на Теймураза просветленностью, он не находил слов. Дрогнуло отцовское сердце и, воскликнув вдруг: «Славный ты мой малыш!», он подхватил сына на руки, подкинул вверх. Но тут же натолкнулся на необъяснимый протест, который вдруг почувствовал в ребенке. Теймураз барахтался, стараясь высвободиться. Иесе бережно опустил царевича, поставил на

Печатается с сокращениями.

пол. Эленэ отвела взор. Она до безумия любила сына, но держала его в строгости и обращалась как со взрослым. Мальчик только-только оправился от перенесенной свинки, и она оказалась, как бы приход отца не обернулся для него горячим погрясением.

Теймураз тихонько, на цыпочках отошел к нянюшке, старой, с добродушным лицом женщине, которой доверено было воспитание царского наследника. Ее седые волосы покрывала длинная темная накидка.

Царь удивленно и радостно посмотрел на сына, потом приблизился к загрустившей царице и прильнул к ее руке легким благодарным поцелуем. Воцарилось неловкое молчание. Иесе проникся жалостью и состраданием к этому нежному, хрупкому созданию, к кроткой его Эленэ, обреченной с юных лет тянуть нелегкую лямку, в какую ее впрягла жизнь, дав в спутники мужа-царя. Он никогда не баловал ее вниманием, порой как бы и не замечал даже, а ведь она подарила ему такого сына... Да, дочери, Анастасия и Мариам, старшие сестры Теймураза, замечательные девочки. Мать воспитывала их в смиреннии и богобоязненности. «Воссозданные из плоти царственных корневищ...» — с горечью подумал Иесе и вспомнил Марткопи, шумную, пышную, торжественную свадьбу, сыграть которую его вынудили силой... Потом его скинули с трона, и он стал пленником Бакара... Когда его заточили в темницу, Эленэ была с ним. А дальше новое обращение в христианство, помилование, выпрошенное для него братом, мечты о наследнике — Эленэ была на сносях. И вот 17 октября 1720 года в три часа пополудни у него родился сын. Эленэ спасли чудом...

— Здоров царевич, дорогая? Ничего его не беспокоит?

В романе Александра Каландадзе охвачен широкий пласт исторических событий, во многом имевших переломный характер. Конечно, и в предыдущие столетия Грузию терзали феодально-княжеские распри изнутри, чужеземные завоеватели извне. Грузинский народ, его лучшие люди всегда находили достаточно нравственных, духовных сил, чтобы противодействовать страшному распаду, разрухе. Но на протяжении XVIII века эти черты, эти явления, длившиеся столетиями, обрели какую-то особую выпуклость и концентрированность. Стала совершенно очевидной абсурдность дальнейших княжеских междоусобиц, явившихся причиной незащищенности Грузии перед лицом коварных и сильных врагов — персов с юго-востока, турок — с юго-запада.

И резче прорисовались те силы, которые стали залогом национального возрождения и единства.

Будем точны — народ можно истребить, но не победить. И грузинские крестьяне, ремесленники таили в себе огромный запас энергии, которую, однако, надо было организовать, пустить в ход, вывести наружу. До времени все это оставалось втуне. Но приходил час, скажем, час Аспиндзы, и враги узнавали могущество народных масс.

— Нет, государь, он был слаб после свинки, нынче ему полегчало.

— Когда приобщите его к изучению турецкого языка? Каждое слово мужа заставляло Эленэ вздрагивать, с ее уже готова была сорваться колкость, но она сдержала негодование и отвечала царю почтительно.

Дочь отца-магометанина, воспитанную, однако, в страхе перед всевышним, в благом служении Христу, обвенчали, когда ей было всего-то двенадцать лет. Девочку приводили в ужас похождения мужа, она пыталась усостыдить, урезонить его, но он и слышать ничего не желал. Бесконечные попойки, гуляющие девки, мелкие интрижки... Она переживала, терзалась. И все-таки мужа она считала человеком глубоко несчастным, винила во всем несчастливую его звезду и обходилась с ним с ледяной сдержанностью. Нелегко было совсем молодой женщине смириться с такой тяжелой долей; с отчаянием ощущала она, как в сердце ее зарождается злоба, даже ненависть, и старалась найти облегчение в горячих молитвах.

В те немногие отрадные дни, когда наказанный братом, вторично обращенный в христианскую веру Иесе находился в кругу семьи, когда ласково и нежно звал ее «Бегуни», царица видела, что не так уж бессердечен Иесе, не так уж нетерпим и совсем не такой уж плохой он человек, каким его считали. Однако после вторжения османов, после нового омусульманивания, царь пустился во все тяжкие, разгулу и сомнительным похождениям не было конца, и Эленэ все больше убеждалась, — не стоит искать того, что обрести невозможно. Жизнь в сем суетном мире преходяща, и незачем понапрасну строить иллюзии. Обуреваемая сомнениями, охваченная горем, печалью

Однако, помимо народа, немалую роль играли и отдельные яркие личности—государственные деятели гуманистического порядка, те, кого сегодня мы называем интеллигентами, хотя бы в царских или княжеских одеждах. Такими «интеллигентами XVIII века» условно можно назвать двух выдающихся деятелей — царя Ираклия и католикоса Антония. Их связывают узы родства (они — кузены) и в большей степени — узы дружбы и единомыслия. Один из них на царском троне, другой — на церковном посвятили всю свою жизнь служению отчизне.

Ираклий и Антоний не единственные крупно выписанные в романе характеры. Колоритен образ придворного Чонопортэ, посвятившего себя делу национального единства.

Очень интересен князь Гиви Амилахвари — человек отчаянной храбрости, ненавидящий врагов Грузии, но насквозь пропитанный феодальными предрассудками и страстями.

Многофигурность оправдывает немалые объемы романа. По его страницам проходят люди самого разного толка — тут и царица из дома Багратиони, мечтающие о престоле, и простые люди.

Словом, перед нами роман исторический и вместе с тем психологический, в котором эпоха раскрыта через человеческие судьбы.

И. ГРИНБЕРГ.

И сознанием полнейшей безысходности, женщина заботилась лишь об одном — оградить, спасти детей от пагубного влияния сбившегося с пути истинного Иесе, воспитать их во христианстве. Терпеливая, набожная, преисполненная благочестия, нежная, добрая и справедливая, она умела незаметно подчинить их своей воле.

Горькая доля ее, горькое ее одиночество усугублялись бесконечными политическими интригами, неверием, жестокостью, в которых погрязли царский двор милой ее сердцу Картли и картлийские Багратиони. Несчастливая никак не могла решить, чью же сторону ей надлежит держать в этих недостойных препирательствах и непрекращающейся междуусобице — сторону братьев и матери или мужа и деверей, нещадно расправлявшихся друг с другом.

Разногласия становились нестерпимыми, мукам не было конца, доводы, приводимые каждой из сторон, постепенно переставали ее трогать. Шло время, и картины одна-другой ужаснее представляли перед ее встревоженным взором: брат Константин сравнивал Тбилиси с землей; желая побольше досадить друг другу, обе враждующие стороны подстрекали на разорение и опустошение церквей и монастырей то кызылбашей, то турок, то лезгин... Вот и сейчас, будто наяву, видит она — гонят грузин на площадь, ведут толпами — примите, люди православные, веру чужую, но непокорны грузины под острием нависшего над ними меча.

Она сознавала всю тяжесть горя народного, но что могла поделаться бедняжка, призывая своими мольбами в свидетели бога всемогущего? «Видно, ниспосланы нам муки наши самой судьбой», — думала она, пытаясь отбросить одолевавшие ее мрачные мысли, и закрывала глаза, и затыкала уши, лишь бы не видеть, не слышать ничего...

Единственное утешение — воспоминание о годах девичества, которые прошли в Телави, а единственная надежда — вот этот малыш, сын. Она заклинала всевышнего не обойти мальчика своим покровительством, великой благостью своей.

Поскрипывала створка растворенного окна. На комод старинной работы — покрытая ризой икона Святой троицы в золотом окладе. На стене, у комода — ослепительный добродетелью прекрасный лик святой Нино — в левой руке ее крест из лозы, в правой — развернутый пергаментный свиток, голова и стан окутаны длинным покрывалом.

Теймураз стоял перед отцом, и в осанке его проглядывала поистине царская величавость. На нем было парчовое платье до колен с высоким воротником и узкими, без разреза, рукавами.

Обаяние царевича могло покорить любого, даже самого равнодушного человека.

«Еще один наследник, еще один претендент на царский престол, — в страхе подумалось Иесе. — Кто знает, какие невзгоды пошлет ему судьба, сколько битв выпадет на долю его клинка...»

Он обнаружил вдруг, что у него не хватает смелости еще раз приласкать сына, и удивился, что не может вымолвить

ни слова — уста непослушны ему. Иесе смотрел на мальчи-
ка молча и едва заметно улыбался, на какой-то миг отрешив-
шись от всех земных забот.

Царевич насупил брови, нахмурился под этим непривычно
ласковым отцовским взглядом.

Царь заметил, что Эленэ хочет спросить его о чем-то, и
почтительно ждал.

Эленэ колебалась, потом заговорила:

— Девочкам тюркский язык вряд ли понадобится, царе-
вич пока мал, вот выучит его воспитатель грузинской грамо-
те, и определим в Давид-Гареджи? — она выжидательно смотре-
ла на царя.

— Как пожелаешь, царица! — мягко сказал царь. — Те-
бе виднее, но ведь мы не монаха, не святого отца — государя
Картли растим!

— Да падут на нас твои беды, царь, царевич ни в чем не
знает отказа!

Иесе понравился ответ царицы.

«Помилуй меня боже! Как изменчив ход времени, как пре-
ходяща круговерть воды и суши и неверен перезвон царских
колоколов. Куда подевались стать и величие его, где сила бы-
лая, отблески озарения? Миновала пора его цветения, увядает
он, скипетр ныне в руках другого, другому подвластны вой-
ска.. Помилуй же меня, великий Иисус!».

Внезапно разглядела Эленэ, какая разительная перемена
произошла в Иесе. Она с удивлением замечает в нем растерян-
ность. В глазах затаилась глубокая печаль, лицо осунулось,
морщины избороздили его прежде времени; и головой поник
царь, будто сник под бременем одолевавшего сна.

Что бы значило все это? Почему она раньше не замечала?
Когда же исчезли с его высокомерного чела следы порока и
распутства, откуда этот странный налет обреченности? Но раз-
ве дано кому-либо знать, какие невзгоды посещают сердце муж-
чины, а тем более мужчины-государя? Эленэ была необычно-
венно чутка. Со страхом всматривалась она в мужа...

И вдруг поняла она, что ничего уже не осталось от этого
человека — он не обладает ни властью, ни богатством, ни си-
лой царственной, казна опустошена османами, да и сам Иесе
слишком уж щедр был, направо и налево без разбора разда-
вал дарственные грамоты; бесчисленные дары, преподносимые
всем и каждому, не меньше, чем кровопролитные войны, гу-
бительны для царства; пусты, мрачны и безжизненны цар-
ские палаты, на всем лежит печать заброшенности; сердце ца-
ря источила ржавчина. Да и долго ли еще может он носить
гордо свою голову под этим, полным ненависти, взглядом на-
рода?

Сердце царицы пронзила боль, с укором обратилась она
к собственной совести — чего желать, что требовать от обре-
ченного, родившегося под несчастливой звездой? А задавалась
ли она, Эленэ, вопросом, что стало причиной его прегрешений?
Царице захотелось успокоить, ободрить царя, утешить добрым
словом. Но она молчала, и в этой молчаливой печали прояви-
лась вся ее человечность. Ей хотелось воскликнуть с мольбой:

«Довольно, бога ради, побереги себя! Детям нужна опора, зата! Что станется с царевичем, если у него не будет отца?»

От волнения кружилась голова. Одному богу известно, как не хочет она, как боится, чтобы дети ее не остались перед призорными сиротами. Казалось, царица молится. Перед ней возникло видение... Могучее, мускулистое тело... и крест... Тело, распятое на кресте, все в терниях... Сильные жилистые руки, пронзенные гвоздями, ноги, перехваченные веревкой... Измученное, прошедшее сквозь бои тело испытанного воина. Стрелы — сквозь колени, сквозь сердце, сквозь живот... И кровь... Потоки крови...

Тишину нарушало лишь прерывистое дыхание царя. «Бог велик, он не допустит, он не осудит строго! Что ж, судьба этого человека столь же горька и превратна, как и судьба его родины; все же он заботливый супруг и отец! Узы брака священны...» Ей вспомнилось, как часто говаривал он: «Оставьте меня, молчите, в сердце моем поселилась злоба».

Поняла Эленэ, как необходимы царю тепло, участие; надо сгладить свою напускную холодность, надо что-то сказать... Но как собраться с мыслями?!

Когда через несколько минут по ее приказанию царю поднесли чашку ароматного кофе, Эленэ едва слышно, с неподобающей царице мольбой в голосе молвила:

— Наш царственный брат Теймураз с семьей изволит пребывать в Мтиулети. Не посетит ли нам его там?

Царь, усмехнувшись, с легким вздохом сказал:

— Невозможно. Османы сочтут этот визит бегством и предадут все огню и мечу.

Мать крепче прижала сына к груди, подняла на мужа светящиеся добротой глаза.

— Что будет с нами, если ты... если с тобой... — Она не знала, произнесла ли эти слова вслух или они так и замерли на ее губах невысказанными. — Тогда в Мухрани поедем, — голос ее зазвучал отчетливее. Эленэ хотела было добавить еще: «Отрекись, откажись от трона». Но смелость иссякла, голос сорвался, она умолкла.

На лицо царя легла тень, он ничего не ответил, так и не сказал, что не позволяет ему такого, он должен безотлучно находиться здесь, у них на глазах.

Для царицы не было секретом, что фактически Иесе пленник Исак-паши, а отнюдь не повелитель Картли. Но каждый шаг Иесе, каждое его решение говорило ей, как трудно ему, как тяжело, не мог он смириться с отстранением от государственных дел, с ущемлением власти, с наглым обхождением, с опустошением, которому подвергалась страна... Она тревожно и пристально всматривалась в него, не зная, как выразить свое сочувствие мужчине, который никогда не был ей верен, никогда не любил по-настоящему.

Мальчик высвободился из объятий матери, приблизился к отцу. И когда Иесе, этот сильный, смелый гигант, дрогнувшей рукой коснулся его белокурой, курчавой, как у ягненка, головки, ребенок не шелохнулся.

Короткий, сумрачный день был на исходе. Сквозь тишину дворцового сада доносилось мерное журчанье струй фонтана. Кругом разливался густой аромат цветов.

Иесе несколько раз поцеловал мальчика в лоб, и, когда с заметным персидским акцентом произнес: «Да продлятся дни вашей жизни», Эленэ ощутила, с какой надеждой и мольбой царь вручает ей сына.

Нетвердым шагом направился Иесе к выходу, на какой-то миг Эленэ даже показалось, что он волочит ногу. Она чуть было не окликнула его, береги, мол, себя, но поняла, что он уже не услышит ее.

Ни такой встречи не ожидала царица, ни такого расставания. Выйдя в дарбази, Эленэ разрыдалась, однако, тут же вспомнив о всевышнем, могущественном и справедливом, она почувствовала, как на нее спускается спокойствие. Вечером царица посетила монастырь Святого духа и ночь напролет в свете медовых свечей возносила господу молитву.

В один из дождливых ноябрьских вечеров перед Эленэ предстал потрясенный сахлтухуцеси:

— Нет больше у нас государя, царица! — ударил он себя по голове и рухнул на колени.

— Что слышу я! Горе мне, несчастной!

— Изволят говорить, что ночь государь провел спокойно, а нынче утром отдал господу душу!..

Будто оборвалось сердце Эленэ; и угас взор.

На город опустилась кладбищенская тишина. На дворцовой ограде, словно окаменев, застыли стражники, к воротам стягивались турецкие отряды.

Царица безмолвно прижала к груди словно одеревеневшего сына; «Ты, лишившийся родителя своего, отныне несчастнее любого крестьянского мальчишки. Жизнь того, по крайней мере, не находится под угрозой!».

Не выпуская из объятий ребенка, она, не теряя твердости и самообладания, направилась в молельню.

Оставшись одна, царица — дочь царя, сестра царей, а ныне — царская вдова — горько зарыдала. Перед глазами вставали последние встречи с мужем, с каждым разом все более теплые... Она видит его лицо — искаженное, истерзанное, лицо неудачника. В расширенных зрачках — мольба. Тягостная забота легла на его сердце... Он шепчет что-то, будто исповедуется, будто просит не судить строго, не казнить худым словом...

«Жалкий мы народ!» — сказал он однажды, подавшись слабости и печали. И потом не показывался целый месяц. А вчера пришел. Царица встретила его приветливо. Царь взглянул в мужественное лицо маленького Теймураза и засветился радостью, преисполненный благодарности к Эленэ. Она растерялась тогда. Иесе посещал их нечасто, но мать считала своим долгом внушать Теймуразу любовь и почтение к отцу.

1 Сахлтухуцеси — главное должностное лицо из знатной княжеской семьи при дворе грузинского царя.

Иесе непослушной рукой ласкал царевича, в нем единственной его отрада и утешение. Эленэ улыбнулась мужу — пожалуй, то была первая такая улыбка в ее супружеской жизни, улыбкой своей в ту памятную для обоих минуту она давала царю супругу и государю, что сохранит царский престол для их сына.

Иесе рассказал о неприятном инциденте с пашой.

— Что же, первый шаг в жизнь — первый шаг к смерти, — слетело с его побледневших губ, — никому не миновать смертного часа, рано или поздно все предстанут перед лицом господ-бога, и день превратится в ночь. Я счастлив, что оставляю след на земле. — И он долгим взглядом посмотрел на Теймураза. Сердце царицы затрепетало и замерло в предвестии беды.

— К чему такие речи, государь?

Скептическая усмешка Иесе подсказала Эленэ, что дела государства плохи.

— Ты удостоила меня слезой своей, благодарю... — едва слышно произнес он. — Скорбь отравляет душу мою, разливается по жилам, проникает в плоть.

— Что завещаете детям своим, если случится с вами какая беда? На кого оставляете их?

Арчил, Александр, Теймураз, Анастасия, Мариам... Теперь — Эленэ понимала это, — она одна им опора, пока не вступят они в пору зрелости.

Смирившись с мыслью о смертном своем часе, Иесе оставлял всех детей на ее попечение.

Не простившись, Иесе поспешил покинуть дворец. В дверях он помедлил на мгновение, еще раз бросил взгляд на Эленэ и стал тяжело спускаться по лестнице. Он шел и будто облегчал душу от непосильной ноши. Царица лишь тут с отчаянием ощутила весь ужас происшедшего. Она теряла его, теряла, едва успев обрести. Она терзалась сожалением — царь готовился покинуть этот бранный мир совсем другим человеком, а она лишь сейчас распознала его сердце...

Смерть никогда не страшила Иесе, он только злился, что не сумеет осуществить ничего из задуманного. Оставались незавершенными неотложные дела, планы — многое еще оставалось. И еще оставлял он после себя имя — имя не того человека, каким был он на самом деле. Для чего же тогда дана была ему жизнь, для чего было дано царство?..

Царица все еще улыбалась грустной, прощальной улыбкой, в которой оживали забытые, испепеленные временем мечты. «Для чего, ну для чего же рождаются люди?.. Молю вас во имя господ-бога, во имя всего святого — молитесь за мое благоденствие», — стоном вырвалось из ее измученной груди...

Женщина причитала, оплакивая несчастья страны своей, горести мужа, детей, родных, оплакивая всю суетность и непрочность этого мира...

Царица еще не успела прийти в себя, а придворные уже облачали ее в белые свадебные покровы. Со дня венчания,

когда она, совсем еще дитя, стояла с Иесе у алтаря, в этот убор ее наряжали впервые.

Ко дворцу стекался народ. В назойливом шорохе дождя скакали взад-вперед турки. Мрак сгустился, становился непроницаемым. К пребывавшей в скорби царице никто не решился войти, чтобы не обеспокоить ее выражением соболезнования.

Обстоятельства смерти царя обсуждались в городе и там и тут, но никто не мог сказать ничего определенного.

Если верить туркам, на Рике, там, где высится синяя скала, сраженный кровоизлиянием, упал с коня Иесе.

Другие говорили, что оргии подточили его здоровье. Почувствовал он дурноту. Призвали лекарей, но не помогли ни лекари, ни снадобья — было уже слишком поздно.

Втайне же никто из грузин не сомневался, что это турки подослали к царю убийцу и после трапезы за одним столом с Исак-пашой обратили для него день в ночь. Некоторые же утверждали — своими глазами видели, что валялся царь на Петхаине, окровавленный — даже одежды на нем не оставили, бросили, проклятые, хотя бы прикрыли чем-нибудь...

Еще кто-то рассказывал, как гнались за царем люди с кинжалами; раненный, рухнул он на землю, но, собрав последние силы, приподнялся, и тогда прикончили его выстрелом... А одна из служанок услышала в ночи душераздирающий крик.

Это страшное событие заставляло призадуматься — еще бы, средь бела дня исчез из своего стольного города царь, и никто не знал, небо, земля ли его поглотили...

И опять-таки — отатарившегося царя предали те же татары, и незачем христианам беспокоиться по этому поводу. Грузины не считали его своим — подох, ну и ладно, может, стране полегчает, — злобно шептались по углам. — этому нечестивцу, сыну порока и греха, тесно было в собственной шкуре, так поделом ему, изменившему стране и собратьям...

На кабахи, в саду, разбитом царем Иесе, меж двух чинар предали земле закутанное в белое полотно тело мусульманина. Голову и ноги стягивала холстина. Предали земле без домовины, опустили глубоко, на четыре фута — головой к востоку, лицом — к югу и сверху тоже прикрыли полотном. На каменном столбе вместо имени написали: «Лайлела иллале Махмед Эрра Сулулла, Али сун уэли юлар». — «Нет бога кроме аллаха, и Мохаммед пророк его, и Али — его наместник на земле».

Царица страдала, что над царем Картли, над супругом ее не пролилось ни одной слезы, никто не оплакивал его, никто не причитал... Швырнули в землю, словно некрещенного младенца. Такая бесславная кончина не предвещала ничего хорошего и сыну-престолонаследнику преставившегося царя, и потому она утверждала, что незадолго до смерти успел приобщиться святых тайн государь. Когда наступила полночь, позвали некоего священника и свершил он над царем священный обряд, — сам пожелал того государь, ибо был он жертвой судьбы несправедливой, а мы оплачем его по христианскому обычаю.

Католикос Бесарион, пожаловав во дворец, тоже выразил соболезнование царице, как требовала того христианская вера.

В Картли и Кахети, в Имерети, Одиши и Гурию — по всей Грузии мчались вестники, разнося весть о смерти царя Иесе. В это смутное и опасное время вряд ли кто-либо из знати осмелится прибыть в Тбилиси, но умолчать об этом печальном событии было нельзя.

Во дворце стояли растворенными врата царской церкви, ее украсили торжественно и траурно, разостлали одежды покойного, разложили знаки царственного его звания, слева меч из чистого золота, на самом почетном месте — святой крест, перед ним запалили освященную свечу, пали перед крестом ниц, и началось отпевание. Обряд был совершен по канонам христианской религии. Отслужили по усопшему панихиду. В день погребения дворцовый двор заполнила светская и духовная знать — в Тбилиси прибыли самые верные и самые смелые. Изволили пожаловать шурин умершего царя — царь Кахети Теймураз с царицей кахетинской, и племянница Иесе — Тамар, дочь царя Вахтанга.

В покоях, где находились вдовья царица и царская родня, собрались знатные дамы.

На царице сверкал белизной свадебный наряд, дочери царя — Анастасия и Мариам были одеты в белые траурные платья. Царевичи — Александр, Арчил и Теймураз — в одеяниях из белого холста.

Государственные чиновники, подходя к Элене, выражали свое соболезнование и выходили в малый дарбази — там находились царевичи — и рассаживались согласно своему званию и чинам.

У тахты, на которой были разложены знаки царского величия, сидели жены знатных вельмож.

Началось богослужение. Воздух был пропитан ароматом ладана. Церковные песнопения тревожили, навевали тоску. Близкие в тихих рыданиях причитали по покойному. Рассекая плач и причитанья, звучали слова заупокойной молитвы: «Со святыми упокой, Христе, душу раба твоего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная. Аминь».

...Царица царапала лицо. Распустив волосы, заходила в рыданиях. Били себя по головам собравшиеся люди. Плакали в голос. Плач сокрушал дворцовые стены.

Когда спустились сумерки, взяли на привязь коней усопшего царя, — передняя лука обращена назад. На третьи сутки царица скинула свадебный покров, покрыла голову черным лечаки.

И на пятнадцатый день оплакивали усопшего, царапая лица и причитая. Снова разостлали царские одежды, и не смолкал уже траурный плач до самого сорокового дня. На сороковинах скорбящие о царе, распростершись ниц, выплакивали горе в неутешном вопле.

Не прошло и двух месяцев, как погребли царя, и царицей овладела новая тревога — Иесе был столь щедр, так бездумно расточал сокровища царской казны, что оказалось — на долю вдов и ее осиротевших детей не осталось почти ничего. Со-

ветники и царедворцы сокрушенно и беспомощно покачивали головой — нового царя пока не предвиделось, царский двор пустел... «Горе тебе, царица, рано почил государь наш», — говорили они и расходились, каждый своей дорогой.

В страхе сказать без гроша, царица впадала в отчаяние, она старалась и не могла собраться с мыслями и с ужасом сознавала, что вступить в схватку с судьбой уже не хватает сил. Да и где быть силам, когда находилась она в лапах нечестивцев, в логове разбойничьем?! Тоскливо и безнадежно старалась она заглянуть в будущее.

Ночи ее проходили без сна, страданье язвой разъедало сердце. Укрыться в Кахети, у брата? Не имеет смысла — ему самому ничуть не легче. Бежать в Россию, к родственникам? Почти неосуществимо.

И вот в то самое время, когда она так нуждалась в одобрении и сочувствии, ее посетил сам Исак-паша, властелин страны. Водянистым взглядом рассматривал он облаченную в траур царицу, даже не делая усилий скрыть свое торжество — карглийское царство наконец-то приближается к краху, дворец обезлюдел, трон... трон упразднен.

Он милостиво беседовал с царственной вдовой, степенно утешал:

— Царствие небесное великому государю нашему, покинувшему сей мир и пребывающему ныне в царстве теней...

Эленэ с достоинством выслушала трехбунчукного пашу:

— Поистине велик отец небесный, владыка и покровитель наш.

— В чем нуждаешься, царица? — без обиняков, насколько мог мягко спросил Исак-паша.

Эленэ чуть было не сказала, в каком безвыходном положении оказалась, как тяжело ей без Иесе, как чувствуется во всем отсутствие его царской руки, но уважение к памяти супруга, голос уязвленного самолюбия остановили ее. Она промолчала.

Паша обиделся, однако все-таки ждал, что царица попросит его хоть о чем-нибудь, даже попытался продолжить беседу, но так и не дождавшись в ответ ни слова, почувствовав, что вот-вот вспылит, извинившись, распрощался с ней.

А вскоре вдове Иесе и его наследнику турецкий властелин пожаловал в собственность царские дворцы в Тбилиси и все примыкающие к ним поместья, определил также довольно высокую пенсию из городских доходов — щедрость, проявленная за отказ от царского трона!

Исак-паша сам поздравил царицу и царевича со столь милостивым решением султана, его поразили необычайное величие и разум восьмилетнего царевича: «В жилах мальчика пульсирует кровь истинных Багратионов, кровь мятежная и гордая!»...

Маленький царевич и впрямь выделялся среди сверстников величественной осанкой, его отличали любознательность и ум — гибкий и острый, не по летам раннее самолюбие. Он охотно играл с такими же, как он, мальчишками, но в то же

время проявлял большие успехи в учении и особенно увлекался рисованием и чертежной наукой.

Ни пожалованные султаном богатства, ни непрекращающиеся заботы о будущем сына не могли уже избавить Элену от смертельного недуга. Пережитые потрясения, душевные раны сделали свое. «Иначе и не бывает, — думала Эленэ, — за радостью след в след всегда ступают беды и тяготы земные. Всему, видно, свое время, и упокоение суждено мне обрести лишь в служении богу».

После смерти Иесе она в рот не брала скоромного, молилась дни и ночи. Спокойствия и тишины жаждала она.

В один из дней она созвала секретарей, раздала часть своих богатств вдовам и сиротам и, как мать ее и сестра, приняла постриг. Дворец превратился в монастырь, жизнь Эленэ проходила в постах и непрерывных молитвах, и связывала ее с земным миром и вливала в нее жизненные силы лишь клятва, данная царю — трон Картли будет принадлежать их сыну. Чего бы ей это ни стоило, она, Эленэ, даст стране достойного наследника. С поистине мужской доблестью и энергией приняла на себя царица непосильную заботу об его воспитании. Не выполнить свою клятву она и думать не могла, это значило бы совершить страшный грех, предать сына-царевича. И, склонившись в молитве, она повторяла и повторяла священную клятву, в тесной келье, удалившись от мирской суеты, раздумывала о том, как следует ей поступить, чтобы ничто не прошло мимо нее незамеченным. Ненавязчивыми наставлениями и советами готовила она сына для царского трона.

Будущий царь должен быть не только храбр — он должен быть образован, умен и прозорлив. Он должен быть велик. И царица решила все свои богатства употребить на приобщение царевича к наукам. Изучение духовного письма было для представителей царского рода обязательным, но также обязательны для них были и науки светские. Персидским и турецким царь должен владеть как родным, грузинским, царю пригодится и греческий.

Мать учла все. Домашние учителя и воспитатели докладывали ей о все возрастающих успехах сына, и это приближало страстно лелеянные мечты к осуществлению. Когда ей доложили, что к точным наукам, особенно к математике, у Теймураза выявились незаурядные способности, она поручила сахлтухуцеси выписать из-за границы самых прославленных ученых мужей.

Эленэ проявила вдруг необыкновенную политическую гибкость: сотней пар глаз и ушей разузнавала она, оценивала, соразмеряла. Прислушивалась к каждой мелочи, которая могла способствовать, или, наоборот, помешать восшествию на престол Теймураза. Она знала, что знатность рода и блестящее образование еще недостаточны для счастья сына. Чтоб преодолеть страшнейшие препятствия, которые станут потом лишь достойным историей, необходимы непоколебимый характер и беззаветное мужество. Народ грузинский на краю гибели, и лишь собравшись в кулак, мобилизовав все силы, можно предотвратить надвигающуюся катастрофу. Сегодня так, а

завтра... кто знает, что принесет это завтра?! Не только какой-нибудь один народ — все человечество находится в ожидании перемен.

Мать была уверена, что у сына нет соперников — законных наследников по линии царского рода. Вахтанг в России и, видимо, уже не вернется обратно; братья — дети Мариам — считались незаконнорожденными. И Теймураз — «потомок двух царей» — оставался единственным полноправным наследником. Но однажды ей показали грамоту, составленную старшим сыном Иесе — Арчилом, рожденным от Мариам: «Мы — наследные Панкратовани, сын царя Иесе, Арчил, царевич Гиорги и матушка наша — царица Мариам...»

Эленэ похолодела, в глазах у нее потемнело: она вспомнила, как любил Теймураз своих незаконнорожденных братьев. Страшная угроза нависла над кровом монахини.

Мариам — незаконная жена царя, дети ее — мусульмане; Теймураз же — племянник Вахтанга, прославленного царя Картли, а также племянник и другого прославленного царя, сидящего на троне Кахети — Теймураза. Но ведь и ее сыну могут бросить упрек — дескать, зачат мусульманином.

На тонкое увядающее лицо легло выражение суровости, с удвоенным рвением предалась она заботам о воспитании и образовании царевича.

Теймуразу исполнилось одиннадцать. Знания, заложенные стараниями домашних учителей, уже не удовлетворяли его. И вот Эленэ, пожертвовав десятую часть своего имущества монастырю св. Додо, выделив средства на обновление женских и мужских монастырей Давида-Гареджи, вместе с сыном переселилась туда. Давид-Гареджи считался высшим учебным заведением.

Настоятель Онофрэ Мачутадзе приставил к царевичу лучших воспитателей: старца Спиридона, князей Нодара Херхеулидзе, Иосеба Палавандишвили; перса, принявшего христианство, Мирзу-Али.

Спиридон преподавал богословие, Херхеулидзе и Палавандишвили — науки светские, риторику и литературу, Мирза-Али — персидский, памфилийский епископ Парфен — греческий, армянский и русский. Но самым великим из учителей было для царевича богатейшее книгохранилище — источник, к которому он прильнул, словно одолеваемый жаждой пустыник.

Встревоженные, усталые брели по тропинке Шио Сидомонидзе, сионский митрополит Доментий Орбелиани, дьяк Крестового монастыря Неофитэ.

Вышли они из Тбилиси тайно и поспешно и до восхода солнца миновали Авчала. Во Мцхета, напротив монастыря, над Курой перекинулся мост, но, опасаясь привлечь внимание стражников Исак-паши, они обогнули его и продолжали путь через кустарник. Они достигли селения Гоми и, не заходя в него, свернули в сторону. Только во Мцхета путники позволили себе передохнуть в доме азнаура патриархии, который и перевел их на другой берег.

С гребня полуразвалившейся скалы они залюбовались величественной и грозной цепью гор, фантастическими пирамидами, высящимися на горизонте. Вдали, из-за склонов, сторожко выглядывали макушки заснеженных вершин. В широкостроченных тропинками, прятались старинные крепостные башни, церкви и монастыри, сады, виноградники и тутовники, благодатные нивы, притулившись на холмах домики. Путники с облегчением вздохнули — что ж, хоть здесь есть еще многолюдные деревни, обработана земля!

Еще дальше расположились Самтависи и Чала — надежный оплот этого края.

Под чистым и ясным небом Внутренней Картли стлался дурмящий аромат — его источала пришедшая сюда пора созревания. На крышах домов, сложенных из плитняка и кирпича, скрепленных смесью извести и глины, играло солнце. Безмолвные, залитое лазурью небо, многоцветье бескрайних просторов.

В задумчивости и печали приближались они к залитому солнцем дому, построенному из гранита, стоящему в окаймлении исполинских ореховых деревьев и похожих на сказочных дэвов чинар.

Почетные гости спешили к Гиви Амилахвари по делу, не терпящему отлагательства.

Святейшему из храмов Грузии, кафедральному Сионскому собору, который был восстановлен Вахтангом VI — царь обновил его убранство, окутал колонны тяжелой тканью, сменил верхние опоры. чьи купольная основа и стены желтого болнисского мрамора подвергались беспощадному разрушению, — грозила теперь новая беда. Стремясь ускорить гибель грузин, турки оказывали содействие горским мусульманам-фанатикам, тайно содержали в лесах банды, которым вменялось в обязанность осквернить священные алтари. Порта измышляла все новые и новые способы гонений и изымательства и наконец обвлекла настолько, что султан Ахмед III прислал Исак-паше фицман, предписывающий превратить Сионский собор в турецкую мечеть. Произойти это должно было на фоминной неделе.

Кошунственный замысел султана вызвал всеобщее смятение. В Картли нет царя, нет войска, тщетны мольбы и просьбы. Что оставалось делать? Метался в бессильном отчаянии митрополит Доментий и наконец решил просить заступничества и покровительства у Гиви Амилахвари.

Предводитель передовых войск Гиви Амилахвари принадлежал к числу ближайших соратников Вахтанга VI и всегда приходил на помощь царю. Его войско сражалось на Зедавеле, однако после поражения в Россию за царем Амилахвари не последовал. «Родина — благодатный дар богоматери, и я предпочитаю принять на грузинской земле смерть, чем далеко на чужбине обрести спокойствие и спасение», — решил он и укрылся за крепостными стенами. Не лишал он своей поддержки и царя Иесе, находясь неблизко, все-таки принимал участие во всех делах государства картлийского. В Тбилиси, на

берегу Куры, близ Анчисхати стоял его великолепный дворец, но сам владетель давно уже не посещал его.

Гиви гордился своим происхождением и славными своими предками — мать его была дочерью Шахнаваза, сестрой царей — Георгия, Левана и Кайхосро. Когда Эрекле Назаралихан занял Картли, отец его и дядья, Гиви и Андукapar, отправились с Георгием XI в Персию, оттуда они уже не вернулись. Гиви и его меньшого брата Димитрия вырастила мать, пребывая в постоянном страхе, терпя постоянные лишения.

В отличие от князей, покорно подчинившихся неверным, променявших честь и достоинство на пожалованные турками халаты, Гиви Амилахвари не собирался так легко мириться с новыми порядками. Он смело отказывался от службы завоевателям, уклонялся от принятия клятвы верности и по-прежнему был полновластным властелином в своем княжестве.

Энергичный, сметливый и непокорный, в сложных ситуациях он благодаря тонкому чутью, убежденности и стойкости всегда умел направить ход дел в нужное русло и скоро стал самым влиятельным лицом в Картли. Сила воли уверенно вела его к намеченной цели. Соседи — князья, чьи мечи давно ржавели в ножнах, только диву давались, считали его чуть ли не кудесником и поглядывали на него с подозрением, изумляясь, каким чудом удается ему находить выход из казалось бы самых безвыходных положений.

Гиви Амилахвари мало заботило, кто и что о нем думает, он был поглощен укреплением своих владений, что требовало постоянной бдительности и продуманных действий. Он старался проникнуть в замыслы соседей, прочесть в их сердцах истинное отношение к себе, разгадать, кто представляет угрозу его интересам, никому из них, однако, не давая возможности предугадать его собственные намерения. Его зоркий глаз выхватывал из многочисленных соседей того, кто мог бы пригодиться ему в будущем и кому в затруднительный момент следовало бы оказать помощь.

Он был строг и горд, безжалостно расправлялся с грабителями и разбойниками, в любой обстановке хранил твердость духа, и никто и никогда не замечал в нем растерянности или минутного проявления слабости. Врага разил мечом: пощады не знал, но жестокостью не отличался.

Он был владетелем доброго десятка крепостей и неустанно их укреплял, каждый год ремонтировал, достраивал, обновлял. На данном этапе в этом видел он свою основную цель. Церковные купола по его приказу обнесли невысокими кирпичными заслонами с бойницами. Он весьма гордился, что его вотчина вне всякой опасности, ничего и никого не боялся и посмеивался над теми, кто в страхе засел в пышных спальнях, призывая на помощь дворцовую челядь при каждом скрипе дверных створок.

Особенно надежно была укреплена крепость Цхвило, что стояла на холмистом косогоре у деревни Чала. Именно эту крепость воспел в одной из песен народ.

Обширным и богатым было Саамилахваро. Где еще найдется такая земля, изобильные сады и виноградники? Несколь-

ко деревень, принадлежавших Амилахвари, были заселены купцами и искусными мастерами, что тоже давало немалый доход. При господстве османов товарооборот между Персией и Ираком не прекращался — караваны приходили и уходили, доставляя шелк, одеяния, фарфор, мечи и кинжалы, железо и скобяные изделия...

Хозяин, уже издали заметив гостей, тотчас же послал на встречу сахлтухуцеси.

Тридцатилетний Гиви Амилахвари статью и стройностью своей мог бросить вызов осанистым тополям, высившимся во дворе его княжеского дома. Волосы цвета пшеницы густо спадали на лоб, полные губы прятались за рыжеватыми усами, у левого уха — оставленный саблей глубокий шрам. Едва Доментий Орбелиани ступил за ограду, князь тут же узнал его. К Доментию он питал самое глубокое уважение, к тому же тот приходился ему родственником со стороны жены — ею была сестра Элисбара Орбелиани — Нино, она же Родам, дома ее называли «Бангуа».

Соблюдая обычай, хозяин вышел к гостям, благоговейно приложился к руке Доментия, поздравил с благополучно окончившимся путешествием и, склонившись в легком поклоне, проводил по лестнице в дом.

Амилахвари понимал, что настоятель Сионского собора пожаловал к нему не зря. Он провел гостей в тихий и спокойный задний дарбази, сам подвинул Доментию кресло. Эта небольшая и со вкусом обставленная комната сияла золотом и серебром.

Гости и хозяин обменялись вежливыми приветствиями, осведомились о здоровье близких, и настоятель Сиони заговорил о приведшем их сюда деле:

— Пришли мы к тебе, князь, чтобы рассказать, какая угроза нависла над нами, над храмом божьим Сиони, и просить заступничества твоего.

— Каждое ваше слово свято для меня, приказывайте, я готов выполнить любое ваше желание.

Доментий, позабыв об усталости, извлек из кармана пергаментный лист.

— Видя, что никто не препятствует им, никто не протестует против бесчинств, творимых ими, османы описали церкви и наложили подать: драхман на душу, два шаури на овцу. Десять лет назад Иесе, упокой его душу, госюди, пожаловал крепостным нашего храма вольную грамоту.

Настоятель умолк, устремив на Гиви пристальный взгляд глубоко посаженных глаз. Тот внимательно слушал, низко опустив голову.

— «...ни с вассалов ваших, ни с горожан и ни с кого другого из ваших подчиненных, и ни с пожертвованных вам деревень не будут взиматься никакие подати — ни царские, ни царицыны, ни «сатуруго», ни «мали», ни подати винные, ни жеребцами и ни маслом топленным, ни на содержание сокольныхчих и конюхов»...

Потом коротко рассказал, как ворвались в Сиони горцы, разрушили алтарь, разбили иконы, переломали кресты и

5940
11033

распятия. А самый свирепый замахнулся и рассек икону прекрасной и всесильной богородицы, но этого ему показалось мало, нечестивец выхватил кинжал и искромсал ее на куски. А потом... страшно вспомнить — икону топтали ногами, одни отплевывали на обломках дикий неистовый танец, другие, закутавшись в алтарный покров, метались, бегали взад-вперед, оглашая своды храма свистом и визгом. Кинжалами иссекли двери, осквернили ларец со святыми мощами, раскидали по земле, растоптали.

Совсем обнаглел паша, бесчинствует, не зная удержу... Не дай бог грузину выстроить себе дом покрасивее жилища татарского... Или ударить колоколу, или повстречать на пути с басурманом — попробуй не сойди с дороги... На звонницах снимали колокола, в самых непригодных местах повесили.

Все это Амилахвари было уже известно, но настоятель говорил так взволнованно и горячо, что Гиви несколько раз осенил себя крестным знаменем. Когда же Доментий зачитал фирман султана Ахмеда Третьего, гневу Амилахвари не было границ: «Священный Сион превратить в татарскую мечеть!..» Не подводит ли его слух?! Гиви резко вскинул голову.

— Две недели назад Исак-паша пригрозил мне страшной карой, если посмею раскрыть их гнусный замысел. На фаминой неделе собираются... Сионское духовенство заклинает тебя не допустить святотатства, спасти гордость народа грузинского. Избавь нас от позора неслыханного, нет у нас другого защитника — поработили турки соотечественников наших... Османы дали неверным волю неограниченную, повелели, чтобы камня на камне не осталось от земли нашей... В монастыре Додо прикончили монаха Габриэла — сто двадцать лет ему было — за то, что соблюдал он сорокадневный пост. Подвергли пыткам отшельника-монаха Геннадия, по фамилии Турашвили, старца ста сорока лет. Шестьдесят из них прожил он вдали от людей, не показывался никому кроме царей и епископов. В Верникском ущелье разорили Шавта, сожгли, уничтожили крепости, смели с лица земли. Вражеским гнездовьем стало ими же опустошенное Глдани.

Митрополит высказал опасение, что грузинское духовенство может покинуть родину и уйти в Россию. Епархии и без того опустели, церковная казна расхищена, многие из представителей знатного духовенства последовали за Вахтангом, а совсем недавно отправился в Россию и архиепископ Троицкого монастыря, а за ним Романоз Самтавели и Иона Мангтели.

— Чему тут удивляться, что видят они на родной стороне, что в силах удержать их? Попрана церковная святость. Скоро и причащать будет некому — ни одного священника не останется. Слышал я, в России грузинскому духовенству выделили из государственной казны пансион, получило оно право на пропитание и жилье, выдали сто пятьдесят рублей, продовольствия на пятерых, пожаловали дом и дрова, инокам — семьдесят пять рублей, игуменам — пятьдесят, священникам, монахам, главному дьяку — по двадцать пять. Кто же с нами останется? Все туда устремится, навсегда переселится.

Этот правдивый рассказ о судьбе его родины взволновал и возмутил Гиви Амилахвари. Взбунтовалась вольная кровь дедов и прадедов, усилием воли подавил он негодование и продолжал слушать с прежним вниманием, — ни один мускул не дрогнул на его лице, не шевельнулась бровь.

Ему и в голову не приходило спросить, почему к нему обращаются они за содействием и помощью, он и сам знал, что был силен и влиятелен, гордился славой и мужеством предков, мечтал о самоотверженном служении родине, он считал себя неотделимой частицей своего народа и был счастлив, что в тяжелую для страны минуту вспомнили именно о нем.

«Что может быть прекраснее служения всевышнему?! Само собой разумеется, не следует забывать, что я, основа рода нашего, не имею права допустить гибели княжества Амилахвари. Если турки до сих пор не трогали меня, то потому лишь, что обе стороны старательно избегали друг друга. Тут необходима предусмотрительность, кто знает, чем может завершиться борьба между султаном и шахом. Силы надо беречь для решающей схватки, — размышлял князь. — О сегодняшнем визите шпионы немедленно донесут Исак-паше: он ждет не дождется, только бы нашелся повод наслать на меня своих раскиров. Разгневанный невыполнением предписанного фирманом, он потребует у султана дополнительного войска, натравит на меня лезгин и соседей. Ведь даже цари не осмеливаются ему перечить, а тут какой-то князь смеет поднять голову?!»

Нахмурившись, Амилахвари окинул взором громады гор... Задумался в поисках выхода. Разум подсказывал — тут нужны тонкая дипломатия и осторожность; сердце и честолюбие звали в открытый бой.

От митрополита не ускользнуло, что князь колебался, понимал он, как нелегко Амилахвари вмешаться в это опасное и спорное дело, и терпеливо ждал.

— На тебя одного наша надежда, мы пожаловали к тебе по воле господ нашего, — убежденно произнес настоятель, зная, какое важное решение предстоит принять Гиви Амилахвари, зная однако и то, сколь неравнодушен князь к славе.

Амилахвари улыбнулся, вспомнил он, что Доментий и сам не раз разил врага мечом.

«Надо что-нибудь придумать». — Князь разгладил усы и почтительно обратился с расспросами к спутникам митрополита.

— Да благослови вас бог, князь! — степенно отвечал Шио Сидамонидзе. — Нужда посетила нас — едва сводим концы с концами.

Летописец рассказывал князю, как трудно ему живется, и тот слушал его так проникновенно, как не мог слушать человек надменный и неприступный.

Утомленных нелегкой дорогой и длительной беседой гостей Гиви пригласил отобедать. Он провел их в дарбази, убранный пушистыми коврами и затененный тяжелыми парчовыми драпировками. Сиявшая на полках золотом и серебром посуда, мозаичные стены, выложенный сланцевыми плитами пол, бархатные и шелковые пуховые подушки и прочие богатства княжеского дворца являлись подтверждением тому, что враг.

обходил стороной княжеские владения, до поры поглядывая на лакомый кусок и глотая слюнки.

...В зал вошла Родам. Ей было за тридцать. Но она все еще была очень хороша собой. Княгиня отличалась той необычной красотой, которая придавала всему ее облику неизъяснимую прелесть, женственность и величие. Муж боготворил ее. Утонченный ум, изящество и обаяние обезоруживали каждого, кто видел ее хотя бы однажды.

Родам светилась радостью. Она подошла к митрополиту, поцеловала его, приветливо поздоровалась с остальными и скромно опустила в кресло. Покоем веяло от прекрасного лица, которого уже коснулись первые признаки увядания. На ней было фиолетовое, туго стянутое в талии платье. В маленьких ушах сверкали рубином и жемчугом, бирюзой и яхонтом тяжелые серьги. Пышные каштановые волосы украшала диадема с драгоценными камнями в искусном переплетении золотых нитей.

Бесконечные набеги, несчастья, выпавшие на долю ее родины, не могли поколебать ее безмятежного и безоблачного счастья, она целиком была поглощена заботами о муже, без усталости хлопотала над своими малютками. Младшая — хрупкая Анино — примостилась около матери, огромные глаза девочки лучились синевой; родители, многочисленные обитатели княжеского дворца души в ней не чаяли, ее лелеяли, холили, баловали, как только могли. Анино улыбалась гостям, и лукавая улыбка освещала ее не по годам серьезное и осмысленное личико. Несмотря на то, что княжна была еще очень мала, ее понемногу начали приучать к владению иглой, шитью и рукоделию, учили читать и писать.

— Пришелся тебе по вкусу тот отрез, моя повелительница? — с искорками смеха в глазах спросил дочку Гиви — в детской Анино только что примеряли новое платье, — но тут же, помрачнев, обратился к Родам: — Недобрые вести привезли нам...

Доментий в двух словах поведал Родам о причине их прибытия. Услышав, что собирается сотворить султан со священным храмом, княгиня упала на колени перед ликом Спасителя и, не в силах сдерживать слезы, разрыдалась:

— Горе нам!

Впервые видел Гиви свою такую выдержанную, такую сильную духом Родам в горе и смятенье. Сжалось пронзенное болью сердце, перехватило дыхание: дольше медлить нельзя, настало время действовать, но сомнения продолжали одолевать Амилахари. «Страх хуже самой лютой смерти, однако... может быть... все-таки разумнее переждать, пройдет лето, а там... ведь мне предстоит бросить вызов всей вражеской клике... С глазу на глаз с жесточайшим врагом! Одинокий человек и за трапезой жалок...» Но тут мысли его приняли иное направление: «Там, за оградой Сиони, покоится прах моих предков! Страна моя в опасности. А мне доверяют, мне хотят повиноваться. Когда как не теперь могу я доказать свое превосходство? Враги мои не дремлют, выжидают, как бы убраться меня

со своего пути... Но нет, нет... я не один — само провидение покровительствует мне!».

На какое-то мгновение мысли его смешались. Доментий благоговейно взирал на Амилахвари, знал — неторопливый князь в решениях, немногословен.

«Ни врагу, ни ближним не видеть невзгод твоих», — твердо решил Гиви и с достоинством первого из феодалов Картли молвил:

— Да будет!

— Амины! — тотчас отозвался митрополит.

Вечером хозяева и гости снова собрались за столом. Лицась непринужденная беседа, звучали шутки, искрилось в бокалах вино, горели свечи. Гостей поразили пронизательность и дальновидность Амилахвари. Между колонн мелькала юркая фигурка маленькой Анино — девочка то нянчила куклу с опускающимися ресницами, то укладывала в сундучок непослушного лохматого мишку, то убаюкивала цветного олененка, которого сама сшила из лоскутов. Иногда она, привлеченная чьим-нибудь возгласом, вытягивала тонкую шейку и как замороженная смотрела на храбрейшего из храбрых, на мудрейшего из мудрых, который звался ее отцом. И Гиви умолкал, подзывал ее к себе и тихо шептал:

— Я подарю тебе много-много кукол, и ты сошьешь им нарядные платья и украсишь их драгоценными камнями...

Родам пугало это невероятное, чудовищное счастье, и она снова и снова молила небеса сохранить, не омрачить его... А Сидамонидзе, глядя на оживленное, полное тайны личико Анино, ощутил вдруг, как усиливается, поднимается и растет в нем непонятное предчувствие...

Откуда-то издалека доносилась протяжная крестьянская песня, она то приближалась, то отдалялась вновь, то звучала грозным предостережением.

Амилахвари опоясался узким поясом с кинжалом в серебряных ножнах и вышел на балкон, ярко освещенный факелами.

Скрестив на груди руки, вглядывался он в окутанные мраком просторы.

Да, он делает решительный и опасный шаг, но всегда, во всех случаях жизни князь следовал лишь одному правилу — поступать так, как велит его совесть. И если случилось ему убеждаться, что принятое решение ошибочно — все равно, ничто уже не могло изменить его — смело и упрямо шел он к намеченной цели.

Всю ночь не смыкал Амилахвари глаз, а ни свет ни заря разослал курьеров к азнаурам, моуравам и старостам, сахлтухуцеси поручил вести тайные переговоры с Ксанским эриставством. В Мухрани отправил начальника конной разведки. Курьеры везли с собой приказы, на них стояла печать «Гиви». Не забыл князь и принадлежавших ему вашлованских, кумисских и телетских крепостных.

Отправился в путь и сам — если осмелится кто уклониться, заставит силой. Он был лихим наездником, и конь его несся вихрем.

Амилахвари любил свои владенья, ему знаком в них каждый камешек. В каждой деревне были у него многочисленные родичи, близкие и дальние.

...Амилахвари вышел из дворца в сопровождении лишь нескольких телохранителей — он все должен проверить сам, сам все осмотреть. Кто знает, как долго продлится борьба, какой примет оборот, не исключено, что турки и горцы совершат нападение на Саамилахваро. Особенно внимательно следовало проверить крепость Цхвило.

Он обо всем расспросил, все рассмотрел и убедился — все в полном порядке; ему преданы, ему готовы служить верой и правдой, за него готовы в огонь и в воду.

На третьи сутки, когда князь, сопровождаемый знатью, со смотровой площадки белокаменной Цхвило обозревал военные отряды, расположившиеся лагерем в поле, у него перехватило дыхание: «Прибыло войско! Богатыри!».

Предводители отрядов давали последние указания, на крепостной стене заканчивали работы каменщики. Властитель княжества амилахварского поднялся на крепостную ограду. Далеко вокруг простирались квадратные площадки и земляные валы.

«Много у него пуль и снарядов!» — вспомнилось стихотворение, сложенное о нем в народе: Амилахвари получал из Крыма стволы европейских ружей, такие мало у кого были в те времена — османы всеми силами препятствовали проникновению в Грузию хорошего оружия.

Сверкали доспехи, там и сям раскинулись сотни шатров, отменные удалцы гарцевали на породистых, чистых кровей скакунах. Войска Саамилахваро были готовы к бою.

Вдохнув полной грудью бодрящий послеливневый воздух, он сбежал по узким ступеням.

«Если раздражат тигра»... — угрожающе улыбаясь, произнес он еще одну из строк.

Гиви спросил, не отсутствует ли кто из меченосцев, и когда ему доложили, что все на месте, обратился к войску с благодарным приветствием. Он ничуть не разгневался, узнав, что для войска в его владениях выловили тысячу лососей и двести оленей.

Когда последние ряды прибывших войск скрылись из глаз, Гиви подробно обсудил с военачальниками каждую деталь. Драться предстоит с врагом могущественным и хитрым, с войском многочисленным. Нападение будет совершено под покровом ночи — внезапный и быстрый натиск посеет панику в стане противника. Итак, выступив ночью, войско на следующий день переждет в Верийском ущелье, а как только займется заря, кинется в атаку. Действовать нужно осмотрительно, не спешить, но и не медлить. Выбранный путь долог, но зато надежен и верен.

Перевод Аллы ПЕРИМ

(Продолжение следует)

Светлана СЕМЕНОВА

ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, БЕССМЕРТИЕ В ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ ЗАБОЛОЦКОГО

ТРАДИЦИЯ И НОВАТОРСТВО ТЕМЫ

Основная тема поэзии Заболоцкого — человек и природа, тема, казалась бы, вечная для поэзии, но ставится она им в совершенно особом философском повороте. Хотя творчество Заболоцкого претерпевает значительное развитие, основа его натурфилософских взглядов остается неизменной. Она интересует нас прежде всего.

В поэзии преобладающим всегда было отношение к природе как к началу гармонии, красоты, вечного обновления, на лоне которой человек искал успокоения от терзаний своей жизни. Значительно реже, начиная с романтиков, появляется противостояние человека, преходящего, чувствующего трагизм своей бренности, и равнодушной красоты вечной природы; врываются ноты обиженности, гордого, стоического вызова ей. Так, с одной стороны, никогда не иссякает пейзажная лирика разной глубины, где природа предстает взору, поэта то в своей созерцательной данности, то как отражение его душевных состояний. С другой — всякого рода философские вопрошания смысла природы и явлений в ней человека, вершиной которых осталось тютчевское:

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

Известно, что в искусстве идет непрекращающийся процесс углубления в суть вещей, сопряженный с таким же процессом в других областях человеческого знания и практической деятельности. Поэзия Заболоцкого стала следующим «моментом» развития и философского углубления темы природы. Он по существу первым в поэзии взглянул на природу не только как на единственно окружающий нас мир, прекрасно-гармоничный, дневной или хаотический, ночной, как часто у Тютчева, мир, являющийся нашему созерцанию и проникновению, а как на совершенно определенный **способ существования**, основанный на взаимном пожирании, вытеснении и борьбе. Это был уровень понимания, возможный при принципиально новом, **активном** осознании эволюции, когда человек признается ответственным за ее дальнейший ход. Это новое понимание включало в себя необычайно расширившееся нравственное чувство, которое уже не ограничивает себя миром людей, себе подобных, получая натурфилософский, космический смысл.

Заболоцкий начинает с того, что с поразительной, почти **маннакальной** настойчивостью не устает обнажать «людоедства страшные черты», проступающие на всей природе. Маннакальность в таком случае не патологический симптом, а показатель одержимости **чувством и идеей**. Впечатление от все новых и новых картин «вековечной давилки» природы у него всегда тщательно «идейно» задано: вызвать чувство неприятия, вплоть до омерзения, нравственного шока.

Мышь бежала между пашен,
Птица падала на мышь,
Трурик, вмиг обезображен,
Убираем был в камыш.
В камышах сидела птица,
Мышку пальцами рвала,
Изо рта ее водица
Струйкой на землю текла.

(Птицы, 1933 г.).

Море! Море! Морда гроба!
Вечной гибсли закон!...
Рыбой съедены до пят,
Из больших окошек башен
Люди длинные глядят.
Человек, носим волною,
Едет книзу головою,
Осьминог сосет ребенка...

(Подводный город, 1930 г.).

¹ Все слова в цитатах здесь и далее выделены мною — С. С.

Философские герои Заболоцкого Бомбеев и Лодейников от-
правным моментом своей мысли, уводящей их к сверкающей
мечте всеобщего преобразования мира, делают беспощадное ра-
зоблачение закона, на котором стоит вся природа.

Лодейников склонился над листьями,
И в этот миг привиделся ему
Огромный червь, железными зубами
Схвативший лист и прянувший во тьму.
Так вот она, гармония природы,
Так вот они, ночные голоса!
Так вот о чем шумят во мраке воды,
О чем, вздыхая, шепчутся леса.
Лодейников прислушался. Над садом
Шел смутный шорох тысячи смертей.
Природа, обернувшись адом,
Свои дела вершила без затей,
Жук ел траву, жука клевала птица,
Хорек пил мозг из птичьей головы,
И страхом перекошенные лица
Ночных существ смотрели из травы.
Природы вековечная давящая
Соединяла смерть и бытие
В один клубок, но мысль была бессильна
Соединить два таинства ее.

(Лодейников, 1932 — 1947 гг.).

В поэме «Деревья» Бомбеев держит целую речь о «перво-
родном грехе» всеобщего пожирания, царящем в мире: корова
«убивает», пожирает траву, а мы «убиваем», едим корову.

В желудке нанем исчезают звери,
животные, растения, цветы.

Так человек становится последней инстанцией пожирания,
поистине «наивеличайшим убийцей на земле», по словам не-
мецкого философа Гердера. Пицца, ее приготовление, поглоще-
ние ее — «кровоавое искусство жить» — становится чуть ли
не основным «поэтическим» предметом раннего Заболоцкого.
Уж, поистине, такого еще в поэзии не бывало! Причем это не
«фламандская» роскошная снедь, оправданная гедонистически-
эстетической ее подачей. Пицца у Заболоцкого всегда представ-
лена буквально как **трупы**, препарированные убитые и **мертвые**
животные. Почти шокирующая необычность «Столбцов», пер-
вого стихотворного сборника Заболоцкого, во многом задава-
лась этой, какой-то фантазмагорической точкой зрения —
увидеть **страдание и убийство** там, где тысячелетняя привычка
лишь предчувствует вкусную еду.

Там примус выстроен, как дыба,
На нем, от ужаса треща,
Чахоточная воег рыба
В зеленых масляных прищах.
Там **трупы** вымытых животных

Лежат на противнях холодных
И чугуны, купели слез.
Венчают зла апофеоз.

(На лестницах, 1928 г.).

Поэта часто преследует гротескный образ **распятой** плоти животных. Даже у рыбы — свой «Гефсиманский сад», предсмертная тоска и вытянутые в мучении руки.

Горит садок подводным светом,
Где за стеклянную стеной
Плывут лещи, объаты бредом,
Галлюцинацией, тоской,
Сомнением, ревностью, тревогой...
И смерть над ними, как торгаш,
Поводит бронзовой острой,
Весы читают «Отче наш»....
Тут тело розовой севрюги,
Прекраснейшей из всех севрюг,
Висело, вытянувши руки,
Хвостом прицеплено на крюк.

(Рыбная лавка, 1928 г.).

В «Столбцах», по общему справедливому признанию, Заболоцкий рисует гротески нэпмановского, мещанского быта, торжество грубой материи, отвратительной, самодовольной плоти. И тут его сравнивают с Маяковским, не уставшим в те же годы разоблачать «мурло мещанина» в окружении единственно для него значащего мира удобных и вкусных вещей. Но при этом внимательные исследователи не могли не почувствовать «какой-то недоговоренной до конца мрачной мысли»¹, имеющей значительно более общее, философское значение для поэта. М. Зощенко, к примеру, писал, что в стихах Заболоцкого 20—30-х годов «поражает какая-то мрачная философия и... удивительно нежизнерадостный взгляд на смысл бытия... Кажется, что поэт никак не может примириться с тем, что все смертны, что все, рождаясь, погибают»². Эта «мрачная мысль», «мрачная философия» касается самого порядка вещей в мире, причем **природно-натурального** порядка.

В поэмах «Торжество земледелия», «Безумный волк», «Людейников», «Дерева» уже указывается созидательный выход из такого порядка, убедительный оптимизм которого не может быть поколеблен скептицизмом в отношении конкретных утопических мечтаний автора. В «Столбцах», как и в стихотворениях начала 30-х годов, собранных позднее самим поэтом в «Смешанные столбцы», в отличие от поэм, Заболоцкий останавливается на том чувстве отчаяния, которое порождает «сама себя жрущая вселенная» (А. Платонов) у человека, всем суще-

¹ А. Турков. Николай Заболоцкий. М., «Худ. лит-ра», 1966, с. 29.

² Мих. Зощенко, 1935—1937, Рассказы, повести, фельетоны, театр, критика. Гослитиздат, Л., 1937, с. 383.

ством проникнувшегося этой истиной на уровне первого, непосредственного, «лирического» ее переживания. Поэт пока наблюдает, изображает, и на этом этапе природная истина в силу своего всеобщего характера кажется безысходной. Какой вопль о всеобщем пожирании, гибели, смерти несетя с этих страниц! Вопль, который чаще всего оборачивается каким-то балагурством отчаяния, веселенькой нелепостью, вполне соответствующей дурной бесконечности природного «безобразия». Вот стихотворение «Искушение» о мертвой деве, разлагающейся в могиле.

И течет, течет бедняжка
В виде маленьких кишок.
Где была ее рубашка,
Там остался порошок,
Изо всех отверстий тела
Червяки глядят несмело,
Вроде маленьких малюг
Жидкость розовую пьют,
Была дева — стали щи.

Дальше дева прорастает деревцем, а деревце зазвенит ветвями бесконечную абсурдную песенку, вроде «У попа была собака».

Все создания природы, бесчисленные ее твари, за «серийностью» которых поэт умеет разглядеть неповторимую особенность любой из них («Каждый маленький цветочек машет маленькой рукой»), одаряются смутным ощущением какой-то маяты, даже страдания существования в неуловимых тисках природного закона, в ее «высокой тюрьме». Образ природы как тюрьмы, из которой как будто нет исхода, настойчиво возникает у Заболоцкого:

И природа, вмиг наскучив,
Как тюрьма, стоит над ним.

(Змея, 1929 г.).

Нелегкая задача —
Разбить синонимы — природа и тюрьма.

(Осень, 1932 г.).

Чтобы по-настоящему понять мысль поэта, надо вспомнить замечательного отечественного мыслителя прошлого века Н. Ф. Федорова, для которого задача «разбить синонимы — природа и тюрьма» как раз явилась основным содержанием его идеи «регуляции природы», преодоления всеобщим исследованием и трудом слепых, смертоносных сил мира для его преобразования и одухотворения. Насколько непосредственно идеи Федорова влияли на Заболоцкого, можно спорить. В ряде зарубежных работ говорится о прямом воздействии: «Идеология Заболоцкого или точнее его философия жизни чем-то напоминает анимизм или пантеизм в духе Виктора Гюго, но самыми прямыми его вдохновителями были философ Николай Федо-

ров, Циолковский и Хлебников...» Хотя нам не известны прямые документальные свидетельства знакомства Заболоцкого с «Философией общего дела», несомненна созвучность федоровских мыслей о природе и о роли человеческого сознания в ней философской направленности поэзии Заболоцкого. Более того, можно говорить о том, что Заболоцкий ввел в поэзию такой взгляд на природу, который в философской мысли открыл Федоров. Во всяком случае, влияние федоровских идей на Заболоцкого могло идти и через «общий дух» эпохи, и через Хлебникова, и, конечно, через философские произведения Циолковского, о чем будет речь ниже.

Необходимо отметить, что федоровский пафос радикального трудового преобразования мира соответствовал целому направлению чувств и умов в литературе 20-х годов. (Кстати, идеями Федорова увлекался Брюсов и знакомил с ними молодых пролетарских поэтов). Уяснение этого направления поможет понять связь натурфилософских поэм Заболоцкого с идейно-философскими устремлениями поэзии предшествующего десятилетия, позволит глубже осмыслить смысл этих поэм.

Известно, что в послеоктябрьские годы стихия ритмической речи торжествовала в литературе по существу безраздельно. Проза требует глубокого проникновения в сущность происходящего, критического его осмысления, одним словом, времени и дистанции. Поэзия моментально выражает первую реакцию, порыв души, взрыв чувств и полет мечты. Пролетарская поэзия эпохи военного коммунизма — исключительно интересное и уникальное явление. В последние годы она получила объективную и заслуженную оценку в нашем литературоведении и критике. Эта поэзия не породила ни одного великого поэта, поскольку по самой своей сути была явлением **коллективным**. Никогда, пожалуй, в истории литературы не было такого широчайшего поэтического, поистине **народного** движения, объединенного общими темами, устремлениями, образами, интонацией. В нем — цельный поток чувства, лава народной души.

Революцию упрекали в низких эгоистических классовых расчетах: перераспределить богатства, урвать себе кусок у богатей. Одно из опровержений такого взгляда — поэзия пролетария, пришедшего из деревни, с фабрики, из самых низов к выражению своих истинных, высших чаяний. Ибо пролетарская поэзия — это именно **поэзия стремлений и мечты**. Ее упрекали в отлете от реальной действительности, космической гигантомании, своеобразном мифотворчестве. Но не надо забывать, что по самому своему характеру это была поэзия романтическая, поэзия **идеала**. Ее «мифотворчество» оказывается ценным «документом» народной русской души в ее самых предельных устремлениях. И тут обнаруживается интересная вещь: насколько эти пророческие порывы оказываются созвучными федоровским мечтаниям.

Революция в стихах и статьях многих пролетарских поэтов «Кузницы» от Кириллова и Герасимова до Гастева и Филиппченко воспринимается не просто как обычная политическая или социальная революция, а как начало глубочайшего

перелома всей жизни. Иван Филипченко так определяет главные задачи революции: «нужно будет... **победить болезни и самую смерть**, реорганизовать вселенную в интересах человека; **организовать борьбу с косной материей**». А вот у Маяковского

Смотрите —
ряды грядущих лет текут...
Встает из времен
революция другая —
третья революция
духа.

(Четвертый интернационал, 1922 г.)

Грандиозность, небывалость происходящего в революцию часто порождали самый безмерный энтузиазм. Ощущение безграничности сил подвигало на приступ казалось бы самых неразрешимых и трагических проблем человеческого существования. Неизвестный поэт пишет на тендере паровоза, построенного на **з**абочих субботниках:

Вперед! Вперед! Усталость прочь!
Мы на последнем перегоне!...
С кладбищ депо и полустанков
Мы всех поднимем мертвцов...
В царство мира и братства наш дальний маршрут,
Коммунизм — наша светлая станция¹.

«Мы все можем. Мы должны сметь!» (М. Герасимов) — подобные восклицания не раз раздаются со страниц сборников пролетарских поэтов. Кириллов в стихотворении «Красный Кремль» (1920 г.) провозглашает в торжественно-пророческой интонации:

И колокол древнего веча с твоих нерушимых вершин
Вешает народам, что близится день воскресенья².

Поэтому не случайным для начала 20-х годов оказывается и движение биокосмистов, прямо выступивших с лозунгами «интерпланетаризма — завоевания космоса и иммортализма»³. Своего осуществления бессмертия личности³. Свой биокосмический максимализм они рассматривали как достижение революции. Для них борьба со смертью, с враждебными человеку слепыми стихиями природы — продолжение борьбы за социальную справедливость. (В образных аналогиях биокосмистов смерть нередко так и представляла в виде отвратительного ожиревшего буржуя).

¹ Цит. по кн.: Л. М. Фабер. Советская литература первых лет революции. (1917 — 1920 гг.). М., «Высшая школа», 1966, с. 92.

² К 20 годам относится и поэма Г. Санникова, известного в то время пролетарского поэта, «Когда мертвые воскреснут», оставшаяся в рукописи.

³ П. Иваницкий. О пролетарской этике. — Биокосмист. Материалы, Креаторий биокосмистов, М., 1921, с. 13.

Причем «пролетарское человечество, конечно, не ограничится осуществлением бессмертия только живущих, оно не забудет погибших за осуществление социального идеала, оно приступит к освобождению «последних угнетенных», к воскрешению «прежде живших». Воскрешение расценивается как выполнение товарищеского долга, отказ от него — как «социал-предательство». Манифест биокосмистов печатается в газете «Известия» (от 4 января 1922 г.), в издательстве ВЦИК появляется книга «О пролетарской этике», развивающая вышеизложенные идеи, наконец, выходит несколько номеров газеты «Биокосмист» (№ 1—4, 1922 г.).

Выступление биокосмистов поражает своим наивно-декретивным, широковещательным характером. Оно было неоднородным и противоречивым, соединяя в себе несоединимое: требования высокого нравственного долга, конкретной терпеливой работы в области «регуляции природы», с которыми выступали П. Ивановичий, А. Агиенко и др., и анархического воспеания «божественной» свободы обретшего бессмертия индивида. Эти теневые стороны по преимуществу проявились у главы движения А. Святогора, называвшего себя анархистом-биокосмистом¹.

Но даже в лучших своих сторонах манифесты и призывы биокосмистов явились великолепной иллюстрацией такой кавалерийской атаки на будущее, дерзкой попытки одним волевым усилием и горением нетерпеливого сердца преобразить людей и мир. И в этом тоже было знамение времени.

Интересно сопоставить с их выступлением те мысли о высшей цели человеческой деятельности, которые проводил в эти же годы М. Горький. 30 марта 1920 года он выступает в Рабоче-крестьянском университете с лекцией «О знании». Стенограмма ее — замечательный документ идейного влияния «Философии общего дела» на формирование взглядов Горького. Он выдвигает близкое Федорову общепhilosophическое утверждение, что «может быть, природа в лице человека создала свой орган, орган для познания себя самой». И ее преобразования — дополняет Горький своими дальнейшими рассуждениями. Он подчеркивает дорожку автору «Философии общего дела» мысль, что все «на поверхности земли.— это наши труды, труды наших предков. Это все кость, плоть и кровь живых людей»².

Перед собравшейся рабоче-крестьянской аудиторией, в самые тяжелые годы войны и разрухи тянувшейся к знанию, Горький особенно настойчиво высказывает свою веру в силу человеческого разума и знания, творческого начала в человеке: «...бессмертным действительно остается человеческий разум, который, может быть, со временем будет настолько острым и мощным, что очень вероятно (и об этом многие думают и теперь) даже **физического бессмертия** добьется человек...

¹ А. Святогор выступал также как поэт. См. его сборники «Петух революции», М., 1917 и «Два», М., 1922.

² М. Горький. О знании. — В кн.: М. Горький. Художественные произведения. Статьи. Заметки. Архив А. М. Горького. I, XII, Изд-во «Наука», М., 1969, с. 106.

Если вы подумаете над этим, товарищи, то вы увидите, что в данном случае человеческий разум **объявляет войну смерти, как явлению природы**. Горький, как и Федоров, понимает, что победа над смертью, преобразование мира может быть той высшей целью, к которой ведет долгий и трудный путь всеобщего труда, развития науки, нравственности, души, красоты в самом человеке. И в этом их коренное отличие от авантюристической скоропалительности биокосмистов.

Влиянию федоровских тем подверглось в эти годы и творчество Маяковского. Существует несколько версий, как поэт познакомился с центральными положениями «Философии общего дела». Согласно одной из них, он приобщился к ним еще в 10-х годах через окружение поэта Вячеслава Иванова. В связи с Федоровым и Маяковским всегда вспоминают и товарища поэта по училищу живописи, ваяния и зодчества В. Н. Чекрыгина, очень талантливого и поразительно рано созревшего художника, убежденного последователя учения «общего дела». Федоровские мотивы возникают у Маяковского каждый раз, как только поэт заглядывает в будущее: это и регуляция, «метеорическая» и космическая, и «новое питание», и завоевание неба, прекрасного дома людей будущего (поэма «Летающий пролетарий»). Наконец, тема «научного воскрешения» заветным личным мотивом, встающей в фантазии грезой неоднократно проходит в произведениях Маяковского от комически-гротескного варианта в «Клопе» до сугубо лирически-серьезного в поэмах «Война и мир» и «Про это». «Война и мир» (1916 г.) — одна из самых федоровских вещей поэта; «мир» понимался им здесь в значении вселенной. Сияние «новых дней» разливается в пятой, последней главе поэмы. Это и есть собственно мир, как новая умиротворенная и преображенная вселенная: жалозны и вытеснения вынута из нее, последняя причина зла и тоски — смерть — побеждена окончательно, вплоть до возвращения всех ее жертв.

Особая поэтическая сила выражения Маяковским федоровской идеи возникает из его напряженного, очень личного вчувствования в мечту о бессмертии. Титанизм природы поэта, дававший особо острое ощущение только незначительного почина в земном существовании необъятных духовных сил человека, рождает не просто мечту о бессмертии, но и горячую веру в сугубую необходимость его осуществления. Финал поэмы «Про это» (1923 г.) разворачивается знаменитой триадой: «вера», «надежда», «любовь» (это его подзаголовки). Вот возникает в мечте поэта «мастерская человечьих воскрешений», усиленная **верой** до галлюцинаторно четкого, зримого образа. И тут же звучит страстная **надежда** в многократном призыве поэта к будущему:

...Воскреси!

Сердце мне вложи!

Кровищу —

до последних жил,

в череп-мысль вдолби!

Я свое, земное, не дожил,
на земле
свое не долюбил!

Наконец, вселенская **любовь** как новый принцип связи всего со всем должна воцариться в таком бессмертном, ликующем бытии.

Развитие темы труда было тем принципиально новым, что внесли в поэзию пролетарские поэты. Здесь их безусловное и признанное содержательное новаторство. Причем труд трактовался ими настолько всеобъемлюще, планетарно-космически, что тут нельзя не вспомнить «Философии общего дела». Федоровское отождествление: «трудовое, т. е. нравственное» было в крови пролетарской поэзии. «Труд как высшая форма бытия, труд всепобеждающий, украшающий наше существование, труд, который превратит человека во **всемогущее существо, физически бессмертное, духовно безграничное**; труд, который организует нас в единый мыслящий коллектив, **всеведущий и всесущий**», — кто автор этих вдохновенных строк, которые так кажутся, и сошли со страниц «Философии общего дела»? Иван Филиппченко, один из своеобразнейших «кузнецов», о котором писали как о «самом темпераментном, самом напряженном певце среди пролетарских поэтов». Его «Поэма славы» — торжествующая поэтическая фанфара, прославляющая создание свободным человечеством будущего царства труда и творчества, «храма славы». В этой поэме «федоровские» темы представлены особенно насыщенно. Здесь и регуляция природы: побеждается «разъяренных стихий бесчинство», вся земля от полюса до полюса превращается в огромную мастерскую, сотрясаемую ритмом гигантских работ. Становится реальностью и проект Федорова, особенно восхищавший Брюсова:

Ныне Шар Земной по космическому простору,
По орбите летящий стремглав абрикос,
Цветущий, сочный, зеленый колосс.

(Земля как управляемый человеческой волей космический корабль возникает не раз в пролетарской поэзии. Ср. у В. Кириллова: «Нашей планете найдем мы иной, ослепительный путь» — «Мы», 1917).

Филиппченко находит замечательную, совсем федоровскую «формулу сущности регуляции: человек законы природы претворяет в «**законы для природы**». Но за «симфонией стали», «лесом рабочих рук», «вихрем мыслей» Филиппченко не забывает «самой трудной задачи, о которой скорбно напоминает «Походный марш»: об угрозе «костлявой смерти». И вот:

...не спят ученые
Философы и астрономы
Их великие мысли, дела миллионные...
Со стихиями, **смертью воюют**, колебля грома.

Поэт чувствует ответственность за всех погибших на долготом и страдальческом историческом пути земли:

Вот вижу я поле,
Как Езекииль,
Где пожелтые кости, точно валежник леса,
Лежат догнивая, отринутые и божественной мессой,
То кости обремененных, на тысячи тысяч миль.
Я одену их телом, им душу вложу,
Я их воскрешу,
Лишь дойти бы скорее, дойти.

Наконец, в заключительном апофеозе поэмы, великом празднестве Славы, Торжества «общего дела», возникает сияющее видение всеобщего и полного преобразования мира. Новый принцип бытия — «мировой согласованности», взаимной любви, «опрозрачивания», радостного отражения друг в друге — пронизывает все: материю, стихии, каждое существо.

Грандиозные картины планетарно-космических преобразований не были достоянием только поэзии Филипченко. Устремленность в космос — черта почти всей пролетарской поэзии. Недаром поэт и критик «Кузницы» Г. Якубовский увидел в книге Филипченко «синтез мыслей и чувствований рабочего мировоззрения», оценив его как «крупнейшее художественное явление» времени. Вряд ли последнее заявление является безусловным: поэзия Филипченко начала 20-х годов, как и вся пролетарская поэзия, страдает художественной неровностью, даже заемностью, незрелостью мастерства. И сам космический пафос присущ — с разной глубиной и самостоятельностью — поэтическому отражению эпохи вообще.

Этот же пафос мы встречаем, в ином тоне и краске, и у «крестьянских» поэтов. В «мужицкий рай» Клюева в эти годы врываются «космические» измерения:

Революцию и Матерь Света
В песнях возвеличим,
И семирогие кометы
На пир бессмертия закличем...

В поэме «Мать-Суббота» (1922) через привычный клюевский малый «космос» избы и «простых человеческих дел», включенных однако метафорическим плетением в большую вселенную, и физическую, и духовную, передано столь характерное для этого времени ощущение кануна «Красной пасхи», всеобщего преобразования мира.

Есенин тоже по меньшей мере был наслышан о федоровских идеях, и когда он в поэме «Инония» (1918 г.) писал: «Я иное постиг учение прободающих вечность звезд, я иное, узрел пришествие, где не пляшет над правдой смерть» — то сознательные или бессознательные отголоски этих идей здесь очевидны. В «Инонию», как и во всю серию небольших революционных поэм Есенина 1917 — 1919 годов («Преображение», «Иорданская голубица», «Небесный барабанщик», «Пантократор»), вторгается поэтический шквал «онтологического» бунта, движимый дерзанием радикальной переделки всего существующего миро-

порядка в иной строй, в «град Инонию, где живет божество живых». Идея установления преобращенного статуса бытия, изогнутые революционным электричеством эпохи, приобретают решительные черты богоборческого неистовства, чисто человеческого титанизма, порочного дуализма цели и средств. Преобразование мира грезится в образах насилия над ним, иногда доходящего до настоящего космического «хулиганства»: «Подыму свои руки к месяцу, раскушу его как орех... Ныне на пики звездные вздыбливаю тебя, земля!... Млечный прокушу покров. Даже богу я выщиплю бороду оскалом моих зубов» и т. д. («Инония»). Надо отметить, что федоровская идея «регуляции природы» не ответственна за такие поэтические исступления, столь частые тогда в поэзии; ведь у Федорова, напротив, важен призыв к любовному вчувствованию в природу, космос, исчерпывающему познанию их закономерностей и тайн как одному из обязательных условий долгой, терпеливой работы по очеловечиванию, одухотворению мира. Для Федорова не могло быть образцом существо, пусть сверхразумное и сверхмогучее, но лишенное нравственного чувства как к себе подобным, живым и умершим, так и к окружающей растительной и животной природе. «А между тем нравственность, — писал он, — не только не ограничивается личностями, обществом, а должна распространяться на всю природу. Задача человека морализировать все естественное, обратить слепую, невольную силу природы в орудие свободы». Именно в этом пункте Заболоцкий целиком совпадает с Федоровым.

Вспомним в заключение нашего экскурса поэму В. Хлебникова «Ладомир» (1920 г.), во многом созвучную по содержанию — несмотря на все отличие научно-утопических доктрин Хлебникова и его художественного метода — «Поэме славы» Филиппенко. Здесь та же оценка революции как начала раскрепощения, открытия пути в даль будущего, тот же идеал «научно построенного человечества», прославление труда и людей творчества, «творяян», та же регуляция природы, в которой главное — претворение природного порядка существования в высший, братский, бессмертный лад мира.

Эту же задачу ставят герои поэм Заболоцкого. «Торжество земледелия» (1929 — 1930 гг.) — идейная сумма ранней натурфилософской лирики Заболоцкого, сумма, обретшая принципиально новое, созидательное качество. «Человек бесклассового общества, который хищническую эксплуатацию заменил всеобщим творческим трудом и плановостью, не может в будущем не распространить этого принципа на свои отношения с порабощенной природой. Настанет время, когда человек — эксплуататор природы превратится в человека — организатора природы — так сам поэт позднее объяснял замысел своей поэмы. То, что время действия приурочено к коллективизации, которая разворачивалась как раз, когда писалась поэма, — не случайно. Социальное переустройство рассматривалось Заболоцким, как и многими пролетарскими поэтами 20-х годов, в качестве начала того коренного преобразования всего мира, которое здесь изображено.

Пролог к поэме открывается зрелищем «страшно дикого» природного «беспорядка»:

Тут природа вся валялась
В страшно диком беспорядке:
Кой-где дерево шаталось,
Там реки струилась прядка.
Тут стояли две-три избы
Над безумным ручейком.

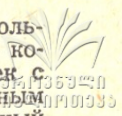
Расхристанная, «беспризорная» природа, конечно, не реалистическое ее изображение, а тот «идейный» ее лик, который соответствует представлению о глубинном законе слепоты, хаоса, смерти, царящем в ней. Этому взгляду на природу Заболоцкий остался верен на протяжении всего своего творчества, изменилась лишь художественная форма его выражения. В ранний период — она резче, эксцентричнее, в поздний — спокойнее, классически уравновешеннее, но мысль та же. Достаточно вспомнить позднее программное стихотворение «Я не ищу гармонии в природе». Так представленная наличная, природная данность — своеобразный философский аргумент поэта, приводящий к дальнейшим выводам о необходимости нового в ней порядка. Природа как будто сама стремится к нему, и человек — как ее сознание — выражает это стремление и осуществляет его.

И в этот час печальная природа
Лежит вокруг, вздыхая тяжело,
И не мила ей дикая свобода,
Где от добра неотделимо зло.
И снится ей блестящий вал турбины,
И мерный звук разумного труда,
И пенье труб, и зарево плотины,
И налитые током провода.

Эта же тема фантастически ярко развернута в «Торжестве земледелия». Но ее развитию предшествует первая глава «Беседа о душе». Не случайно в поэме, посвященной, по собственным словам Заболоцкого, «грандиозному переустройству природы», он начинает с раздумья о смерти. Ведь главное, что неприемлемо для человека в природе, точнее в ее способе существования — это смерть. И первое, что изрекает по поводу обсуждаемого предмета «мужик суровый, точно туча»: «**Природа меня мучит**, превращая в старика». А тут уж недалеко и такая участь:

А тело, съедено червями,
В черном домике лежит.

Приходится надеяться, что, может, хоть душа остается после смерти, витает в мире и «пресветлой ручкой машет нам изда-лека». Но эту надежду решительно, как глупое суеверие, развеивает Солдат, один из участников разговора. Развеивает, может, и наивно, но в полном соответствии с глубоким убеждением самого Заболоцкого, для которого всегда было «невозможным бессмысленное и противоестественное представление о какой-то противоположности между духом и материей, человеком и природой, душой и телом».

Итак, смерть царит над человеком безраздельно. И не только над человеком. В следующей главе говорят животные, в которых начинается просыпаться разум. Точнее, говорит человек с высоты новой нравственности, рожденной сознательно-активным пониманием эволюции. Как когда-то произошел решительный переворот в оценке культурных достижений общества, когда на них взглянули глазом человека не привилегированного, образованного, а забитого, «рабского» класса, так и тут реальность мира предстает иной замученным, «натуральным» жертвам человеческой эксплуатации.

Мужик, меня ногами обхватив,
Скачет, страшно дерясь кнутом...
Кругом природа погибает,
Мир качается, убог,
Цветы, плача, умирают,
Сметены ударом ног.

«Битва с предками», идущая далее в поэме, — это неизбежный спор с покорным согласием на данные природой рамки, с философией природного кругооборота, которую представляют «предки». И вот наступает «Начало науки»: человек преобразует природу, «подтягивает» до себя отставших по лестнице эволюции младших братьев, устанавливает новый закон бытия, закон истинного родства, связующий все существа земли. Этот закон выносится на новой натуральной основе жизни, из которой изгоняется принцип взаимного пожирания и вытеснения. На этом особенно настаивает поэт в своих ликующих сценках «нового питания». Какой контраст с бывшим, удручающим «кровавым искусством жить»!

А под горой машинный храм
Выделявал кислородные лепешки,
Там кони, химии друзья,
Хлебали щи из ста молекул,
Иные, в воздухе вися,
Смотрели, кто с небес приехал.
Корова в формулах и лентах
Пекла пирог из элементов,
И перед нею в банке рос
Большой химический овес.

В этой детски-задорной, весело-торжествующей поэзии как будто иллюстрируется мысль В. И. Вернадского о будущей «автотрофности» человека, близкой к идее Федорова о будущем питании как «сознательно-творческом процессе»¹.

¹ Как известно, Заболоцкий высоко ценил научное творчество Вернадского и пристально им интересовался. Автотрофность, к овладению которой призывал Вернадский, — «непосредственный синтез пищи, без посредничества организованных существ», умение поддерживать и воссоздавать свой организм, как растение, пока единственное автотрофное существо, из самых простых природных, неорганических веществ. Циолковский также писал о будущем «животном космоса», прямо ассимилирующем солнечные лучи и элементарные вещества среды.

Мир как будто рождается заново. «Младенец-мир» — гла-
сит одна из заключительных глав поэмы. Мир, начинающий
науку новой жизни с самого начала, с буквы А:

061935920
30220101033

Мы старый мир дотла снесем
И букву А огромным хором
Впервые враз произнесем!

(В более поздних стихах излюбленной формой выражения близкой мысли становится у Заболоцкого образ природы-уче-
ницы, которую мудрый и строгий учитель-человек засаживает
за учебу). Так начинается настоящая «онтологическая» рево-
люция, призванная установить «новое небо» и «новую землю».

Мы же новый мир устроим
С новым солнцем и травой.

Это, конечно, высшая цель, предел дерзаний, и к ней ве-
дет не один этап. Так утверждается уже в поэме «Безумный
волк» (1931 г.), непосредственно примыкающей к «Торжеству
земледелия».

Природа, явленная в восходящих формах жизни вплоть до
ее вершины — человеческого сознания, — основной предмет,
занимающий ум и воображение Заболоцкого. Это природное
восхождение выстраивалось для поэта в иерархию возрастаю-
щей ценности. Запределье бытия, куда возвращается индиви-
дуальная жизнь после смерти, где уничтожается организация
и форма — область распада и хаоса, — вообще лежит для
него вне ценностного определения.

Нет в мире ничего прекрасней бытия,
Безмолвный мрак могил — томление пустое.

Причем эта восходящая лестница природных существ сви-
детельствует о порыве к совершенствованию, пронизающем са-
му природу.

Волк в философской поэме Заболоцкого концентрирован-
но-символически воплощает это стремление. Отталкиваясь от
своих лесных собратьев, для которых круг существования за-
дан одним повелительным «Я жрать хочу, кусать желаю!» —
Волк специальным станком выворачивает себе вертикально
шею, совершив, как когда-то человек, основополагающий акт
самосозидания, рывок от горизонтали земли, животной похоти
к вертикали, к небу, познанию и труду. Он демонстрирует весь
пройденный человечеством ряд культурного развития: постигает
законы природы, занимается наукой и литературой. Но его
высокое безумие в том, что он дерзает на, казалось бы, невоз-
можное: проникнуть в сам творящий стан природы, повторить
когда-то осуществленные ею эволюционные метаморфозы, на-
пример, превратить растение в животное. Его манит идеал со-
вершенной красоты и гармонии, символически озаначенный
«волшебной звездой Чигирь». Открыть путь к ней может побе-
да над путами природных законов, земным притяжением. Но
одним даже самым напряженно-экстатическим усилием воли

взлететь к свободе и бессмертию нельзя. «Великий Летатель Книзу Головой» погибает, но его подвиг ведет за собой других.

И вот много лет спустя отмечается годовщина его смерти. Волки встали на путь цивилизации, идут по нему твердо и осмотрительно, опираясь на очевидные научные истины, трезвую практику. Волки-инженеры, доктора, музыканты — все участвуют в строительстве новой жизни, составляя «мостик на другой берег земного счастья». Но они отвергают как нелепость крайние мечты Безумного Волка.

Подумай сам, возможно ли растение
В животное мечтою обратить,
Возможно ль полететь земли произведенью
И тем себе бессмертие купить?

На эти сомнения Волка-студента отвечает Председатель, выразитель авторской идеи. Во-первых, указывает он, их прекрасный островок научно-технической победы стоит на природной основе, которая осталась непреобразованной. Мир по-прежнему лежит во зле пожирания и смерти:

Глядите, звери, в этот лес, —
Медведь в лесу кобылу ест

Глядите, звери, в этот дол, —
Едомый зверем, плачет вол,
А мы, построив свой квартал,
Волшебный пишем интеграл.

Во-вторых, достигнутая ими новая ступень развития, их наука и искусство, тоже совершенно нелепы на глаз и суждение старого животного мира, какого-нибудь Медведя, «конского громилы, коровьего Ассурбанипала».

Развитию и совершенствованию человечества пределы не поставлены; и самые «безумные» мечтатели, если ими движут благородные и высокие стремления, — «великие гладиаторы мысли» будущих времен.

Века идут, года уходят,
Но все живущее — не сон:
Оно живет и превосходит
Вчерашней истины закон.

Лежи смирно в своей могиле,
Великий Летатель Книзу Головой.
Мы, волки, несем твое вечное дело
Туда, на звезды, вперед!».

«Туда, на звезды, вперед!» — звал другой реально существовавший мечтатель, К. Э. Циолковский, с философскими произведениями которого Заболоцкий познакомился в самом начале 30-х годов.

Заболоцкий полностью принимает у Циолковского его «мысли о будущем Земли, человечества, животных и растений»¹. Глубоко примечательно, что в идейном наследии Циолковского для него ближе всего та сторона, что преемственно развивала идеи «регуляции природы», высказанные в «Философии общего дела». И, напротив, то, что резко разводило Федорова и Циолковского, вызвало внутреннее неприятие и наибольшее сопротивление Заболоцкого. Для Федорова, склонявшегося к представлению об уникальности жизни и сознания на Земле, человек при всем своем несовершенстве, которое ему еще предстоит выправить, — вершина, достигнутая пока эволюционным процессом. Отсюда человеческая личность — высшая ценность, и, следовательно, такая же ценность ее жизнь, причем развитое нравственное чувство личности требует возвращения всех утраченных, спасения и преобразования всех погибших. Для Циолковского, напротив, смерти фактически не существует, поскольку для него «основная единица вселенной» — не человеческая личность, как у Федорова, а атом, вещественная, материальная частичка. Циолковский представлял вселенную единым материальным телом, буквально кишачим жизнью, причем в самых разнообразных и усложняющихся формах, по которой бесконечно путешествуют атомы, покинувшие распавшиеся смертные тела, атомы, которые для Циолковского и есть неразрушимые «первобытные граждане», «примитивные Я». Настоящая блаженная жизнь для них начинается в мозгу совершеннейших, бессмертных существ космоса, при том что огромнейшие промежутки «небытия», нахождения в низшем материальном виде, как будто и вовсе не существуют. Гарантией достижения бессмертного блаженства для мозговых атомов становится уничтожение в масштабах земли и космоса несовершенных форм жизни, подверженных страданию, в которые эти атомы могли бы попасть. (Для Циолковского это приложение теории «разумного эгоизма» к своей «научной этике»). Сильное влияние на Циолковского как мыслителя, оказанное Писаревым и в известной степени Чернышевским, неожиданно и причудливо проявилось в этической стороне его космической утопии, в которую также вплелись наивно трансформированные буддийские мотивы переселения душ (на «атомном» уровне) и отталкивания от «низких» форм телесного воплощения.

Такой атомный трансформизм, нечувствительность к проблеме личности Заболоцкому было принять трудно. Он резонно отвечает Циолковскому:¹ «Мне неясно, почему моя жизнь возникает после моей смерти. Если атомы, составляющие мое тело, разбредутся по вселенной, вступят в другие, более совершенные организации, то ведь данная-то ассоциация их уже больше не возобновится и, следовательно, я уже не возникну снова...

¹ Письмо Заболоцкого Циолковскому от 18 января 1932 г. в кн.: Н. Заболоцкий. Изб. произв. в двух томах. т. 2, М., 1972, с. 238.

135940
111033

Наконец, и самый атом не есть неделимая частица... Атом при известных условиях разрушается точно так же, как разрушаюсь (умираю) я... Вы, очевидно, очень ясно и твердо чувствуете себя государством атомов. Мы же, Ваши корреспонденты, не можем отрешиться от взгляда на себя как на нечто единое и неделимое. Ведь одно дело — знать, а другое — чувствовать».

Вот тут и завязался тот драматический конфликт между чувством и знанием, который прошел через зрелую философскую лирику Заболоцкого, конфликт между «консервативным чувством» неприятия смерти и «передовым», как ему казалось на примере Циолковского, знанием, утверждавшим неизбежность разброда «единого и неделимого» целого человеческой личности в бесконечные вещественные комбинации мира. Это был трудный и трагический, **личный** конфликт. Он точно передан в воспоминаниях Ник. Чуковского¹: как буквально насилывал себя Заболоцкий, чтобы примириться с участью стать материалом бесчисленных природных метаморфоз.

В поэзии Заболоцкого с редкой силой была выражена нестерпимая боль от умирания. Эта боль настолько велика, что ею наделяется сама природа. Мучительные сцены смерти в природе («Начало зимы», 1935 г., «Засуха», 1936 г.), в которых особенно полно разворачивается свойственное поэту олицетворение природных явлений, конечно, истинное свое значение раскрывают для человека, выявляют его чувство, интенсивность его переживания. «Нестерпимая тоска разъединения», вносимая смертью в жизнь, рождает в Заболоцком порывы горького душевного протеста.

Вчера, о смерти размышляя,
Ожесточилась вдруг душа моя.
Печальный день! Природа вековая
Из тьмы лесов смотрела на меня.

Моменты особенно обнаженного контакта с миром дают поэту ощущение, переходящее во внутреннее убеждение, что мертвые, великие и малые, все ушедшие поколения здесь, они присутствуют в мире.

И мысли мертвецов прозрачными столбами
Вокруг меня вставали до небес.
И голос Пушкина был над листвою слышен,
И птицы Хлебникова пели у воды.
И встретил камень я. Был камень неподвижен,
И проступал в нем лик Сквороды.
И все существованья, все народы
Нетленное хранили бытие.
И сам я был не детищем природы,
Но мысль ее! Но зыбкий ум ее!

(Вчера, о смерти размышляя, 1935 г.).

¹ Николай Чуковский. Встречи с Заболоцким. В кн.: Воспоминания о Заболоцком, М., 1977, с. 228—233.

Здесь выражен другой взгляд, нежели традиционно пантеистическая философия вечного кругооборота веществ и существ в природе, бесконечного трансформизма мира, в которой сам Заболоцкий пытался успокоиться в «Метаморфозах» (1937 г.) и «Завещании» (1947 г.). Пытался, но так и не сумел. Отправиться в «необозримый мир туманных превращений» противилась его душа. Это противоречило и самсму духу его убеждения в необходимости сознательного управления природной эволюцией. Ведь тем самым ступень выдалась главная задача — вырвать жало смерти у природы. И, как будто стяхнувшись сладостный усыпляющий гипноз пантеистического «примирения», он гневно восклицает:

Опять ты, природа, меня обманула,
Опять провела меня за нос, как сводня!

В который ты раз мне твердишь, потаскуха,
Что здесь, на пороге всеобщего тленья,
Не место бессмертным иллюзиям духа,
Что жизнь продолжается только мгновенье,
Вот так я тебе и поверил!

(Читайте, деревья, стихи Гезиода, 1946 г.).

Человек, венец мира, его преобразователь, не может принять тот факт, что его «жизнь продолжается только мгновенье». Недаром исследователь творчества Заболоцкого А. Македонов утверждает: «В дальнейшем Заболоцкий приходит к своеобразной концепции материалистического понимания **личного бессмертия**, зародыши которой имелись уже в мыслях о некой материальности самих «мыслей» в «Торжестве земледелия». В этой концепции Заболоцкий принимает представления Циолковского о бессмертии как прогрессивной рекомбинации человека — государства атомов. Но возобновляющееся государство атомов для Заболоцкого есть и реальная возможность **сохранения данного «государства» как единого неделимого, как этой личности, умирающей и возрождающейся и совершенствующейся**. В такой трактовке постановка проблемы бессмертия звучит уже почти совсем по-федоровски. Этот пробивающийся у Заболоцкого пафос личного бессмертия, пусть никогда у него прямо не выраженный, питается основным его убеждением, которому он никогда не изменял:

Недаром, совершенствуясь от века,
Разумная природа в свой черед
Сама себя руками человека
Из векового праха создает.

(Заключение, 1948 г.).

Михаил КВЛИВИДЗЕ

ПУТЬ, ИЗБРАННЫЙ ПОЭТОМ

Бесик Харанаули высоко ценит своего читателя.

В чем же это выражается?

Поэзия, в конечном итоге, — та же речь и, следовательно, форма человеческого общения: один человек поверяет другому свои мысли, самое сокровенное, делится с ним болью и радостью и, естественно, ждет от слушателя определенной реакции, соответствующего отклика.

Бывает, прочтешь в журнале или газете стихотворение и думаешь: для кого оно написано? Для человека только что осилившего грамоту или для читателя конца двадцатого столетия? Неужели эти «стихи» могут заинтересовать и удовлетворить нашего современника, которому предоставлены поистине неограниченные возможности получения информации посредством книг, кино, радио, телевидения и других форм коммуникации.

Писатель обязан быть более сведущим, чем читатель — это прописная истина! Однако вовсе не значит, что писатель должен ставить себя выше читателя! «Писатель—читатель» — без этого тандема нет литературы. Читатель является «соавтором» писателя, и уважение писателя к нему выражается тем, что он считает читателя равным себе, полагается на его зрительную, чутье.

Бесик Харанаули доверяет своему читателю. Он разговаривает с ним не сюсюкая, как с ребенком, а обращается к читателю со всей серьезностью, требуя от него работы ума и предельной мобилизации духовных сил.

Есть у меня знакомый в Тбилиси, добрый, порядочный человек. Педагог средней школы, он любит порассуждать о литературе. Как-то он мне сказал: «Мы пригласили в школу одного поэта, он прочел нам очень хорошие стихи, красивые, благозвучные. Он говорил, нам о том, что мы уже знали, как будто заглянул в наши души!..»

Бесик Харанаули не говорит о том, что мы уже знаем. Его стихи — это почти всегда открытие, которое поначалу поражает, а затем зовет в путешествие по новым жизненным сферам, он делится с нами радостью познания новой красоты.

Как много написано о любви, однако никто еще так не писал: «...Этой ночью я был у тебя, но не застал тебя дома... и дома твоего не было в городе... да и самого города не было на всей земле...»¹

И о призвании поэта говорилось, но так не писал никто: «...Ни на грош, ни на волос, ни силой своей, ни разумом, — на одну лишь слезинку я больше вас!».

Этим стихотворениям (так же, как, впрочем, и другим стихотворениям Бесика Харанаули) рифма не нужна, поскольку обнаженные мысли и чувства поэта рифма могла бы превратить в традиционный «музыкальный» феномен, убаюкала бы читателя, подобно колыбельной, успокоила бы его и тем самым ослабила бы силу сказанного.

Вообще слово «обнаженный» как нельзя лучше выражает сущность поэзии Бесика Харанаули: вам приходилось видеть обнаженный провод, через который проходит ток высокого напряжения? Этот «ток высокого напряжения» — неусыпная совесть, чистое и непоколебимое гражданское чувство, мужество поэта!

Вспомним стихотворение «Метаморфоза отложена», где некий служащий, уставший от долгого сидения за столом, телефонных разговоров и постоянных «Слушаю!», в конце дня, то ли затем, чтобы размять ноги, то ли, чтобы избавиться от головокружения, подходит к окну своего кабинета, смотрит вниз, на улицу, где бурлит настоящая жизнь, и вдруг безотчетно издаст стон! Это естественная человеческая реакция. Но находящийся в плену у условностей жизни или, точнее, «нежизни» служащий тут же задушит в себе проявление всяческой непосредственности (этой своей слабости), поспешно вернется к креслу, «раздавит кнопку звонка, как клопа», выпрямится и грозно вперит взгляд во входную дверь... Чуть было не произошло нечто значительное! Чуть было в человеке не проснулся человек (вспомните «Человек ли он?» Ильи Чавчавадзе!), но нет, «метаморфоза отложена». До каких пор? Да и произойдет ли она, эта счастливая «метаморфоза»?

Стихи Бесика Харанаули принципиально отличаются от стихотворений его старших и младших собратьев по перу. Это отличие не только в том, что поэт пишет верлибром. Сейчас многие пишут верлибром, но верлибр Бесика Харанаули отличается большой экономностью слов. Давайте посмотрим, чем же обусловлен подобный лаконизм. Дело в том, что сложное хитросплетение ассоциаций, которые вызывают в поэте жизненная картина или случай, дается в стихе отрывисто (отдельными периодами), порою даже непоследовательно. Поэт не считает нужным говорить обо всем, что знает, что подсказывает ему сердце. Он заостряет внимание лишь на самом главном и тем самым призывает читателя-«соавтора» самому вос-

¹ Здесь и далее переводы стихов подстрочные.

создать первоначальную картину, давшую толчок его воображению. В кратких строках стихов Харанаули порою переданы такие сложные события, заключены столь волнующие мысли, которые могли послужить предметом для отдельного рассказа. С этой точки зрения интересно стихотворение «Благословление в путь». Читатель сам должен разобраться, кому оно посвящено: адресат не указан. Стихотворение начинается с обращения:

**Тщетной оказалась мольба моя, чтоб не спешил ты
прощаться с детством. Ты подчинился самому мудрому —
природе, и вот сегодня прозвенит твой последний звонок...**

«Прозвенит звонок» — о каком звонке идет речь?.. Слуста несколько строк читаем:

Я никогда уже не провожу тебя до школьной двери...

Итак, речь о школьном звонке! И хотя «сын» нигде не упомянут, драматический финал стихотворения все объясняет — и выход в жизнь выпускника школы, и волнение отца:

**Пусть всю жизнь звонят для тебя колокола, звонит мое
сердце,
которое видит тебя, отправляющегося в путь.**

Именно это я имел в виду, когда говорил, что Бесик Харанаули уважает своего читателя! Читатель сам осмысливает стихотворение и наряду с эстетическим удовольствием ощущает радость творчества!

С этой точки зрения еще более интересна маленькая поэма «Картинки на пути бродячей собаки», где герой произведения... собака повествует о своих приключениях. В этой поэме 17 глав. Некоторые из них состоят всего из одной строки, и, представьте себе, больше и не требуется. Вот, например, полный текст одной из «глав»:

Пора взлета кур на дерево.

Это как бы время действия. Затем следует информация героя об условиях, в которых действие происходит:

**Я бегу... бегу... страх и голод — два моих крыла
несут меня.**

А что же происходит вокруг?

Тихий вечер, спокойный, ласковый, пора прогулок государственных мужей... Заложив руки за спину, они мирно беседуют о предстоящем конце человечества...

Действие происходит скачкообразно, внимание поэта фиксирует лишь главное, мелочи его не интересуют... Вот собака увидела пса и направилась к нему.

**Оказывается, целая свора кобелей следовала за ним...
Весь вечер я приглаживала шерсть...**

На каждом шагу «героя» поэмы ожидает неудача. Собака без хозяина и без крова, и единственное, о чем она мечтает, — «склонить голову на подушку луны» и заснуть, не испытывая страха.

Афористичность, парадоксальность — еще одно интересное качество поэзии Бесика Харанаули. И здесь он всецело полагается на читателя, доверяет его уму и интуиции:

Лишь трус бежит от того, что сам должен искать...
Забывая одно, мы вспоминаем другое...

Удивителен человек — убьет другого и не похоронит....

Вселенную опинет тот, кто все расскажет о себе...

Хорошо, что хотя бы искусство мучения неподражаемо....

Первый день весны — все еще зима...

Прочитав такие строки, нельзя не задуматься, отложив книгу в сторону.

Помню, однажды Акакий Хорава произнес тост в честь поэтов: «Это странный народ! Поначалу, когда поэт начинает читать стихотворение, невозможно понять, о чем он говорит. Он намекает на что-то, ходит вокруг да около главного, то отсюда подойдет, то оттуда, то с этим сравнит, то с тем, то вроде совсем отвлечется, начнет говорить о другом, а в конце совершенно неожиданно выяснится, что то, о чем говорил поэт так интересно и с таким вдохновением, — обыкновенная виноградная лоза! Ну что, кроме лозы, видели грузины, а выходит, что ничего мы о ней не знаем!»

Итак, поэзия — это новое открытие уже известного, взгляд на него под новым углом зрения! Именно об этом я и подумал, когда прочел «Уборку картофеля» Бесика Харанаули. В этом стихотворении, тема которого совершенно прозаическая, «непоэтичная» — уборка картофеля, есть все: и патриархальная любовь к родной земле, и апология матери — основы семьи и семейных отношений, и смена поколений, и счастье, которое дарит добытый в поте лица кусок хлеба, и радость жизни, и мимолетность грусти! Это — подлинная картина действительности, пронизанная нашей болью, болью горожан, оторванных от земли.

Что поделаешь, молодежь бежит из деревни, дети покидают землю, и только мать, старая мать по-прежнему охраняет старый очаг, клочок земли, имя которому Родина. Это не та Грузия, богатая «виноградными, инжирными и каштановыми деревьями». Здесь, на скудной тнанетской земле, растет только картофель, но ведь и его нужно собрать и укрыть, и он нуждается в человеке!

И вот, «...когда мы кончим дело и сложим картофель, когда вымоем руки и отряхнем одежду, когда мать направится

к кухне, когда наступит вечер и станет прохладно, я накину что-нибудь потеплее и сяду перед домом под большой яблоней. Отсюда хорошо видны наши окрестности, и я думаю о нашем дворе, который одно время, подобно родителю, самопожертвованно и щедро кормил нас и который сейчас призван лишь развлекать нас эти неполных два месяца, когда мы приезжаем в Тианети из Тбилиси...»

Однако на этом монолог лирического героя не заканчивается. Он чувствует, что если сегодня сам приезжает сюда поразвлечься, то завтра его сын и не посмотрит в сторону деревни. Что ему горстка картофеля (а быть может, и старая бабушка?).

«...Листок еще на черешке, но ветер уже в пути. И я думал о ветре, который унес меня, подобно листку. Я размышлял, спорил с собой, пока из-за калитки не раздался бодрый и радостный зов моего сына».

Как грустно звучит этот «бодрый и радостный зов!» А старая мать молчит, так как «не может с легкостью говорить ни о земле, ни о жизни, ни о зиме, ни о картофеле. Все это слишком сложно и слишком трудно».

Так заканчивается это замечательное стихотворение, которое не нуждается в излишних комментариях.

Бесик Харанаули исключительно национальная личность, он всем своим существом связан с грузинской землей и грузинскими традициями. И именно он первый так естественно овладел верлибром, этим сравнительно новым завоеванием западной поэзии. Впрочем, это и понятно: стремление к новизне — одно из главных качеств нашего национального характера. Говоря словами критика, «склонность к постоянному обновлению... не только не препятствует, а наоборот, способствует и открывает новые перспективы для последующего развития некоторых наших духовных данных... Многому нам нужно поучиться, многое нужно перенять у тех, кто пошел дальше нас на пути развития современной цивилизации... но так, чтобы не стать подражателями, чтобы не исказилась наша суть — не только колорит, не только внешняя оболочка, но, в первую очередь, сущность, природа, внутренняя конституция».

Бесик Харанаули может смело шагать по избранному им пути — ему такая опасность не грозит.

А ЗАВТРА НОВЫЙ МАРШРУТ...

ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ НА СБОРНИК РАССКАЗОВ
ЕЛЕНЫ БЫКОВОЙ «БОЛЬШАЯ ОРДЫНКА»

Начну с упрека. В адрес издателей. Есть в книге, там, где ей надлежит быть, десятистрочная, ни о чем не говорящая аннотация, и нет ни слова об авторе, о его пути к этой книге. А то, что это всегда хочет знать читатель любой хорошей, интересной книги (книга же Елены Быковой, как вы уже сами, конечно, поняли, с моей точки зрения, хорошая, интересная, иначе мой упрек издателям был бы совсем иным), издателям, разумеется, известно, и тем не менее этот свой долг перед читателем они по каким-то непонятным мне соображениям не выполнили. Может, в расчете на то, что любознательный читатель сам такую работу проделает — силой своего воображения или еще каким-то путем. Конечно, читая «Большую Ордынку», мы так или иначе знакомимся с автором, независимо от того, говорит ли и действует в рассказе он сам или только его герои. В замечательной повести Константина Лордкипанидзе «Мой первый комсомолец» есть очень точное высказывание: «... ни в одной области искусств художник так не похож на свое создание, как писатель на свою книгу... ни в какой специально написанной биографии не представлен перед читателем таким живым, настоящим, как в своих романах, повестях, стихах, хотя чаще всего он ходит по страницам этих книг незримо и неслышно, словно невидимка».

Так-то оно так, и все же...

Как человек, давно знакомый с автором «Большой Ордынки», попробую, прежде чем высказать некоторые свои краткие, и в общем не обязательные, читательские суждения и замечания по отдельным рассказам и книге в целом, хотя бы бегло, пунктирно рассказать и о самом авторе и о том, как пришел он к этой книге.

...Приехал впервые после войны в Москву, — было это в начале пятидесятых годов, — я встретился с поэтом Владимиром Луговским, которого не видел много лет. С Владимиром Александровичем у меня в предвоенные годы возникли хоро-

шие, товарищеские отношения: я бывал у него в Москве, он бывал у меня в Крыму, а в самый канун войны в «Крымские» вышла книга стихотворений Луговского под моей редакцией. И вот я снова с волнением и радостью слышу в телефонной трубке неповторимый голос Луговского и в конце разговора решительно: «Приходи сейчас же. Жду». Владимир Александрович представил мне молодую, и сразу скажу, — сейчас, когда я пишу эти строки, мне это более чем очевидно, — весьма незаурядную женщину: «Моя жена Майя Луговская». «Это поэт меня так окрестил, а в самом деле я — Елена Леонидовна». «Ты Майя. Гидрогеолог Майя», — с улыбкой возразил Луговской, и я почувствовал, что и само это слово «гидрогеолог» в сочетании с именем Майя значит для него так много... Но тут мне нечего, да и грешно что-либо свое добавлять к прекрасным лирическим стихотворениям Луговского последних лет его жизни. В них все есть и ПРО ЭТО.

...Луговские в Тбилиси. С утра до вечера мы бродим по городу. Мы — это Владимир Александрович с Еленой Леонидовной, работавший тогда в Тбилиси поэт Александр Межиров, поэт Хута Бериулава и я. В начале прогулки возник было оживленный разговор, но без участия Луговского. Я о чем-то спросил его и сразу понял — он нас даже не слышал. Я смутился, а деликатнейший Луговской, пожалуй, еще больше: «Прости, — сказал он. — Но вокруг такая красота». Мы притихли и, не сговариваясь, пропустили Луговского на шаг или два вперед, и тогда Елена Леонидовна тихо сказала мне: «Обидно, что мы помешали поэту видеть и слушать красоту». И я подумал не о чем-то возвышенном, а о самом простом, житейском: «Слава богу, повезло Владимиру Александровичу — рядом с ним теперь этот удивительный гидрогеолог, так хорошо понимающий и так глубоко уважающий молчаливую и чаще всего невидимую работу поэта».

И был тогда день в Сагурамо — в Храме грузинской поэзии. Прекрасный день. Незабываемый. Такой, что на всю жизнь. Луговской среди своих грузинских друзей, сверстников, соратников. Георгий Леонидзе, Симон Чиковани, Леван Асатиани. Какие потрясающие душу стихи прозвучали в тот день под сагурамским небом, какие слова о поэзии и поэтах... А Елена Леонидовна, гидрогеолог Майя, сидела и слушала. Нет, даже не слушала — не то слово. Внимала. Вдыхала. Это был уже не только почтительный интерес к поэзии, это была любовь. И все это заметили. И кто-то, уже не помню кто, спросил: «А вы сами не пишете, Майя?». «Пишу, — ответила Елена Леонидовна. — Диссертацию пишу, статьи для научных журналов, но в них слов мало — больше химических формул. А вот стихи или рассказы — нет. Не пробовала. И вряд ли... Увы, не дано». И тут я услышал, как Луговской сказал, тихо сказал, словно самому себе: «Кто знает... Кто знает».

...Елена Леонидовна — начальник гидрогеологической экспедиции, работающей в Восточной Грузии. Работа большая, людей и техники, как всегда, мало, а сроки, как всегда, сжатые. И требования очень высокие. Требуется московский институт, снарядивший экспедицию, требуют и заказчики — научные и

хозяйственные организации Грузии. Тогда я впервые увидел Елену Леонидовну, как говорят, «с другой стороны», впервые увидел гидрогеолога Майю — современную деловую женщину, деятеля науки, организатора этой деятельности на этом участке, который вплотную состыкован с повседневной практикой, с народным хозяйством. Наблюдая в ту пору за Еленой Леонидовной, я удивлялся, радовался, любовался. Характер мне открывался такой, что по свойству литераторской своей натуры я сразу «завелся»: «Вот бы пьесу написать о гидрогеологе Майе... Лучшие актрисы наши мечтают о такой роли». И я себе то представлял, как все это будет выглядеть на театральных подмостках, то тут же приходил к выводу, что навоображенное — такое бледное и мертвое по сравнению с тем, что я видел в действительности. Ну в самом деле, в какую, скажите, пьесу можно «загнать» этот вихрь человеческой энергии, эту бурю человеческих мыслей, дел, страстей, бурю с милым весенним именем Майя? Записал и тут же зачеркнул, а не зачеркнул бы, все равно произошло бы самоуничтожение слова «все». Так же, например, невозможно сказать о Майе: «Она отдала весь жар своей души». Весь жар?! «Вы атомный котел», — пошутил я однажды в разговоре с Еленой Леонидовной, а она тоже в шутку спросила: «Для электростанции районного значения? Или для чего побольше?» Коротче говоря, вместо зачеркнутой фразы «... все отдает работе» я записал тогда в рабочей своей тетради: «Ее на все хватает». Ее и вправду на все хватало: и на работу в экспедиции, а Елена Леонидовна тут за все была в ответе, и на собственную научную работу, и на общение со старыми друзьями и более глубокое знакомство с грузинской литературой. Богатство грузинской поэзии восхищало и радовало ее, но не менее радовали ее люди Грузии — совместная работа сблизила ее со многими крестьянами и крестьянками Кахетии, с грузинскими рабочими, специалистами, работниками науки и народного хозяйства. «Я уезжаю богачкой, душа моя полна», — сказала мне тогда Елена Леонидовна. Здесь я позволю себе привести несколько строк из статьи Георгия Маргвелашвили «Свидетельствует вещь знак...» («Литературная Грузия» № 9, 1978 г.). «С Грузией ее (Елену Быкову — Э. Ф.) связывают не только заветы Владимира Луговского, но и собственной душевной и сердечной ценой оплаченная дружба. Достаточно напомнить о тесных узах, связывающих ее с кругом Симона Чиковани, о ее вкладе в дело подготовки и издания в Москве последнего посмертного сборника Чиковани».

Посмертный сборник Чиковани... Посмертные тома Луговского... После кончины Владимира Александровича на рабочий стол Елены Леонидовны легли его записные книжки. Десятки книжек и каждая — клад за семью замками. Прежде всего книжки эти надо было прочитать, чтобы отделить опубликованное от неопубликованного, варианты и черновые подготовки от завершённых, но еще никому не известных произведений. Это была лаборатория поэта, в которую никому другому не было доступа. Луговской делал записи только для себя. Только. По системе, которую сам придумал. Елена Леони-

довна могла передать записные книжки покойного мужа в руки специалистов, и они бы не спеша, слово за словом, строчка за строчкой, шаг за шагом, месяц за месяцем... Елена Леонидовна сама проделала всю эту сложнейшую работу и сделала это же в сроки, которые не устроили бы даже группу специалистов. Специалисты только руками разводили в изумлении: «Как смогла и когда успела...» А Елена Леонидовна говорила тогда: «Нечего поэзии Луговского жить взаперти, ей как можно скорей на свободу надо, к людям. Жаль только, что я служивый человек и времени своему не полная хозяйка»... С временем ей тогда, действительно, было чрезвычайно трудно — она заведовала в своем институте большой лабораторией, а работу эту никак нельзя было назвать «сидячей» — были продолжительные экспедиции и в Сибирь, и на Дальний Восток, и в Среднеазиатские наши республики, и снова к нам в Грузию, где у гидрогеолога Елены Леонидовны уже были ученики. Но вот пошли, почти подряд, новые публикации произведений Луговского, обогащая русскую и всю многонациональную советскую поэзию. Можно назвать этот труд подвигом, можно — исполнением долга. Согласен: это и подвиг и долг исполнения с предельной самоотверженностью. Хочу только добавить, что это и причастность, такая причастность к литературе, которая уже сама по себе творчество. Это уже такое состояние, когда без творчества просто жить невозможно. Не утверждаю, разумеется, что в результате непременно должны быть стихи или художественная проза. Но почему бы и нет? Поэтому я не очень удивился, когда однажды Елена Леонидовна протянула мне небольшую рукопись и сказала: «Вот рассказ написала. «Первый маршрут». Вы не находите странным, что я написала именно рассказ?». «Нисколько. Это, на мой взгляд, вполне естественное проявление вашей причастности к литературе». «Но я хочу точно знать — это в действительности рассказ или...» Я прочитал — это был действительно рассказ. Настоящий. Это была художественная проза — настоящая. И ничем другим «Первый маршрут» уже не мог быть, ибо родился он в душе художника и рукой художника написан. Надолго запомнил я героев рассказа: начальника геологической партии Володю, микробиолога Зиновию Ивановну, коллектора Аллочку, шофера Виктора и женщину - химика, ведущую рассказ об этой экспедиции в Западную Туркмению. Рассказ «Первый маршрут» стал основой первой прозаической книги Елены Быковой. Вскоре я стал встречать в журналах стихи Майи Луговской — так Елена Леонидовна подписывает свои поэтические произведения, в знак памяти Владимира Александровича. Уже в нынешнем, 1980 году вышла в издательстве «Советский писатель» книга стихов Майи Луговской «Кольцо», и я убежден, что критики — знатоки поэзии оценят ее по достоинству. А достоинств, на мой взгляд, у этой поэтической книги немало.

Сборник рассказов «Большая Ордынка», вышедший в издательстве «Современник», — вторая прозаическая книга Елены Быковой. Мне очень по душе эта правдивая (там, где нужно, суровая, а там, где можно, — нежная) книга. Мне очень и очень по душе ее героини, наши прекрасные современницы,

на хрупкие плечи которых наша великая и грозная эпоха возложила такой непомерно тяжкий и ответственный груз, какой и атлантам, пожалуй, не под силу. А женщины наши несут его и еще нам, мужчинам, помогают — часть нашего груза, нашего, нам, мужчинам, самой природой предназначенного, на свои и без того уставшие, и без того натруженные плечи перекладывают — от жалости это, от любви, от извечной материнской заботы о нас, как бы мы не надорвались... В некоторых романах, повестях, рассказах, спектаклях и кинофильмах последних лет меня раздражают героини, этикие современные лихие амазонки-рубачки, которым все женское так якобы опротивело, что они готовы всю жизнь прожить в «брюках и в седле». В жизни так не бывает. А поскольку Елена Быкова пишет жизнь — ее героини всегда Женщины. С большой буквы — Женщины, а следовательно — они всегда и во всем настоящие люди: Писательница-художник Елена Быкова слишком хорошо знает, в чем сила и слабость ее героинь, и тут она не сфальшивит. Она знает их, потому что для нее они все сестры, подруги, товарищи. Близкие, дорогие люди, чье горе — твое горе, чьи радости — твои радости. Вот почему и нам, читателям, так близки и понятны все эти очень разные, так не похожие друг на друга женщины из рассказов Елены Быковой. Они вошли в наш мир — Ирина из рассказа «Тятя».. Инна из рассказа «Урок музыки», вместе с автором мы оплакиваем невезучую погибающую Аню из рассказа «Анна Каренина из Черноморки» и восхищаемся силой любви, преданности и человеческой стойкости двух сестер из рассказа «Колесо». Елена Быкова любит своих героинь и вполне доверяет им (в рассказах сборника, они, героини, всегда мыслят и действуют без подсказки автора), так доверяет, что бывает, как говорят, и перебор доверия. Так, в рассказе «Триптих» молодая героиня произведения Леночка явно подводит свою создательницу. Эта Леночка — невероятная лгунья и убежденная бездельница, но автор почему-то считает, что она способна и на беспощадный суд над собой, и на самоосуждение, — а это, как известно, уже прямой путь к нравственному возрождению. Но, увы, такие люди, как Леночка, не могут, а главное, не хотят судить самих себя (других — с охотой, с удовольствием) и тем более выносить себе суровый приговор. Вот тут и подвело автора доверие, но я считаю — пусть лучше нас подводит доверие, чем недоверие к человеку.

Нашему автору, о пути которого к сборнику «Большая Ордынка» я попытался в этой статье написать, есть что сказать людям. И есть необходимость сказать. А это значит, что будут еще книги и у прозаика Елены Быковой и у поэта Майи Луговской. Много хороших книг.

06.19359420
51220101033

В ГОРАХ МОЕ СЕРДЦЕ

Тиги Хорнаули хорошо знает трудную жизнь далеких деревень, затерянных в горах Кавказа, жизнь такой «глубинки», где на предвыборных собраниях на столе председателя горят керосиновые лампы, где дети — воспитанники интерната — мечтают о поездке в город, как о сказочном празднике. И этот живой, интересный материал автор воспроизводит в своих рассказах трезво и сурово, без любования экзотикой и стариной, присущих многим рассказам о горах. Г. Хорнаули остро чувствует конфликт между старыми патриархальными обычаями своих героев и новой жизнью, стремительнорывающейся в горы. Иногда этот конфликт принимает гротескную, почти анекдотическую форму, что, однако, не лишает его глубины и серьезности.

Вот, к примеру, один из лучших рассказов сборника — «Швинтвила». «Швинтвила» — «трясогузка» — это прозвище героини рассказа Тины. В старое славное хевсурское село, известное верностью патриархаль-

ному укладу, родовой общностью жителей и многими другими «общинными» достоинствами, судьба заносит молодую хорошенькую женщину — Тину. Ее взял в жены пожилой вдовец Иванэ, просто привез из города, куда он ездил на рынок, и поселил у себя. Поначалу Тина проявила себя как примерная хозяйка и образцовая жена. Но, прибрав к рукам дом и мужа, она постепенно разошлась, распустилась, загуляла, пошла, что называется, по рукам, позоря и своего мужа и его родню.

Вот умирает муж Тины — Иванэ, и нет последних слабых сдерживающих тормозов. Тина получает полную волю. Уже из-за нее по селу пошли драки, поножовщина между ее любовниками и родней мужа. Тогда село — мир — по старому патриархальному обычаю решает прервать с ней всякое общение — «отсечь» от мира. Хевисбери — старейшина — проводит весь ритуал «отсечения». Хотя на какое-то время исполнение старинного сурового ритуала объединило людей, все же чувствуется, что он — этот ритуал — лишен жизни, что все это похоже на игру... И в самом деле — затея с «отсечением» провалилась: Тина лишь повеселилась на этом сборище, а многие соседи вскоре почувствовали какую-то неловкость перед ней. Но она, эта «трясогузка», продолжает порхать по горским селам, развращая

уже не мужчин, а юных парнишек...

Проблема поставлена остро, порою даже кажется — огрубленно. Но рассказ от этого только выигрывает. Тем более, что в психологических мотивировках, в диалогах, в портрете героини — во всех компонентах писатель точен. Охваченный негодованием, он все-таки сохраняет чувство юмора, который привносит в рассказ новые оттенки — в этом смысле особенно хороша сцена предвыборного собрания в школе-четырёхлетке с усталыми, насмешливыми репликами горцев и демагогическими речами товарища из райкома.

Этот рассказ отразил круг интересов писателя, показал его творческие возможности.

В других рассказах сборника он остается верным любимой теме и дорогому, до мелочей знакомому материалу.

В рассказе «Узкая тропинка» юный пастух мечтает поступить в университет, но нехватка рабочих рук не позволяет председателю отпустить его в Тбилиси до начала экзаменов. В этом рассказе особенно хороша первая половина — жизнь в горах, развлечения и разговоры доярок, мечты юного Мамуки. Эпизоды на экзаменах в университете несколько описательны, отдают очерковостью.

Интересны два рассказа о воспитанниках школы-интерната в горах: о сироте Тутти, умершей от чахотки

(какими весомыми, мужественными и горькими словами заканчивает автор свой рассказ!), и о мальчике Гаге, мечтающем поехать на экскурсию в город, но не имеющем для этого маломальски приличной одежды, хотя он не сирота: его отец — зоотехник по профессии — хорошо зарабатывает.

Автор словно намеренно избегает романтически-приподнятых сюжетов о горцах, еще недавно популярных в грузинской литературе. Он пишет правду, нередко горькую — но правду. В этом большое достоинство его рассказов.

Наименее удачным оказался мне рассказ «Кориа», давший название сборнику. В нем знаменитый, еще не старый охотник Кориа кончает жизнь самоубийством, и писатель как бы намекает на то, что причиной самоубийства явилась его профессия, осознание того, что он всю жизнь уничтожал живую красоту лесов — медведей, оленей, туров... Тут в самом замысле видится некая заданность, искусственность. Охрана животных — благородное дело, но литературные «гомункулы» не способны защитить живую красоту лесов.

Достоинство сборника Г. Хорнаули — в доподлинном знании материала, в чувстве ответственности, с которым писатель взялся за перо, в его зоркости и искренности.

А. Э.

С приходом к власти администрации Дж. Картера во второй половине 70-х годов в политике США на международной арене наметился резкий отход от разрядки международной напряженности в сторону конфронтации, усилились военно-интервенционистские методы в американской внешней политике.

Империалистические круги США предпринимают попытки всеми средствами задушить национально-освободительные и демократические движения в разных странах мира, не допустить победоносного шествия социализма, выступают в роли международного жандарма.

Наглядным примером тому служит политика США в Латинской Америке, которой посвящена настоящая статья.

Георгий СТУРУА

США — ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: ПРОТИВОРЕЧИЯ НЕПРИМИРИМЫ

В последние годы в международной жизни произошли глубокие изменения исторического значения, которые оказывают и будут оказывать в дальнейшем еще большее воздействие на судьбы мира и прогресса. Эти перемены, вызванные изменением в соотношении сил на мировой арене в пользу социализма, сказываются на политической, экономической и социальной жизни не только отдельных стран, но и целых регионов. С большой силой они проявляются в Латинской Америке, которая представляет собой арену упорной борьбы между силами демократии, социального прогресса и революции, с одной стороны, и реакции империализма и контрреволюции — с другой. Империализм и местная реакция пытаются затормозить борьбу латиноамериканских народов против империалистического гнета международных монополий, в первую очередь монополий США, и местной буржуазно-помещичьей олигархии.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, характеризуя обстановку на латиноамериканском континенте, говорил: «Были в Латинской Америке замечательные взлеты освобо-

дательной борьбы, героические подвиги и победы. Но были и поражения, кровавые расправы с патриотами и революционерами».¹

В сложившейся обстановке особое значение имеют сдвиги, происходящие в отношениях между ведущей империалистической державой — США и странами Латинской Америки.

Налицо стремление латиноамериканских стран к экономической независимости, осознанию новой роли в мировой политике, стремление проводить самостоятельную внешнюю политику. Член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, оценивая роль и место Латинской Америки в современных международных отношениях, в своей речи на XXXIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН сказал: «Обратимся еще к одному континенту — Латинской Америке. Его роль в мировых делах растет, и что особенно примечательно, латиноамериканские страны стремятся во все большей мере говорить самостоятельным голосом. Соответственно расширяются возможности для сотрудничества с этими странами государств других частей света. Это положительный и важный фактор в международной жизни».²

Об этом явлении открыто заявляют и западные ученые, констатируя, что «несмотря на тесные связи с Соединенными Штатами, Латинская Америка солидаризируется с «третьим миром». Эта тенденция усиливается в последние годы. Правительства латиноамериканских государств, какова бы ни была их политическая окраска, пытаются расширить свою торговлю с Советским Союзом и другими коммунистическими странами с целью уменьшения своей зависимости от Соединенных Штатов. Значительно расширилась торговля со странами Западной Европы и Японии».

К середине 70-х годов вся система отношений США с латиноамериканскими государствами оказалась в состоянии острейшего кризиса, начало которому положила кубинская революция. Победа кубинской революции ознаменовала коренной поворот в исторических судьбах континента. Она нанесла сильный удар по позиции американского империализма, вдохновила народы на борьбу, сокрушила теорию «географического детерминизма», согласно которой страны латиноамериканского региона в силу географической близости с США якобы обречены на зависимость от могущественного северного соседа.

На состоянии отношений между США и Латинской Америкой сказываются прогрессивные процессы в других латиноамериканских странах.

Нынешний этап отношений между США и странами региона характеризуется серьезным обострением противоречий, сохраняющихся вот уже несколько десятилетий. В двусторонних отношениях все более усугубляются политические, военные и экономические проблемы, причем последним государства Латинской Америки придают все большее значение. Глубокий кризис пе-

1 Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. т. 4., с. 406. Политиздат. 1975 г.

2 А. А. Громыко. «Во имя торжества ленинской внешней политики. Избранные речи и статьи». Политиздат, М., 1978 г., с. 570.

реживает межамериканская система и ее детище — Организация американских государств (ОАГ) — созданная под эгидой США в 1948 году. Следствием этого являются выступления многих стран региона за реорганизацию не только структуры ОАГ, но и межамериканской системы в целом, борьба за создание межлатиноамериканской организации.

Архитекторы политики Вашингтона явно недовольны появлением в последние годы определенных тенденций в направлении нового регионализма и большего самосознания, наблюдающихся среди руководящих деятелей стран Латинской Америки.

«Латиноамериканские политические руководители стали реалистически смотреть на межамериканскую систему и Соединенные Штаты и на то, что от них обоих можно ожидать» — отмечал известный американский дипломат и ученый Джеймс Тебердж на слушаниях в подкомиссии по Западному полушарию конгресса США в 1978 году.

Возрастание экономического потенциала региона, расширение международных контактов стран континента и определенное ослабление зависимости от США, растущая солидарность латиноамериканских стран с развивающимися государствами Азии и Африки, ее прогрессивная роль в ООН, борьба за новый международный экономический порядок, все более активная внешняя политика этих государств, направленная на развитие отношений со всеми странами, включая социалистические, являются свидетельством ослабления гегемонистской политики империализма США в отношении своих южных соседей.

В условиях разрядки международной напряженности складывается новая политическая обстановка в Западном полушарии, появляются новые факторы в межамериканских отношениях, свидетельствующие об ослаблении зависимости стран Латинской Америки от США, об укреплении ее позиций на международной арене. Тем не менее Вашингтон стремится во что бы то ни стало сохранить страны Латинской Америки и Карибского бассейна в орбите мирового капиталистического хозяйства, еще теснее привязать их к своим политическим, экономическим и военным структурам. Это обстоятельство важно еще и в силу того, что в 70-е годы для США значительно возросла роль региона как источника многих сырьевых ресурсов и сельскохозяйственных товаров. Так, на долю региона приходится 100 процентов американского импорта бананов, 99 процентов — олова, 96 процентов — бокситов, 88 процентов — ниобия, 80 процентов — нефтепродуктов, 68 процентов — кофе и др. Значительно возросла и торговля между США и странами Латинской Америки, что выдвинуло последние в торгово-экономических отношениях с США на первое место среди развивающихся стран.

Однако за последние годы наблюдается отход стран Латинской Америки от односторонней ориентации на США и развитие торгово-экономических связей со странами Западной Европы, а также с социалистическими государствами.

В 70-е годы произошли серьезные изменения и в сфере военных отношений между США и Латинской Америкой. Сими-

томо́м ослабления гегемонии США явился отход многих государств региона от исключительной ориентации на Соединенные Штаты. В частности, это нашло свое проявление в резком падении доли США в общем объеме закупок латиноамериканскими странами вооружений за рубежом. Если в период 1945—1946 годов более 70 процентов вооружений страны Латинской Америки приобретали в США, то в 1966 — 1976 годы показатель снизился до 30, а в 1977 году составил всего 15 процентов.

Действие вышеуказанных и ряда других факторов привело к ослаблению господствующего положения США в Западном полушарии. Поэтому определенные части правящих кругов США стали призывать Белый дом произвести переоценку всего комплекса политических, военных и торгово-экономических отношений со странами региона.

Пришедшая к власти демократическая администрация Картера провозгласила свой «новый подход» к латиноамериканским странам, что явилось свидетельством резкой активизации латиноамериканской политики Вашингтона.

Первые месяцы пребывания у власти правительства демократов ознаменовались активными политическими контактами. Первым иностранным руководителем, принятым в Белом доме, был президент Мексики Лопес Портильо. Участились визиты руководящих деятелей Соединенных Штатов в страны Латинской Америки. Так, например, за период с 1977 по 1979 годы в латиноамериканских странах побывали такие высокопоставленные политические деятели нынешней администрации, как вице-президент Уолтер Мондейл, экс-госсекретарь США — Сайрус Вэнс, бывший представитель США в ООН — Эндрю Янг, зам. госсекретаря США — Уоррен Кристофер и другие.

Характерно, что в первые же годы нахождения у власти президент Картер трижды отправлялся в страны Латинской Америки (Венесуэлу, Бразилию, Панаму, Мексику). Отмечая активизацию политики Белого дома и ее хозяина на латиноамериканском направлении, бывший посол США в Никарагуа Джеймс Тебердж, выступая в подкомиссии по Западному полушарию комиссии по иностранным делам Сената США, говорил, что «...немногие президенты (имеются в виду президенты США — Г. С.) уделяли большее внимание Латинской Америке и выражали больший личный интерес и заботу к региону, чаще посещали Организацию американских государств или посылали высокопоставленных деятелей администрации в страны региона в первые два года нахождения у власти, чем президент Картер. Ни одному президенту, — продолжает он, — не удалось заключить более важных двусторонних договоров за последнее время, чем два договора о Панамском канале, которые передают контроль над Панамским каналом Панамской республике».

«Однако, — добавляет он, — ни одна администрация США после Второй мировой войны так не отчуждалась от латиноамериканских правительств, не создавала столько трений и напряженности в отношениях между США и Латинской Америкой». Это несомненно говорит о противоречивости латиноамериканской политики США.

риканской политики Дж. Картера, что в свою очередь ведет к негативному отношению латиноамериканцев к подобному курсу.

На чем же основывался «новый подход» правительства демократической партии в отношении своих южных соседей? Дело в том, что важную роль в формировании латиноамериканского курса правительства демократов сыграли рекомендации специально созданной комиссии по вопросам отношений между Соединенными Штатами и Латинской Америкой во главе с известным деятелем демократической партии, бывшим представителем США в ОАГ Солом Линовицем. Эта комиссия представила рекомендации Картеру в декабре 1976 года, за месяц до его вступления в Белый дом.

Отправным моментом этого документа является утверждение, что Латинская Америка достигла определенной степени независимости от Соединенных Штатов. В качестве доказательства авторы ссылались не только на вполне очевидный пример Кубы, но и главным образом на те правительства, которые, несмотря на прочные экономические связи с Соединенными Штатами, не поддерживают их уже по целому ряду важных международных вопросов. Так, например, Мексика голосовала в ООН за резолюцию, осуждающую сионизм. Бразилия признала правительство Анголы. Аргентина решительно осудила решение администрации США о производстве нейтронной бомбы. Большинство государств Латинской Америки выступает за разоружение, разрядку и сотрудничество со всеми странами мира, независимо от социально-экономической системы.

Комиссия также призвала Белый дом «заменить традиционный патернализм и так называемые «особые отношения», характерные для политики США в прошлом, новыми отношениями, основанными на взаимном уважении и решимости совместно решать общие проблемы».

Основное внимание было сосредоточено на таких проблемах, как проблема Панамского канала и права человека, американо-кубинские отношения, экономические отношения со странами региона, нераспространение ядерного оружия и передача передовой технологии латиноамериканским странам. Из всего комплекса этих сложных проблем центральным вопросом, с которым предстояло столкнуться Картеру после прихода к власти, по мнению «комиссии Линовица», должен был стать вопрос о предоставлении Панаме суверенитета над зоной канала.

К скорейшему заключению и ратификации новых договоров с Панамой администрацию Картера призывали и трезво мыслящие деятели США. Так, влиятельный сенатор-демократ Дж. Макговерн в своем докладе по итогам поездки в ряд латиноамериканских стран, представленном сенатской комиссии по иностранным делам, говоря об отрицательных последствиях затягивания решения панамской проблемы, отмечал, что «США такими действиями не только вызовут враждебное отношение к себе со стороны панамского народа, но и могут оказаться осужденными мировым общественным мнением». Вместе с тем, во многих странах Латинской Америки ширилось движение солидарности с борьбой Панамы. О своей поддержке требований народа Панамы об установлении юрисдикции этой страны над

зоной Панамского канала заявляли многие лидеры стран региона, в первую очередь Мексики, Колумбии, Венесуэлы, Коста-Рики, Перу, Ямайки и др. О необходимости скорейшего заключения Соединенными Штатами нового договора на канале говорилось и в послании, направленном президенту США в январе 1977 года главами государств Мексики, Колумбии, Коста-Рики, Никарагуа, Перу, Сальвадора и Панамы. Все это вынудило администрацию Картера пойти на пересмотр старых соглашений и заключение новых договоров.

7 сентября 1977 года в здании Организации американских государств в Вашингтоне президент США Дж. Картер и глава панамского правительства генерал О. Торрихос подписали два договора (Договор о Панамском канале, или основной договор, и Договор о постоянном нейтралитете и режиме Панамского канала), согласно которым предусматривается устранение американского присутствия и передача канала под контроль Панамы после 2000 года. Хотя борьба за деколонизацию не была завершена, ибо Вашингтон получил право на односторонние действия в целях обеспечения нейтралитета канала после 2000 года, панамский народ, прогрессивные силы добились серьезной победы.

Новые договоры представляют собой важную веху в освободительной борьбе не только панамского народа, но и народов всей Латинской Америки. Поддержка новых договоров панамским народом проявилась в ходе всеобщего референдума в октябре 1977 года, когда 66 процентов его участников высказалось за их одобрение.

Вместе с тем следует отметить, что США, подписав договоры, не очень спешили с их ратификацией, 7-месячные острые дебаты в сенате США яркое тому подтверждение. Тем не менее под давлением прогрессивной общественности и ввиду реалистической позиции, занятой некоторыми видными членами американского конгресса, сенат ратифицировал в апреле 1978 года договоры о Панамском канале. Однако при этом были внесены определенные поправки, которые сохранили за США право на одностороннее вооруженное вмешательство якобы в целях поддержания канала «открытым» для судоходства. Ясно, что таким образом США резервируют за собой право на вмешательство во внутренние дела Панамы.

Все это говорит о том, что хотя новые договоры были ратифицированы сенатом США и вступили в силу 1 октября 1979 года — проблема Панамского канала полностью не урегулирована. Прогрессивные силы Панамы и всей Латинской Америки выступают за полный суверенитет панамского государства на всей территории страны, против использования зоны канала Соединенными Штатами в своих империалистических целях.

Во второй половине 70-х годов Вашингтон провозгласил кампанию по «защите прав человека». Острие этой пропагандистской кампании было безусловно направлено против Советского Союза и других социалистических стран. Однако для придания видимости «объективности» в проведении этой политики нынешняя администрация выступила с умеренной кри-

тикой в адрес некоторых латиноамериканских диктатур. Выступая перед постоянным Советом организации американских государств в апреле 1977 года в Вашингтоне, Картер прямо заявил, что в «новом подходе его администрации центральное место займет концепция защиты прав человека». Очевидно, что, выдвинув этот лозунг, Белый дом стремится создать более широкую социальную базу своей политике в Латинской Америке, укрепить существующие государства «представительной демократии» (Венесуэла, Мексика, Коста-Рика) и побудить репрессивные режимы к модернизации, основная суть которой заключается в необходимости окружить себя внешними атрибутами буржуазной демократии, чтобы не допустить прихода к власти действительно демократических и прогрессивных сил.

Следует отметить, что многие латиноамериканские государства встретили в штыки пропагандистскую кампанию «защиты прав человека» администрации Картера, в результате которой Вашингтон был вынужден словесно осудить диктаторские режимы региона, что вызвало серьезные трения в отношениях между США и их южными соседями. Более того, ряд латиноамериканских государств отказался от военной и экономической «помощи» США, а Бразилия денонсировала двусторонний договор о военной помощи 1952 года и ряд военных соглашений. Характерно, что некоторые латиноамериканские страны даже вступили в контакты между собой с целью противодействия этой пропагандистской кампании Вашингтона, что особенно проявилось в ходе специального совещания, состоявшегося в городе Монтевидео (Уругвай) в мае 1977 года, где представители Аргентины, Бразилии, Боливии, Чили, Парагвая, Перу и Уругвая рассмотрели вопрос о разработке общей стратегии против политики президента Картера в области «прав человека». В этой связи уместно вспомнить и 7 сессию Генеральной ассамблеи ОАГ (июнь 1977 года), где американскую делегацию возглавлял бывший госсекретарь США С. Вэнс. Одно из центральных мест на этой сессии занял вопрос о правах человека. Так, призывая к усилению деятельности комиссии ОАГ по правам человека, «глава делегации США совместно с представителями Венесуэлы, Коста-Рики и Доминиканской Республики внес резолюцию, в которой предусматривалось увеличение бюджета комиссии, право комиссии совершать инспекционные поездки и обязанность государств — членов ОАГ оказывать ей содействие и поддержку».

Так как ряд государств с военными режимами воспрепятствовал принятию резолюции, в резкой форме осуждавшей нарушение прав человека в ряде стран так называемого Южного конуса, то осуждение диктаторских режимов носило в резолюции декларативный характер, соблюдение основных прав и свобод человека признавалось «сугубо внутренним делом каждого государства».

Итоги 7 сессии Генеральной ассамблеи ОАГ показали, что проблема «прав человека» находит понимание и отклик среди некоторых латиноамериканских стран. Однако большинство латиноамериканских правительств небезосновательно относятся к политике «защиты прав человека» как к новой форме вмешательства США во внутренние дела их государств.

В отличие от концепции «защиты прав человека», проповедуемой правящими кругами США, «многие латиноамериканские государства считают основными такие права человека, как право на жилище, работу и достойное существование».

Разглагольствуя о «защите прав человека», США на деле оказывали и оказывают военную и финансовую помощь реакционным антинародным режимам в таких странах, как Парагвай, Чили, Уругвай, Гаити, сомосовская Никарагуа, Гватемала, Сальвадор. Правящие круги США и Пентагон активизировали свою политику в отношении Боливии, после реакционного переворота в июле 1980 года, совершенного военными, свергнувшими конституционное правительство Лидии Гейлер и развязавшими в стране жесточайший террор в отношении демократических сил.

Администрация Картера утверждает, что проводимая ею кампания «защиты прав человека» привела к улучшению положения в этой области в Латинской Америке. При этом она ссылается на то, что ныне поступает меньше сообщений о пытках и бесследном исчезновении людей, а также на заявления ряда военных режимов о намерении восстановить в своих странах гражданское правление. Однако эти «улучшения» не поддаются проверке.

Все это является свидетельством того, что кампания в «защиту прав человека» не только дала трещину, но и привела к обратным результатам, явилась как бы бумерангом, бьющим по самим США. Многие иностранные наблюдатели стали задавать вопрос: «А как насчет Чили, Парагвая или Бразилии?» Очевидно, что без американской военной, экономической и политической помощи антинародные, реакционные режимы в Чили, Парагвае, Гаити и других странах Латинской Америки не могли бы оставаться у власти. По свидетельству американского журнала «Нейшн», только Чили получила от США в 1977 году оружия на сумму 57 млн. долларов и примерно на такую же сумму в 1978 году.

Характерным является также тот факт, что администрация Картера не препятствует деятельности американского частного капитала в странах, где грубо попираются права человека. Например, объем частных американских займов режиму Пиночета в 1976 году равнялся 520 млн. долларов, а в 1978 году перевалил за 1 млрд. долларов. Все это является свидетельством непоследовательности США и двойственной позиции Вашингтона в проведении политики «защиты прав человека».

Значительное место в докладе комиссии Линовича отводилось Кубе и кубино-американским отношениям. Делался вывод о том, что политика изоляции Кубы потерпела полный провал и что в интересах США было бы «начать процесс нормализации отношений с Кубой, который должен быть постепенным и взаимным».

Однако, по замыслу авторов доклада, до начала переговоров администрация должна была выдвинуть предварительные условия, касающиеся политики Кубы в Африке, в Центральной Америке, а также возмещения убытков, понесенных в результате национализации собственности США, что представляло

собой не что иное, как вмешательство во внутренние дела суверенного государства.

Что касается экономических отношений между США и регионами, то здесь делался упор на необходимость рассмотрения и решения существующих проблем не на двусторонней основе, а в рамках диалога «Север—Юг» (переговоры между развитыми капиталистическими странами и развивающимся миром), в области торговых отношений было рекомендовано конгрессу отменить дискриминационную поправку к Торговому закону 1974 года, которая исключила из генеральной системы преференций латиноамериканские страны — члены ОПЕК (Эквадор, Венесуэла).

Таким образом, учитывая рекомендации комиссии Линовица, а также результаты специальных слушаний в конгрессе США, посвященных межамериканским отношениям, администрация Картера выдвинула в качестве основных принципов своей латиноамериканской политики: 1) невмешательство во внутренние дела стран региона и уважение их суверенитета, 2) борьбу в «защиту прав человека» и 3) отказ от регионального подхода к решению экономических проблем.

С приходом к власти демократической администрации в ее политическом курсе наряду с элементами преемственности появились и некоторые новации. Одной из таких стала тенденция к расширению и углублению двусторонних отношений между США и отдельными республиками Латинской Америки. Президент Картер подчеркивал, что «единая политика США в отношении стран Латинской Америки и Карибского бассейна не имеет смысла» и что «США будут учитывать разнообразие и возможности каждой страны»¹. Следуя «дифференцированному подходу», разработанному республиканской администрацией, правительство демократов стремится обеспечить экономические и политические интересы США путем выборочного поощрения отдельных партнеров в Западном полушарии². В этой связи представляются несомненно заслуживающими внимания отношения между Соединенными Штатами и Бразилией — самым крупным государством Латинской Америки, занимающим по населению (120 млн. человек) 6-е место в мире.

Именно Бразилия, ставшая в 70-е годы одним из крупнейших торговых партнеров США в развивающемся мире, выступила в роли «привилегированного союзника» США в Латинской Америке.

Однако, если конец 60-х годов и первая половина 70-х характеризовались довольно стабильными и тесными отношениями, то вторая половина 70-х годов привнесла в американо-бразильские отношения значительные трения военно-политического и торгово-экономического характера, что привело к «охлаждению традиционных связей между двумя крупнейшими государствами Западного полушария».

Придя к власти, администрация Картера дала понять, что

¹ Цит. по «США и Латинская Америка». Изд. «Наука», М., 1978 г., с. 191.

² Там же, с. 191.

она не будет продолжать политического курса республиканцев в отношении Бразилии. Сам Картер весьма скептически отзывался о «Меморандуме взаимопонимания», подписанном в феврале 1976 года в ходе визита Г. Киссинджера в Бразилию и «предусматривающем проведение межправительственных консультаций по международным проблемам...»¹, хотя следует заметить, что США по-прежнему делают ставку на Бразилию как на проводника империалистической политики Вашингтона в регионе. Сильный удар по гегемонистским планам правящих кругов США нанесло заключение 27 июня 1975 года ядерного соглашения, в соответствии с которым монополии ФРГ должны построить до 1985 года 8 крупных АЭС (атомных электростанций) мощностью по 1300 тыс. квт каждая, завод по обогащению природного урана и установку по регенерации ядерного топлива, что несомненно приближает Бразилию к возможности в скором времени стать членом «ядерного клуба».

Заключение этого соглашения вызвало бурную реакцию правящих кругов США. Газета «Нью-Йорк таймс» в своей редакционной статье охарактеризовала это соглашение как «безрассудный шаг, который может привести к усилению гонки ядерных вооружений в Латинской Америке и к ядерному вооружению еще 6 государств региона, что в свою очередь представляет собой угрозу безопасности Соединенных Штатов и всего мира в целом», тем более, что, уклоняясь от участия в Договоре о нераспространении ядерного оружия, бразильские правящие круги не скрывают своих амбиций в стремлении стать ядерной державой.

Такая реакция США не могла не вызвать недовольства и противодействия со стороны бразильских правящих кругов, что естественно углубляло характер американо-бразильских противоречий. В свою очередь, недовольство высказывалось и в самих Соединенных Штатах, особенно среди тех монополистических кругов, которые имеют значительные экономические интересы в Бразилии. Влиятельные круги США потребовали от администрации Картера более гибкой политики в отношении Бразилии, приспособления к сложившимся в стране реалиям.

В результате этого администрация Картера предприняла усилия по налаживанию американо-бразильских отношений, достигших в 1977 году особой остроты, в том числе вследствие обвинения, выдвинутого США бразильскому режиму в нарушениях «прав человека» внутри страны.

В июне 1977 года Бразилию посетил госсекретарь США С. Вэнс. Им была выражена поддержка «меморандума взаимопонимания» от 1976 года, регулирующего механизм консультаций между двумя государствами. А в марте 1978 года состоялся визит президента Дж. Картера. В ходе него такие спорные вопросы, как проблема «прав человека» и проблема ядерного соглашения с ФРГ, фактически были сняты с повестки дня переговоров с бразильским руководством.

¹ «Латинская Америка», № 4, 1980 г., с. 67.

Таким образом, анализируя состояние американо-бразильских отношений во второй половине 70-х годов, можно сделать вывод, что несмотря на имеющиеся между ними разногласия по ряду вопросов, американские правящие круги по-прежнему делают ставку на Бразилию в политическом, военном и экономическом плане, как на «жандарма» Латинской Америки.

Важное место в стратегии США занимает другой гигант Латинской Америки — Мексика.

Курс на развитие дружественных отношений с другими странами мира, в том числе со странами социалистического содружества, снискал ей огромный авторитет как в регионе, так и на международной арене. Мексика, проводя активную внешнюю политику, выступает с прогрессивной позиции по многим глобальным проблемам современных международных отношений. Борьба за разрядку и разоружение, за установление нового международного экономического порядка, в защиту суверенного права развивающихся стран использовать свои природные ресурсы в национальных интересах способствует укреплению ее престижа в мировом сообществе.

Но в то же время, подобно другим странам Латинской Америки, Мексика с ее богатыми природными ресурсами продолжает оставаться объектом экспансионистской политики монополий США. Кроме того, Соединенные Штаты являются главным торговым партнером Мексики, что также усугубляет зависимость последней от могущественного «северного соседа». Так, в 1979 году две трети всего ежегодного экспорта Мексики направлялось в Соединенные Штаты, а доля США в ее импорте составила 63 процента. Такое экономическое развитие Мексики завело ее в тупик беспрецедентной экономической и финансовой зависимости от иностранного монополистического капитала, от транснациональных корпораций (ТНК). Внимание «большого бизнеса» США к Мексике особенно возросло с открытием там в 1978 году крупнейших месторождений нефти и газа. По официальным данным, разведанные запасы «черного золота» в Мексике исчисляются в настоящее время в 40 млрд. баррелей (1 баррель = 159 литрам), а потенциальные — свыше 200 миллиардов. Это может сделать Мексику одним из самых крупных экспортеров нефти в мире наряду с такими странами как Иран, Саудовская Аравия и Нигерия.

В свете последних событий в мире расширение поставок мексиканской нефти приобретает для США особенно важное значение, учитывая географическую близость к ним ее источников.

«По мере возрастания напряженности на Ближнем Востоке увеличивается привлекательность мексиканской нефти», — пишет английская «Файненшл таймс», а американский журнал «Форин афферз», отмечая заинтересованность правящих кругов США в импорте нефти из Мексики, утверждает, что «к середине 80-х годов Мексика может стать крупнейшим торговым партнером США...» Все это несомненно повышает роль Мексики как во внешнеполитической, так и во внешнеэкономической стратегии Вашингтона.

В этих условиях администрация Картера настойчиво добивается подписания долгосрочного соглашения о поставках нефти и газа на выгодной для монополий США основе, с целью превращения Мексики в резерв энергетического сырья на ближайший и долгосрочный периоды времени.

Именно достижению этой цели был посвящен трехдневный визит президента Картера в Мексику в феврале 1979 года, в ходе которого, по мнению официальных лиц Вашингтона, американский президент должен был постараться «...убедить мексиканцев в том, что Соединенные Штаты не только их лучший торговый партнер, но и самый близкий друг, а также восстановить чувство взаимного доверия и сотрудничества».

Центральное место на переговорах заняли такие вопросы, как расширение поставок мексиканской нефти и газа в США, проблемы иммиграции¹, торговые отношения между Соединенными Штатами и Мексикой. В ходе них президент Картер безуспешно пытался оказать нажим на Л. Портильо с целью обсудить нефтяной вопрос в отрыве от общих проблем, существующих в двусторонних отношениях, что естественно не могло не вызвать противодействия мексиканской стороны, которая стремилась обсудить весь комплекс отношений между США и Мексикой.

Как видно из опубликованного совместного коммюнике, Мексика не поддавалась нажиму. Соглашения по главным вопросам и прежде всего о значительном увеличении поставок нефти и газа в США не были достигнуты. Глава государства Мексики высказался против увеличения нефтедобычи сверх запланированного уровня. «... Лопес Портильо, — отмечал американский журнал «Тайм», — дал понять Вашингтону, что нефтяная политика Мексики (в частности поставки нефти Соединенным Штатам) будет определяться, исходя из национальных интересов и зависеть от решения других острых проблем, сохраняющихся в американо-мексиканских отношениях».

Таким образом, Мексика еще раз продемонстрировала свою приверженность принципам независимости, справедливости и равенства в политических и торгово-экономических отношениях между государствами.

На рубеже 70-х и 80-х годов Центральная Америка и Карибский бассейн стали ареной важных перемен, имеющих огромное значение для судьбы всего латиноамериканского континента. Эти перемены, вызванные нарастанием национально-освободительных и демократических движений, нанесли серьезные удары гегемонии США и их приспешников в регионе, привели к образованию новых независимых государств.

Главным же событием в этой части Западного полушария явилась победа никарагуанской революции, свергнувшей антинародную тиранию Сомосы, с помощью США правившего страной более 4-х десятилетий.

¹ Предметом острых разногласий между США и Мексикой является проблема иммиграции. Ежегодно около 1 млн. мексиканских сезонных рабочих, «брасерос», нелегально переходит границу между США и Мексикой в поисках заработка.

17 июля 1979 года президент Анастасио Сомоса Дебайле покинул свой «бункер» в Манагуа и бежал в Майами (США) с награбленным имуществом. Вместе с ним бежало все руководство национальной гвардии, которая прекратила свое существование через 24 часа. Таким образом, закончилась эра более чем 40-летнего семейного господства одного из самых жестоких и деспотичных диктаторских режимов в современной истории Латинской Америки.

Никарагуанская революция, движущими силами которой были самые широкие слои населения страны, оказала глубокое воздействие на всю систему международных отношений в Западном полушарии. В те горячие июльские дни Чарльз Краузе писал в газете «Вашингтон пост», что «ни одно политическое событие с времен триумфа Фиделя Кастро в 1959 году не оказало столь сильного влияния на страны к югу от Соединенных Штатов, как победоносное вступление партизан в Манагуа». И на самом деле, победа патриотических сил Никарагуа, ведомого Сандинистским фронтом национального освобождения (СФНО)¹, в кровопролитной борьбе против режима Сомосы не только открыла светлую страницу в истории многострадального народа этой страны, но и явилась крупнейшим событием в жизни всего латиноамериканского континента.

С приходом к власти 19 июля 1979 года Временного демократического правительства национального возрождения начался процесс восстановления страны. Сомоса оставил тяжелое наследие. После 18 месяцев войны было уничтожено 90 процентов экономического потенциала страны. В результате кровопролитных боев в Никарагуа по данным Генерального секретаря ООН погибло 45 тысяч человек, 160 тыс. получили ранения, несколько сотен тысяч людей остались без крова. Страна переживала острейший экономический кризис. Инфляция составила 60 процентов, безработица достигла 32 процентов в городах, превысила 50 процентов в сельской местности, где проживает большинство населения. Генерал Сомоса оставил в государственной казне 3,5 млн. долларов и внешний долг в 1,5 млрд. долларов, — констатировал орган деловых кругов США «Уоллстрит джорнэл».

Поэтому с первых же дней после прихода к власти сандинисты повели борьбу за преодоление тяжелого наследия, за возрождение национальной экономики.

В канун падения сомосистского режима была опубликована Программа Временного демократического правительства национального возрождения. Согласно этой программе в стране было положено начало процессу глубоких социально-экономических преобразований, направленных на обеспечение полного участия всех слоев населения в политической структуре, на-

¹ Фронт национального освобождения, созданный в 1961 году, носит имя национального героя Никарагуа Аугусто Сесара Сандино, который был предательски убит национальными гвардейцами в 1934 г. по приказу отца свергнутого диктатора — Анастасио Сомосы-старшего.

циональной реконструкции и гуманистическом преобразении никарагуанского общества.

Программа провозглашала полное осуществление прав человека и основных свобод, ликвидацию и роспуск национальной гвардии, а также слом государственного аппарата Сомосы, создание Народной армии, основное ядро которой составят бойцы СФНО. В области внешней политики программа провозгласила стремление нового правительства руководствоваться принципами независимости и неприсоединения, установить связи со всеми государствами, уважающими право самоопределения и справедливый и взаимовыгодный характер экономических отношений.

В сфере экономики были намечены такие цели как осуществление глубоких преобразований в ключевых отраслях хозяйства на основе функционирования системы «смешанной экономики», включающей государственный, частный и общественный секторы. Предусматривалось также проведение радикальной аграрной реформы. Важная роль в программе отводилась участию Никарагуа в латиноамериканской интеграции, в частности в Латиноамериканской экономической системе (ЛАЭС)¹.

Правительство приняло более 200 декретов в целях облегчения положения трудящихся страны. Первыми такого рода были декреты о роспуске национальной гвардии, об экспроприации всего имущества Сомосы (декрет № 3), о роспуске сомосистского национального конгресса, верховного суда и другие.

Естественно, такое развитие событий в Никарагуа не могло не вызвать недовольства в Вашингтоне. Правящие круги США неоднократно предпринимали попытки сохранить режим Сомосы, а убедившись в невозможности достижения этой цели, делали все от них зависящее, дабы не допустить прихода сандинистов к власти. Не успокоился Вашингтон и после победы никарагуанской революции, что выразилось в стремлении к открытой вооруженной интервенции США в эту страну и активной дипломатической деятельности в Организации американских государств. Свидетельством тому было 17-е консультативное совещание министров иностранных дел стран—членов ОАГ (июнь 1979 года), на котором американскую делегацию возглавил государственный секретарь США С. Вэнс. В своем выступлении С. Вэнс вынужден был подвергнуть критике Сомосу (ввиду грубейшего нарушения прав человека) и далее внес на рассмотрение участников совещания план «урегулирования» кризиса в Никарагуа, включивший прекращение огня в стране, приостановку поставок оружия как Сомосе, так и партизанам. Заметим, что США, отказавшись от прямой военной помощи Сомосе, способствовали поставкам оружия диктатору другими странами, оказывая ему таким образом военную по-

¹ Латиноамериканская экономическая система была создана по инициативе руководителей Мексики и Венесуэлы в 1975 году. В нее вошли все 26 государств Латинской Америки, включая социалистическую Кубу. США не являются членом ЛАЭС.

мощь через третьи страны, в первую очередь Израиль и Аргентину.

Главное место в плане отводилось созданию совместных «межамериканских сил мира» с целью посылки их в Никарагуа. Это означало не что иное, как вооруженное вторжение в Никарагуа под флагом ОАГ с целью подавления революции. Однако подавляющее большинство латиноамериканских стран отвергло это предложение и в противовес американскому плану ими был внесен проект, в котором было выражено требование немедленной замены режима Сомосы и создание демократического правительства. США, дабы не оказаться в изоляции, примкнули к этой резолюции. Против выступили лишь Парагвай и представитель сомосовской Никарагуа в ОАГ. Таким образом, провалилась еще одна попытка империализма США задушить руками ОАГ никарагуанскую революцию.

Победа никарагуанской революции оказала сильное революционизирующее влияние на страны Центральной Америки и Карибского бассейна, которые охвачены пламенем национальной борьбы. События последнего времени в Центральной Америке (усиление демократического и революционного движения в Гватемале и Гондурасе, свержение деспотического режима генерала Ромеро в Сальвадоре и др.) представляют собой ослабление господства Соединенных Штатов в Западном полушарии.

Ясно, что политика Белого дома в отношении стран Центральной Америки и Карибского бассейна направлена на предотвращение радикализации внутриполитической обстановки в этом важном регионе, на придание наиболее одиозным режимам видимости некоей формальной демократии. «Соединенные Штаты хотят перемен в Центральной Америке, — констатирует американский журнал «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт», — но они (США — Г. С.) выступают за постепенный процесс, в ходе которого военные диктатуры преобразуются мирным путем в умеренные, немарксистские режимы, выступающие за социальную справедливость народа».

Стремясь не допустить в этих странах прихода к власти прогрессивных правительств, Вашингтон идет на любые авантюры вопреки официальным заявлениям о своей приверженности принципам суверенитета и невмешательства во внутренние дела стран латиноамериканского региона. Традиционно сочетая «дипломатию доллара» с «политикой канонерок», реакционные круги США стремятся остановить стремление стран региона к обретению полной независимости. Наряду с обещаниями долларовых подачек проамериканским антинародным режимам этого региона, администрация Картера вместе с тем усиленно проталкивает идею создания «межамериканских сил мира», которые по замыслу вашингтонских стратегов будут служить ударным кулаком империализма для борьбы с национально-освободительными движениями и прогрессивными странами на континенте.

70-е годы ознаменовались дальнейшим обострением межамериканских отношений. Политика администрации Картера к югу от Рио-Гранде не привела, как и следовало ожидать, к

улучшению взаимоотношений Соединенных Штатов с Латинской Америкой. Интересы крупных американских монополий, на протяжении многих десятков лет свободно хозяйничавших в Латинской Америке, по-прежнему доминируют в формировании стратегической линии этой политики. Попыткой поднеступления Вашингтона с плацдарма «защиты прав человека». На самом деле, разглагольствуя о демократии и правах человека, демократическая администрация вместе с тем всеми средствами поддерживает диктаторские режимы континента, а при малейших признаках отказа той или иной латиноамериканской страны следовать в фарватере внешней политики США, американский империализм, памятуя о примере Кубы, угрожает мерами экономического бойкота и вооруженной интервенцией. В свою очередь в народы латиноамериканских стран пример кубинской революции вселил надежды на реальность достижения подлинного равноправия и независимости.

В последнее десятилетие во многих странах континента укрепнет убеждение, что одной из наиболее эффективных форм отпора империалистической политике США является их объединение в рамках многосторонних региональных организаций, занимающихся решением самых широких политических и социально-экономических вопросов.

Новый импульс борьбе против засилья североамериканских монополий и политического диктата Вашингтона придала разрядка международной напряженности, тенденция к которой наметилась в 70-е годы. Резкий поворот администрации Картера в сторону усиления военно-интервенционистских методов во внешней политике и последовавшие вскоре неоднократно демонстрации «мускулов» в районе Карибского моря представляют собой лишнее свидетельство того, что именно в русле разрядки пролегают пути народов Латинской Америки к осуществлению идеалов всех борцов за ее полную независимость, начиная со времен С. Боливара.

ВОКРУГ ДЖУНЫ

Публикуя статью Реваза Джапаридзе «Мистика или реальность?» в № 4 «Литературной Грузии» за 1980 год, мы приглашали ученых и специалистов обменяться мнениями по поводу все нарастающего общественного интереса к «феномену» Джуны Давиташвили и ее опытам. Публикации в республиканской («Заря Востока», «Литератури Сакартвелო», «Литературная Грузия») и центральной («Труд», «Советская Россия», «Техника — молодежи», «Комсомольская правда») массовой печати несомненно придали «феномену Джуны» оттенок сенсационности.

В то же время продолжают появляться сообщения и о других людях, обладающих необъяснимыми с точки зрения современных представлений, «экстрасенсорными» способностями. В Москве — В. Сафонов, в Краснодаре — А. Криворотов... Так что «феномен Джуны» — один из примеров довольно распространенного явления, которое не терпит ни огульного отрицания и игнорирования, ни сенсационной шумихи, порой носящей спекулятивный характер.

С чем мы имеем дело — с реальностью или фантазией, объективно существующим фактом, пусть даже не укладывающимся в рамки научных объяснений, или с антинаучными попытками эксплуатировать доверие людей? Каковы перспективы реального использования этого явления на пользу обществу? Ответ на эти и многие другие вопросы прежде всего должны дать ученые разных научных дисциплин, с которыми может быть связано указанное явление, а также заинтересованные представители общественности.

«Литературная газета» в № 35 за 1980 год опубликовала выступления участников «Круглого стола», посвященные этим вопросам. В целях более полного и разностороннего обсуждения этой проблемы мы публикуем стенограмму выступлений участников этого «Круглого стола» без сокращений. В нем приняли участие ученые — член-корреспондент АН Грузии физиолог Арчил Владимирович АСАТИАНИ, доктора наук радиолог Тина Герасимовна БАРАМИДЗЕ, биофизик Этери Шалвовна ВАРДОСАНИ-

ДЗЕ, онколог Леван Иосифович ЧАРКВИАНИ, сотрудница лаборатории химического канцерогенеза Онкологического научного центра Министерства здравоохранения Грузинской ССР Светлана Ивановна ОЛЕНЕВА. «Писательский корпус» был представлен известным прозаиком и публицистом Ревазом Андреевичем ДЖАПАРИДЗЕ и писателем-фантастом Евгением Михайловичем ЗАКЛАДНЫМ.

Р. Джапаридзе. Опыты Джуны Давиташвили по диагностированию и лечению заинтересовали меня и, думаю, понятно, по какой причине. Все, что связано с человеческими возможностями и способностями, должно привлекать внимание обществу, каждого из нас.

В течение двух недель я наблюдал за работой, которую сама Джуна предпочитает называть сеансами лечебного массажа. Кстати, она закончила именно курсы массажа. Однако то, что я увидел, мне, как неспециалисту в области медицины, кажется, есть нечто большее, чем просто массаж. Результатом моих наблюдений и бесед с пациентами Дж. Давиташвили стала статья «Мистика или реальность?», опубликованная нашей печатью по-грузински и по-русски, так что желающие могут познакомиться с нею. Я писал только о том, чему сам был очевидцем, считая своей задачей привлечь внимание специалистов к явлению, которому они должны дать квалификацию и объяснение.

Ссылаясь на мнение тех, кто писал о Дж. Давиташвили ранее, я приводил затем отзывы опрошенных мною людей, прошедших у нее курс лечения. Среди них были такие известные и всеми уважаемые люди, как композиторы А. Мачавариани и Р. Лагидзе, хореографы Н. Рамишвили и И. Сухишвили, критик К. Имедашвили, артисты М. Чахава и С. Канчели, режиссер Т. Чхеидзе и другие. Они в один голос утверждали, что сеансы принесли им улучшение.

Когда стал известен мой интерес к этому вопросу, ко мне с разных сторон начали присылать новые свидетельства успехов лечения. К числу сторонников Джуны, пройдя у нее курс лечения, добавились И. Андроников, Р. Гамзатов, Е. Мальцев, профессора А. Чернетский и И. Панцхава... Повторяю, я называю только тех, чьи имена широко известны в нашей стране.

Могут сказать, что все это лишь субъективные ощущения, что не изучены объективные результаты и отдаленные последствия лечения и т. д. Но ответить на эти вопросы не могут ни сами пациенты, ни их «целительница». Это дело науки. Раз существует явление, факт, то он должен быть изучен и исследован. И не на частных квартирах, не силами случайных энтузиастов, не кустарно, а в условиях клиники, лаборатории, на строго научной основе, объективно и официально.

А. Асатиани. Полностью разделяя ваш заключительный призыв, Реваз Андреевич, я тем не менее позволю себе не согласиться с некоторыми моментами, решая которые вы сами же предоставили специалистам. В науке определение и квалификация каждого факта и явления подразумевает как необходимое, определяющее условие определенный уровень объективации и соответствие определенным критериям. Ажитаж, поднятый вокруг опытов Дж. Давиташвили (а мы можем говорить пока только об опытах, а не о диагностировании и, тем более, не о лечении), объясняется тем, что после общения с ней некоторые люди почувствовали облегчение, уменьшение боли, субъективно ощущаемое улучшение. Так что я не ставлю под сомнение высказывания уважаемых людей, приводившиеся здесь и в других выступлениях на ту же тему.

Мои сомнения начинаются после этого предварительного замечания. Говорят, проведя руками вдоль тела больного, Джуна может поставить верный диагноз. Но ведь ставить диагноз — общепризнанная прерогатива только людей, имеющих медицинское образование. И дело отнюдь не в формальном признаке, а в том, что определение диагноза должно опираться непременно на профессиональное изучение симптомокомплекса, объективные лабораторные и иные показания, комплексное изучение больного и хода его болезни; надо хотя бы знать, какие болезни существуют вообще и в чем их суть.

Потому я считаю просто несерьезными утверждения, прозвучавшие в некоторых статьях, что, едва глянув на человека и проведя вдоль тела руками, Джуна заявляет: «У вас — гиперфункция щитовидной железы», или «У вас язва желудка». И если бы она этим ограничивалась! Но она же имеет претензию лечить, причем все существующие в природе болезни.

Р. Джапаридзе. Я знаю случаи, когда она не бралась лечить...

А. Асатиани. Во всяком случае, число заболеваний, за которые она берется, очень велико, включая те, которые входят в компетенцию хирурга и онколога, терапевта и невропатолога... А если к Джуне попадает человек, для которого каждый день промедления поистине смерти подобен, то потерянное у нее время может обернуться для больного роковыми последствиями.

Когда к услугам экстрасенса прибегает человек, страдающий радикулитом, здесь фактор времени не имеет решающего значения, и потому если Джуна или какой-нибудь иной экстрасенс берется излечить его от болей, то можно быть относительно терпимым.

Т. Барамидзе. Как может быть спокоен врач или ученый, если достигается реальный положительный эффект, а он не знает, за счет чего он достигнут и в чем его природа?

А. Асатиани. Я имел в виду, что хоть не наступит опасного ухудшения, если лечение окажется безрезультатным.

Что же касается разговоров о «феномене Джуны», то мне кажется, что в силу естественной и опасной инерции, нарастающей вокруг каждой сенсации, слишком много внимания уделя-

ется мистической, непознаваемой стороне, хотя давно известны случаи, когда подобный эффект достигался хорошо известным методом. Я имею в виду воздействие на психику человека, внушение, самовнушение, гипноз, психотерапевтический эффект которых давно изучен. Ведь когда еще было сказано о врачах: «Слово лечит!»

Э. Вардосанидзе. Разрешить это сомнение весьма легко. Есть множество способов изучить механику воздействия при помощи экспериментальной модели. Причем на клеточном уровне ответ будет однозначным: ведь клетка не обладает ни «разумом», ни «чувством».

А. Асатиани. Конечно, только строгий научный опыт даст ответ на наш вопрос. Поэтому я не могу принять во внимание утверждение, вроде кочующего из статьи в статью сообщения, будто бы Джуна в течение 15 минут, буквально на глазах очевидцев, смогла залечить трофическую язву. Кто был этот больной, какова была его язва, как было объективизировано его состояние до и после исцеления, каков был истинный эффект лечения, наконец, кто те очевидцы, которых предлагают в свидетели? Два месяца пытаюсь я разыскать их следы, но безуспешно.

Что же касается изучения, то должен сообщить, что решением Министерства здравоохранения Грузии с этой целью была создана специальная комиссия, куда входили, среди других, присутствующий здесь профессор Л. И. Чарквиани и я. Поскольку он проводил наблюдения в своем отделении, я думаю, Левану Иосифовичу принадлежит здесь решающее слово.

Л. Чарквиани. Когда проводятся подобные проверки, первое условие — объективность, непредвзятость тех, кому надлежит делать заключение. Должен признаться, что, тем не менее, я заранее был предрасположен в пользу Дж. Давиташвили. Помимо понятного желания быть причастным к чему-то новому, неизвестному, я знал еще отзыв одного из своих друзей, известного ларинголога, который говорил, что она сняла у него боли, вызванные язвой желудка. Но это к слову..

Комиссия предложила Дж. Давиташвили самой выбрать группу больных с однородными заболеваниями, за лечением которых велись бы наблюдения в условиях клиники. Вначале она избрала гинекологические опухоли, но затем мы остановились на эрозиях, поскольку в данном случае течение болезни легко наблюдалось и фиксировалось объективными показаниями анализов и приборов.

В республиканском Онкологическом научном центре была подобрана группа из семи больных, ход лечения фиксировался, велось необходимое протоколирование эксперимента, брались цитологические анализы, делались фотографии и цветные слайды. Комиссия обследовала больных до, в ходе и после лечения, когда им было проведено по 15—20 сеансов. И все мы пришли к выводу, что объективных показаний улучшения состояния больных не зафиксировано, хотя у некоторых из них и наблюдалась тенденция к образованию островков восстановленной ткани.

Б. Закладный. Значит, все же что-то изменилось?

Л. Чарквиани. Мы считаем это следствием того, что **больные** в течение месяца соблюдали постельный режим, **правила личной гигиены...**

Э. Вардосанидзе. А было проведено сопоставление с контрольной группой больных с тем же диагнозом, которые находились в том же режиме, но не проходили лечения у Дж. Давиташвили?

Л. Чарквиани. Необходимости в этом комиссия не нашла, да и изменения были **столь** незначительными, что о них не стоит и говорить. Сама **Джуна** признала, что лечение было малоэффективным.

Я лично не склонен безоговорочно отрицать ее метод, хотя наши наблюдения, повторяю, не показали реальных результатов лечения. Что тут может быть? На мой взгляд, возможен и психогенный эффект, результат внушения.

А. Асатиани. Подобное психосоматическое осмысление того, что здесь называют «феноменом Джуны», нельзя исключать. Мы знаем даже случаи самопроизвольного исчезновения язв. В организме не существует ни одной функции, процесса, органа, на которые бы в принципе нельзя было воздействовать при помощи как **первой** (раздражителями органов чувств), так и **второй** (словесной) сигнальной системы. Но пока не получены ответы на все наши вопросы, допускать лечение людей, по моему убеждению, нельзя. Ажиотаж вокруг опытов нескольких нашумевших экстрасенсов может принести вред, так как подменяет доверие пациента к медикам и медицине какими-то иллюзиями на исцеление «сверхъестественными» методами. Я не имею в виду какие-то запреты или иные подобные меры в отношении всего, что сегодня **выглядит** таинственным и неизведанным, но считаю необходимым оставить лишь за наукой право давать ответ на все, что происходит с человеком и вокруг него.

Р. Джапаридзе. У меня в руках не только отзывы тех, кому Джуна помогала, но и рецензии профессиональных врачей и лечебных учреждений: главного врача поликлиники Госплана СССР И. П. Чекмачевой, заместителя главврача поликлиники № 112 Краснопресненского района Москвы К. П. Левченко. Это все положительные отзывы!

Э. Вардосанидзе. Я считаю необходимым четко разграничить две стороны вопроса. Одно дело — «феномен» Дж. Давиташвили сам по себе, и совсем другое — его практическое применение на живых людях. Лично я не знакома с Джуной, и потому мои слова не могут быть восприняты ни как проявление заведомой симпатии или антипатии к ней, ни как следствие «психологической обработки», а лишь как мнение биологика-экспериментатора.

Мы не знаем, какой личной силой обладает Джуна. Но существует же передача биологической информации, причем, как я уже говорила, в эксперименте на моделях можно доказать, что она не связана ни с «разумом», ни с «чувством». В биологическом аспекте факт передачи такой информации очень

интересен и связан он с наличием у всех живых организмов биологического поля.

Т. Барамидзе. Получившие широкую известность опыты Кирлиан и другие методы позволяют сейчас не только подтвердить наличие такого поля, но зафиксировать и измерить его, что совсем недавно считалось совершенно невозможным.

Е. Закладный. Я человек доверчивый, склонный верить многим и многому. Однако, поверив во что-то, не укладывающееся в рамки привычных представлений, начинаю искать ему естественнонаучные объяснения. Прочитав в детстве у Гоголя о герое, одним усилием воли отправлявшем в рот галушки да еще по пути обмакивая их в сметану, я думал: где уж научиться-то так!.. Но теперь мы все чаще слышим об опытах по телекинезу, и фантазия, казавшаяся совершенно несбыточной, представляется уже не столь противоречащей законам естествознания.

С. Оленева. Кстати, Евгений Михайлович, один из ваших коллег-фантастов подсчитал, что из всех открытий и изобретений, предсказанных научной фантастикой, сейчас уже осуществилось около 80 процентов. Может быть, это профессия для тех, кто способен «получать информацию» из будущего?

Э. Вардосанидзе. Я продолжу мысль о том, что биологическое поле, биотоки, обмен биологической информацией, хоть пока и не изученные нами, тем не менее представляют собой явление вполне материальное. Лет 5—10 назад мы не представляли, что существует взаимозависимость между солнечным излучением и нашим самочувствием, распространением заболеваний и т. п. Сегодня ее изучают в глобальном масштабе. Но ведь она была и тогда, когда мы еще о ней не знали!

Как я могу представить себе «феномен Джуны»?

Очевидно, она в более сильном, концентрированном виде обладает неким полем или энергией, которая существует у каждого человека, каждого биологического объекта вообще. Таких людей потому и называют экстрасенсами, что они в чем-то сильнее обычного уровня. Воздействие такого поля или энергии на другой объект сегодня уже отрицать нельзя, хотя неизвестно, как это воздействие происходит. Можно считать, что экстрасенсы способны воспринимать поле людей, с которыми вступают в контакт, определять нарушения и аномалии в их полях и действуют так, чтобы улучшить их. Это — умозрительная гипотеза, но если все пойдет хорошо и Джуна сохранит свои необычайные способности, ее можно будет обследовать в биофизическом и иных аспектах при помощи специальной регистрирующей аппаратуры.

Т. Барамидзе. Такая аппаратура уже существует и опыты проводятся, в частности, в радиометрической лаборатории Тбилисского университета, руководимой Р. Хомерики.

С. Оленева. Я сама была участницей этого эксперимента по передаче биологической информации. При помощи фотонно-ножителя определенного типа, фиксирующего ультрафиолетовое излучение, обследовался известный экстрасенс А. Е. Криворотов. Если показатели контрольной группы составляли

300 — 500 импульсов в секунду, то Алексей Еремеевич давал их свыше ста тысяч.

Р. Джапаридзе. Почему же об этих опытах не сообщалось?

С. Оленева. Была подана заявка на изобретение, зафиксирован приоритет, но отсутствие необходимой аппаратуры помешало довести дело до конца, хотя работа, насколько я знаю, продолжается.

Э. Вардосанидзе. Решающее слово сейчас должны сказать экспериментаторы, с этим, кажется, мы все согласны. Так же, как согласны с тем, что шумиха, ажиотаж не могут принести никакой пользы. Более того, распространение устных или печатных слухов о том, что Джуна (или кто-либо еще) излечила от такой-то болезни, а от другой не смогла, помогла такому-то больному, а такому — нет, способно лишь дискредитировать и ее, и ее дело. Я согласна с тем, что не ее задача, да и не в ее силах подбирать больных, диагностировать, назначать и проводить лечение...

Р. Джапаридзе. Это дело специалистов, но ее дар надо использовать по-хозяйски, на пользу людям.

А. Асатиани. В первую очередь надо громко сказать, что шумиха вокруг этого дела вредна всем. Только объективные научные факты, строго документированные, — единственное средство в борьбе со спекулятивными преувеличениями. А я лично пока таких фактов не вижу.

С. Оленева. Однако, если такое изучение не планировать, не организовать комплексно и заинтересованно, не подготовить необходимую аппаратуру и кадры, на одном энтузиазме многого не сделаешь. А сам интерес к феномену ведь не пресечешь!

Т. Барамидзе. Пока что все мы делимся лишь личными впечатлениями и наблюдениями. Вот и я, заинтересовавшись тем, что слышала об опытах Дж. Давиташвили, наблюдала за ее сеансами. Как-то она провела руками вдоль моего тела и сказала: вы склонны к гипотонии, хотя вообще вполне здоровы. Я об этом знала и раньше. И вот, естественно, возникает вопрос: так может она диагностировать теми средствами, какими владеет, или нет?

Конечно, здесь нет ничего ни от «колдовства», ни от «ясновидения», однако ясно, что она наделена природой в сильной степени тем специфическим излучением, которое можно назвать по-разному — биоэлектрическая энергия, электромагнитные колебания, биоэнергетическая плазма...

А. Асатиани. Раньше не это ли называли флюидами?

Т. Барамидзе. Во всяком случае, это нечто реальное. Мне известно, что в Московском институте рефлексотерапии проводятся опыты по лечению методом акупунктуры, воздействием на активные точки организма. Может быть, Джуна обладает способностью воздействовать на эти точки бесконтактным методом. Думаю, что до тех пор, пока специальные исследования не дадут других гипотез, отрицать такую возможность нельзя.

Л. Чарквани. Хорошо известно, что если в организме искусственно создать источник сильного раздражения, это может

снять ощущение боли с пораженного органа. Подчеркиваю, речь идет не об излечении, а о снятии боли, то есть о психогенном эффекте.

Е. Закладный. Все вновь и вновь упирается в то, что необходимо начать и довести до конца исследования, чтобы ответить на вопросы, так интересующие многих: дает или нет лечебный эффект способ, применяемый Дж. Давиташвили в силу ее необычных способностей, какова природа и сущность этого эффекта, каковы отдаленные результаты ее сеансов...

Л. Чарквани. Кстати, мы вновь обследовали больных, которых лечила в нашей клинике Джуня, учитывая, что лечение такого заболевания, как эрозия, идет весьма медленно и могло дать результаты спустя месяц-полтора. Но увы...

Э. Вардосанидзе. Убеждена, что сейчас главное — не дать дискредитировать саму идею, связанную с «феноменом Джуня». Причем это относится и к ее сторонникам, энтузиастам-неспециалистам, и к ученым, относящимся к ней с понятным предубеждением из-за шумихи, поднятой вокруг нее. Ведь даже не каждому профессионалу-врачу доверишь диагностирование и лечение сложных случаев. А тут женщина всякого медицинского образования, без специальной подготовки, которая убеждена, что может делать что-то такое, что никто другой не может, и, как мне кажется, из самых искренних побуждений берется помогать тем, кто к ней обращается за помощью. А ведь вопрос о природе ее способностей и возможностях их применения должны решать медики, биологи, биофизики, химики, психологи, даже инженеры и социологи... Это мы должны подобрать для ее опытов контингент людей с однородной биосистемой, даже близнецов со сходным генотипом и прочими условиями, без которых строгие выводы делать нельзя.

Не стану повторять примеры с кибернетикой и генетикой, напомним лишь, что лет десять назад в науке царил скепсис в отношении магнитобиологии. Сейчас же она не только повсеместно признана, но стала «модной» наукой, что в свою очередь рождает опасения. Ведь и магнитное поле не на всех действует одинаково. К нему чувствительны только такие биосистемы, где нарушено постоянство внутренней среды, то есть гомеостаз. Необходимо использовать уникальные способности подобных экстрасенсов для того, чтобы изучить вопросы, связанные с обменом биоинформацией. И не только между организмами, но и на клеточном уровне.

С. Оленева. Уже 15 лет занимаюсь я вплотную этими проблемами, накоплен богатый материал, записано до 240 историй болезни, диспансерных заключений и т. д. Причем охвачены больные с диабетом, патологией функции щитовидной железы, бронхиальной астмой, язвами и рядом других заболеваний.

Наверное, настало время, когда те, кто занимается этой проблемой в самых разных аспектах, должны положить на стол все уже реально накопленное и достоверно выясненное с тем, чтобы стало, наконец, понятно, что мы уже действительно знаем о ней на сегодня, а что — нет, что еще предстоит изучать

и в каких направлениях, а что — отбросить, как ненаучные и безответственные спекуляции на общественной заинтересованности.

Как и у всех здесь выступавших, у меня есть свое отношение к проблеме экстрасенсов вообще и «феномену Джуны», в частности. Каждый человек обладает биополем и при желании и старании может научиться накапливать в себе энергию и отдавать ее, сразу или порциями, в зависимости от того, к какому из двух существующих типов он принадлежит. Энергетическим «резервуаром», как мне кажется, в человеческом организме является область солнечного сплетения.

А. Асатиани. Простите за то, что перебиваю вас. Ваше допущение о причастности солнечного сплетения к процессам «накопления» и «расходования» какой-то энергии представляется мне полностью беспочвенным.

С. Оленева. Мы имеем в виду не химические, а электромагнитные виды энергии.

А. Асатиани. Тем более!

Т. Барамидзе. Но если, по вашей гипотезе, биоэнергию можно накапливать, то она может и исчезать?

С. Оленева. Примеры этого известны. Поэтому и следует особенно бережно относиться к людям, обладающим выраженными экстрасенсорными способностями, именно поэтому я остерегаюсь назвать имена других людей с такими способностями, а их уже в Тбилиси я знаю несколько... Их необходимо уберечь: от ажиотажа, от напыла любопытствующих и безрассудного расходования своего дара. Это может принести вред не только окружающим, но и им самим, так как неуправляемая эксплуатация дара, еще не исследованного учеными, неизбежно приводит к нежелательным результатам.

Э. Вардосанидзе. Сейчас вообще может возникнуть «мода» на экстрасенсов, расплодятся «чудотворцы», подлинные или мнимые — поди разберись!

Е. Закладный. Даже если не иметь в виду самозванцев, а их в таком деле может быть действительно опасно много, хочу рассказать об одном проделанном мною сопоставлении: сравнил график солнечной активности с количеством публикаций по проблеме, о которой мы здесь говорим, я увидел полную корреляцию. Растет активность Солнца — растет число публикаций, несомненно отражая рост самого явления. Еще штрих к отмеченной здесь связи «Солнце—Земля»!

Физика утверждает, что всякий материальный объект излучает то, что поглощает — я имею в виду энергию, — но уже в ином качестве, нагружая информацией. Наверное, биополе — это то же привычное физическое поле (гравитационное, электромагнитное), но нагруженное биоинформацией. Кто-то способен управлять этим полем, регулировать его мощность, кому-то еще предстоит научиться. Но ничего сверхъестественного видеть здесь нельзя.

Больше всего волнует меня нравственный, этический аспект явления. Я уверен, что для Джуны и других экстрасенсов главное — желание, целеустремленное и направленное, помочь людям.

Но ведь могут появиться «самодетельные» экстрасенсы, которые захотят воспользоваться своим даром во вред!

Есть у вопроса и иной аспект. Известно, что органы электрических рыб представляют собой переродившиеся, нагруженные новыми функциями мышечные ткани. Так вот те, кто попытаются «кустарно» тренироваться «на экстрасенса», должны знать, что при этом возможна патология — мышечная дистрофия или даже опасность онкологического заболевания, которое тоже является одним из видов перерождения клеток.

А. Асатиани. И космический, и этический аспект проблемы, конечно, любопытны. Но меня по-прежнему волнует судьба конкретного человека, потому что, поверив в целительные способности экстрасенсов, он может пренебречь медицинской помощью, а мы не знаем сегодня, к чему это приведет. Вернее, знаем, что ни к чему хорошему не приведет. Повторяю, ни одним научно-достоверным доказательством «чудотворной» силы нового феномена, разве что психотерапевтическим эффектом, мы пока не располагаем. Поэтому вывод, который я сделал из сегодняшней беседы, тот же, с каким пришел сюда: все новые явления и факты необходимо изучать и изучать, прежде чем обнадеживать людей. Человек — не объект для экспериментов с неопределенным результатом!

В заключение хочется высказать сожаление, что в повседневной лечебной практике лечебных учреждений психотерапевтическим методам лечения не уделяется должного внимания. Хочется призвать врачей возродить практику использования этого мощного средства из арсенала их лечебных мероприятий.

Р. Джапаридзе. Ни убедить, ни, тем более, переубедить оппонента в ходе беседы, разговора нельзя — это могут сделать лишь факты. Я узнал здесь много интересного и полезного, что позволяет надеяться, что опыт Дж. Давиташвили и других будет впредь изучаться и обобщаться на научном уровне. Заинтересованы в этом и сама наука, и общество, и каждый из нас. Ведь если есть какие-то новые, еще неисследованные и непознанные возможности помочь людям, они должны быть поставлены на службу человеку!

Впрочем, это — тоже убеждение, с которым я пришел сюда.

Беседу «за круглым столом» записали
Ю. ГОЛЬДМАН и Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ.

Захарий ШВЕЛИДЗЕ

О ПРЕБЫВАНИИ ПОЛЬСКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В ЗАКАВКАЗЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Дружеские связи польского народа с народами Закавказья имеют давнишнюю историю. Так, польские миссионеры Вечерковский и Кусинский путешествовали по Грузии и Закавказью еще в XIII веке. Возвратившись к себе на родину, они написали воспоминания об этих краях.

Передовая молодежь Польши и Закавказья, обучавшаяся в высших учебных заведениях России, поддерживала друг с другом тесные связи. Она, как и революционно настроенная русская молодежь, была объединена в тайных земляческих кружках и по возможности вела борьбу против ненавистного царского режима. Георгий Феликсович Зданович, поляк по отцу (по матери — грузин), вместе с представителями русской, грузинской и армянской молодежи — П. Алексеевым, И. Джабадари, С. Карташевым и другими вел борьбу против существовавшего тогда в России социального и национального гнета. Г. Зданович был патриотом своего времени, самоотверженным борцом за социальное и национальное освобождение угнетенных царизмом народов. Его ненависти к царизму не могли сломить ни тюрьма, ни каторга.

Сыны Польши, по разным причинам попавшие в Грузию и Закавказье, были окружены вниманием и уважением со стороны передовой местной молодежи. Вот почему царские сатрапы тщательно следили за каждым шагом сосланных или приехавших в Закавказье поляков. Царскую агентуру интересовали отношения проживавших в Грузии и Закавказье поляков с родным польским народом и с местным населением, с передовой местной общественностью, центром деятельности которой был Тбилиси. В этом направлении особую активность царская охранка проявляла в 60—80-х годах, когда в России и Закавказье с особой силой развивалось революционно-разночинское движение.

Еще в 1866 году, как об этом говорится в выявленных нами архивных материалах, Тбилисское губернское жандармское управление начало дознание по делу преподавателя Тбилисского женского института поляка Леонида Загурского¹. Формальной причиной и основанием к началу дознания явились письменные доносы. Один из этих доносов поступил на имя начальника III отделения Собственной его императорского величества канцелярии князя Долгорукого, а другой — в адрес начальника Тбилисского губернского жандармского управления².

18 апреля 1866 года жандармерия неожиданно устроила обыск в квартире Л. Загурского, во время которого, вместе с другими бумагами были конфискованы подозрительные с политической точки зрения письма, присланные Загурскому редактором одной львовской газеты.

Л. Загурский обвинялся в установлении революционных связей с зарубежными, а также с украинскими, в частности киевскими, революционерами. Следственные органы подозревали, что Л. Загурский сносился с зарубежными революционерами через находившегося тогда в Женеве брата — Николая Загурского. По имевшимся в руках жандармерии косвенным сведениям Л. Загурский получал корреспонденцию от швейцарских революционеров и по мере надобности сам отправлял им письма. Но найти эти письма жандармерии не удалось. Однако было установлено, что в тот период Л. Загурский намеревался лично поехать за границу, но, ввиду начала дознания, отказался от этого намерения³.

Полиция начала собирать через русского посла в Швейцарии соответствующие сведения, касающиеся Николая Загурского и других зарубежных русских и польских революционеров, в сношениях с которыми, на основании анонимных писем, обвинялся Леонид Загурский⁴.

Однако жандармерии не удалось собрать достаточно материалов, компрометирующих Л. Загурского, поэтому он не был предан суду, однако власти сочли нужным оставить его под надзором полиции.

В 1868 году в Главном управлении наместника Кавказа было заведено дело на находившегося в эмиграции участника польского восстания 1863 года Василия Михайловича Медзинского. Секретное дознание началось в связи с тем, что, по агентурным сведениям, В. Медзинский намеревался тайно проникнуть на Кавказ через Турцию⁵.

Из дела не видно, с какой целью В. Медзинский направлялся на Кавказ. В нем также не указывается, сумели ли царские чиновники арестовать Медзинского.

¹ Центральный Государст. ист. архив Груз. ССР (ЦГИА), фонд 5, дело 59.

² ЦГИА Груз. ССР, фонд 5, дело 59, лист 2.

³ Там же, лист 3.

⁴ Там же, лист 6.

⁵ ЦГИА Груз. ССР, фонд 5, дело 566, лист 1—8.

Сохранились весьма ценные материалы, касающиеся находившихся тогда в Тбилиси поляков — Зенковича, Домбровского, Вержбицкого и других, которые являлись участниками польского восстания 1863 года.

Первого января 1871 года по распоряжению наместника Кавказа против этих лиц было начато тайное дознание. Из материалов дознания видно, что среди находившихся тогда в Тбилиси поляков, которые работали в разных учреждениях, самым влиятельным был чиновник 6 класса канцелярии начальника Главного управления наместника Кавказа, коллежский советник Зенкович. Как было установлено следствием, Зенкович в свое время был отдан под суд как участник польского восстания 1863 года. Будучи в тюрьме, он притворился душевнобольным и благодаря этому вырвался из заключения. Из Польши Зенкович приехал в Тбилиси, где ему удалось с помощью помощника начальника Тбилисского почтового управления Вержбицкого поступить на службу в Главное управление наместника на Кавказе. Надо полагать, что их связывала между собой в прошлом совместная революционная работа. Вержбицкий помог Зенковичу установить связь с проживавшими в Тбилиси поляками. Зенкович, умело используя свою должность, старался перевести в Тбилиси поляков, живших в разных уголках Закавказья. Он предоставлял убежище польским революционерам-патриотам, испытывавшим гонение со стороны правительственных органов и т. д. Так, например, в 1873 году в Тбилиси тайно приехал участник польского восстания 1863 года Домбровский, который находился под надзором полиции. Домбровский не имел паспорта или какого-либо документа, удостоверявшего его личность. Зенкович и Вержбицкий сумели достать для него все необходимые документы и даже устроили Домбровского на службу⁶.

В архивных материалах есть данные и о том, что Зенкович сообщал польским революционерам, проживавшим тогда на Западе, сведения о тайной переписке Главного управления наместника на Кавказе.

Следует отметить, что Зенкович, желая отвести от себя подозрение правительственных органов, действовал под прикрытием католической церкви. Свои связи с находившимися тогда в Тбилиси польскими революционерами он официально объяснял религиозными мстивами. Именно этим и можно объяснить тот факт, что, несмотря на серьезное подозрение в неблагонадежности Зенковича, жандармерия все же не посмела арестовать его.

К сожалению, в имеющихся материалах мы не усматриваем фактов, прямо подтверждающих наличие связи между участниками революционно-народнического и национально-освободительного движения в Закавказье и группой Зенковича. Несмотря на это, надо полагать, что такая взаимосвязь безусловно была. Право на такое заявление дают нам следующие

⁶ ЦГИА Груз. ССР, фонд 5, дело 5095, лист 1—2.

факты: как известно⁷, в работе Тбилисского революционно-народнического кружка в 70-х годах участвовали польские девушки — Вихтерская, Анна Домбровская — жена известного армянского революционера-народника Н. Худадова, Эдико Бродзели-Антоновская и другие, а в группе Зенковича и в Тбилисской народнической организации были представители фамилии Домбровских. Ведь общеизвестно, что представители одной нации, а тем более одной фамилии, да еще революционно настроенные, всегда стремились найти друг друга, установить связи. Существование контактов между некоторыми представителями группы Зенковича и Тбилисского народнического кружка дает возможность предполагать и факт установления через них связи между проживавшими тогда в Тбилиси польскими революционерами и лидерами Закавказской народнической организации. Освещение этого и других, связанных с ним вопросов — дело будущего исследования.

Нами обнаружены весьма интересные материалы о деятельности в Закавказье тех польских революционеров, которые во второй половине 70-х годов прошлого века участвовали в работе Варшавской социал-революционной организации и были посланы на Кавказ на рубеже 70 — 80-х годов. Архивные материалы сохранили нам фамилии четырех из них. Это — Осип Плавинский, Людвиг Дзянковский, Николай Акимов и Софья Плосковицкая. Эта последняя, находясь в Киеве под надзором полиции, сама приехала в Ереван, куда был послан Людвиг Дзянковский. Их дело, хранившееся в фонде Главного управления наместника Кавказа, начато 21 августа 1883 года и закончено в конце того же года. Оно содержит 72 листа⁸.

Второго апреля 1880 года высочайшим приказом решено было сослать О. Плавинского, Л. Дзянковского и Н. Акимова в Сибирь. Однако из-за долгого пребывания заключенных в тюрьме здоровье их было крайне подорвано, поэтому власти были вынуждены заменить ссылку в Сибирь ссылкой в Кавказский край⁹.

Из имеющихся в нашем распоряжении материалов судьба Осипа Плавинского неизвестна. Однако, как видно из заглавия дела и сохранившегося в нем документа, который представляет собой предписание в адрес наместника на Кавказе, датированное 3 августа 1880 года, Осип Плавинский был переведен на Кавказ¹⁰. Что же касается пребывания в Закавказье Людвиг Дзянковского и Николая Акимова, об этом есть достаточно точные сведения. Они могут оказать серьезную помощь тем исследователям, которые изучают историю революционно-освободительной борьбы польского народа.

⁷ См. З. Швелидзе, Революционно-народническое движение в Грузии (на груз. языке), Тбилиси, 1962, гл. IV.

⁸ ЦГИА, Груз. ССР, фонд 5, дело 6612.

⁹ Там же, лист 122.

¹⁰ Там же, лист 1—2.

Из материалов видно, что осужденные Людвиг Дзянковский и Николай Акимов, по прибытии в начале сентября 1880 года под конвоем в Тбилиси, некоторое время находились в распоряжении городской полиции и ждали приказа наместника об определении их местожительства. Долго пребывать в ожидании осужденным было трудно как с материальной, так и с моральной точки зрения. Это видно из заявления Н. Акимова, в котором он просил тбилисского полицмейстера напомнить о нем правителям Кавказа с тем, чтобы его как можно скорее направили на место ссылки¹¹.

Только в середине октября по приказу наместника Л. Дзянковский был отправлен в Ереван, а Н. Акимов — в Сухуми. Как видно, местные власти сочли нежелательным оставлять опасных революционеров в центре Закавказья — Тбилиси, где в то время происходили весьма значительные революционные брожения и шла национально-освободительная борьба. Приезжавшие сюда революционеры, какой бы национальности они ни были, всегда находили благоприятную почву для деятельности, направленной против царизма.

Над Дзянковским и Акимовым на неопределенный период был установлен строгий полицейский надзор.

Отправленному в Сухуми Н. Акимову не разрешалось свободное проживание в городе, ему было также запрещено выбирать по своему усмотрению место работы. Его взял под свой личный надзор начальник военного отделения и даже устроил на работу в своем же учреждении. В связи с этим командующий Сухумским военным округом в своем докладе от 30 ноября писал начальнику Главного управления наместника царя на Кавказе: «Я, дабы отвлечь Н. Акимова от праздности... и одновременно усилить административный надзор, определил его к письменным занятиям в мою канцелярию, под непосредственным наблюдением и руководством правителя оной, с вознаграждением за труды по 15 рублей в месяц, идущих на содержание ссыльного»¹².

Так как Н. Акимов считался весьма опасным политическим преступником, доклад об оставлении его на работе в Сухумском отделении был передан на рассмотрение лично наместнику Кавказа, который, правда, оставил в силе распоряжение начальника Сухумского отделения, но дал дополнительные указания, чтобы в его отделении Акимов работал «не иначе, как в качестве вольнонаемного и чтобы он имел его под ближайшим своим наблюдением».

В ноябре 1881 года Н. Акимов обратился с просьбой к кавказским властям об освобождении его от полицейского надзора. В своем заявлении Н. Акимов требовал, чтобы власти приняли во внимание, что он с 5 августа 1878 года до 12 сентября 1880 года, т. е. более двух лет, сидел сначала в варшавской, а потом в тбилисской тюрьме и, кроме того, более одного года находится под надзором полиции.

¹¹ ЦГИА Груз. ССР, фонд 5, дело 6612, лист. 22.

¹² Там же, лист. 32.

В связи с заявлением Акимова началась характерная для царской администрации бюрократическая переписка между кавказскими властями и министром внутренних дел. И только с 25 июля 1883 года Н. Акимов был освобожден от полицейского надзора и ему разрешили проживать свободно по его выбору в любом городе Российской империи¹³.

Трагически закончилась жизнь сосланного в Закавказье второго польского революционера — Людвига Дзянковского. 4 сентября 1880 года Л. Дзянковского доставили в город Ереван и сдали губернским властям, которые учредили над ним надзор местной полиции.

Л. Дзянковский находился тогда в тяжелых материальных условиях. Ему приходилось заботиться не только о себе, но и о матери, которая жила в Польше. Л. Дзянковский обратился к ереванскому губернатору с письменным заявлением, в котором просил разрешить ему давать частные уроки, или же предоставить службу в каком-нибудь государственном учреждении. Из заявления Л. Дзянковского видно, что он был всесторонне образованным молодым человеком. Он мог обучать своих воспитанников классическим языкам, русскому и иностранным языкам, истории, музыке. Губернские власти не сочли возможным разрешить политически неблагонадежному человеку воспитывать молодежь. Однако, чтобы он не умер с голоду, губернатор решил возбудить ходатайство перед наместником Кавказа о назначении Л. Дзянковского на подходящую работу «в такое учреждение, где не сосредотачивается переписка по особо важным секретным делам»¹⁴.

Власти Кавказа побоялись взять на себя ответственность и предоставить какую-нибудь работу в государственных учреждениях «опасному» польскому революционеру. Для согласования этого вопроса они направили соответствующее послание в Петербург, в департамент полиции. Но, как видно, и в департаменте не решились принять какие-либо конкретные меры. Из присланной департаментом полиции в адрес кавказских властей депешы видно, что ответственность за предоставление Л. Дзянковскому работы была возложена на местную власть. Пока правительственные канцелярии были заняты писаниной, Дзянковский голодал.

Депеша департамента полиции представляет собой весьма интересный документ. Из ее содержания видно, что Л. Дзянковский был не рядовым членом Варшавского социал-революционного кружка, а являлся одним из его основателей. Исходя из этого, департамент полиции опасался, что Л. Дзянковский и в Ереване может оказывать влияние на окружающих и направлять их мысли против царского правительства¹⁵.

В том же 1881 году Л. Дзянковский вновь обратился с заявлением к кавказским властям. На этот раз он просил разрешить ему пересечь из Еревана в Тбилиси. Свои соображе-

¹³ ЦГИА Груз. ССР, фонд 5, дело 6612, лист 72.

¹⁴ Там же, лист 47.

¹⁵ Там же, лист 35.

ния он мотивировал тем, что в Тбилиси больше возможностей как для устройства на работу, так и для лечения.

Конечно, в центре Закавказья — Тбилиси имелось больше возможностей устроиться на работу и получить медицинскую помощь. Вместе с тем он тогда представлял широкую арену для установления связей с революционной общественностью. К тому времени в Тбилиси была создана вполне влиятельная народовольческая организация, которой руководили представители исполнительного комитета «Народной воли» — Анна Прибылева-Корба, Галина Чернявская, Сергей Дегаев и др. Для Л. Дзянковского не представляло бы большой трудности установить связи с тбилисскими революционерами. Нет сомнения, что у Дзянковского могло быть такое желание.

Власти Кавказа, которые имели большой опыт борьбы с революционерами, не смогли не разгадать тайные замыслы Л. Дзянковского, и наместник Кавказа не считал возможным перевести Л. Дзянковского в Тбилиси. Дзянковскому сообщили, что если он особенно заинтересован в перемене местожительства, то он может переехать в Елисаветполь¹⁶ (ныне город Кировабад Азербайджанской ССР).

Л. Дзянковский переехать отказался. Это еще раз подтверждает предположение о том, что он не просто стремился к перемене местожительства, но хотел переехать в Тбилиси, имея на это определенные конспиративные соображения.

Находящиеся в нашем распоряжении архивные материалы дают нам основание предполагать, что в Ереване Людвиг Дзянковский имел тайные связи с польскими революционерами, в частности со своими боевыми соратниками по Варшавскому кружку. На это указывает его фиктивный брак с революционеркой Софьей Константиновной Плосковицкой, которая 26 июня 1881 года приехала из Киева в Ереван. Она была активной участницей Варшавского социал-революционного кружка, одним из основателей которого являлся Л. Дзянковский. Софья Плосковицкая вместе с другими революционерами тоже привлекалась в Варшаве к следствию по делу означенного кружка в 1878 — 1879 гг., и ее дело тоже было разрешено в административном порядке. До лета 1881 г. она проживала в Киеве под надзором полиции, а 17 июня того же года выехала из Киева и 26 июня была уже в Ереване. По приезде в Ереван она встретилась с Людвигом Дзянковским и на следующий же день они повенчались в католической церкви в селении Сиачут, около Еревана¹⁷.

Чем можно объяснить столь поспешное бракосочетание? Пылкой любовью, или же конспиративными соображениями опытных революционеров? По нашему мнению, причиной этого брака надо считать именно соображения конспирации. Дело в том, что за Л. Дзянковским и С. Плосковицкой была установлена постоянная слежка, так как оба они находились под надзором полиции. Не говоря уже о Л. Дзянковском, каждый шаг которого был известен полиции, последняя тщательно

¹⁶ ЦГИА Груз. ССР, фонд 5, дело 6612, лист 42.

¹⁷ Там же, лист 40—41.

следила и за С. Плосковицкой после ее отъезда из Кисева. Дзянковский и Плосковицкая хорошо знали, что их встреча в Ереване не могла не привлечь внимания полиции. Самой правдоподобной причиной приезда С. Плосковицкой в Ереван и ее встречи с Л. Дзянковским мог быть фиктивный брак.

Здесь следует вспомнить, что подобные случаи имели место в практике русских революционеров в 60—70-х гг. прошлого века¹⁸.

Фиктивность брака Л. Дзянковского и С. Плосковицкой подтверждается и тем фактом, что новобрачная недолго оставалась со своим «мужем». В заявлении Л. Дзянковского на имя ереванского губернатора от 7 октября 1881 года, в котором он просил о снятии с него полицейского надзора, не упоминается о его жене С. Плосковицкой. А ведь С. Плосковицкая тоже находилась под надзором полиции, следовательно, и она тоже должна была быть избавлена от этого надзора, чтобы иметь возможность вместе с мужем выехать в любой город Российской империи.

Необходимо отметить, что в материалах нет ни единого упоминания о том, что славный сын польского народа Людвиг Дзянковский, или Николай Акимов склонили головы перед полицейским режимом царизма. Несмотря на моральное и материальное притеснение, они всегда сохраняли твердость духа. Дзянковский и Акимов влачили голодное существование, но никогда не просили у своих притеснителей денежной помощи. Они только требовали работы, чтобы своим трудом прокормить себя.

Тюрьмы, свирепый полицейский режим и голодное существование вконец сломили здоровье Людвиг Дзянковского. В результате тяжелой и продолжительной болезни, которая была частым уделом узников-революционеров в царской России, Людвиг Дзянковский скончался в Ереване¹⁹ 12 января 1882 года. Он не вернулся на свою любимую родину, к польскому народу, за освобождение которого отдал свою жизнь. Тело Людвиг Дзянковского навеки приняла земля армянского народа, который по злой воле истории пережил в прошлом много бед и страданий. К многочисленным бесследно исчезнувшим могилам сынов польского народа, боровшихся за свободу и счастье своей родины и нашедших последний приют на чужбине, прибавилась еще одна...

Хранители тайн истории — архивы пока еще полностью не раскрыли свои хранилища. Нет сомнения, что в будущем тщательные поиски и научная разработка дополнительно найденных исторических материалов помогут полнее осветить вопросы деятельности польских революционеров в Закавказье, а также картину революционной деятельности, которую со своей стороны вели в Польше передовые сыны грузинского, армянского и азербайджанского народов.

¹⁸ Известно, что в интересах революционной партии были устроены фиктивные браки между членами Всероссийской социал-революционной организации Александром Цицишвили и Александрой Хоржевской, Антимозом Гамкрелидзе и Екатериной Тумановой и др.

¹⁹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, дело 6612, лист. 58.

ПАМЯТИ

ЛАДО

ГУДИАШВИЛИ

БЕССМЕРТНОЕ

МНОГОЦВЕТЬЕ

Смерть Ладо Гудиашвили болью отозвалась в сердцах грузинских писателей. Художник всю свою жизнь дружил с ними. Его неизменными друзьями и первыми ценителями были поэты, и сам он, поэт по природе своей, до последних дней сохранил к ним любовь и привязанность. Поэты были рядом с ним, когда художнику приходилось нелегко, они были непременными посетителями его выставок и тогда, когда маститый художник пользовался всеобщим признанием и почетом.

В годы жизни за границей друзьями Ладо Гудиашвили были не только художники, но и поэты. Он всегда с любовью вспоминал о встречах с Андрэ Сальмоном и Маяковским.

Грузинская народная поэзия и мифология были основным источником вдохновения для Ладо Гудиашвили, а тбилисская богема Пиросманашвили и Гришашвили питала самую колоритную струю его творчества.

Он создал свой огромный и неповторимый мир, который населил сказочными дэвами и чертенятами, красавицами и рыцарями. В этот красочный мир он ввел и поэтов — Руставели и Гурамишвили, Сулхана-Саба Орбелиани и сказителя стихов об Арсене, приобщив их вместе с современными поэтами к участию в удивительном празднестве красок.

Древняя грузинская фреска и живой пейзаж Грузии, восточная миниатюра и западный модернизм своеобразно преломились в фантазии Ладо Гудиашвили, придав национальному характеру его творчества еще большую неповторимость.

Наделенный редчайшим чувством пластики, он передавал движение души и тела с такой экспрессией, которую мог увидеть и почувствовать только он — художник Ладо Гудиашвили, до конца жизни непосредственный и искренний, как ребенок. Скромность и нежность к людям были характерными его качествами, и они еще более очерчивали необыкновенный облик любимого всеми нами художника.

Гости нашей республики считали своим немым долгом посетить мастерскую Ладо Гудиашвили. Здесь они пополняли свои впечатления от поездки по нашей стране новыми ощущениями и красками.

Творчество Ладо Гудиашвили будет продолжать свою высокую, вечную жизнь, и величественный мир, созданный художником, будет покорять будущие поколения, говоря словами Руставели, «красотою несравненной».

Григол АБАШИДЗЕ

ТЕ МАРТОВСКИЕ ДНИ 1958 ГОДА

Была ранняя московская весна 1958 года. Весна как весна, какой она обыкновенно приходит в столицу из года в год. Серые низкие облака нависли над домами. Дворники старательно очищали тротуары и крыши от последнего рыхлого снега, который принес с собой вьюжный, снегопадный февраль. Но теперь это все было позади — середина марта, — и москвичи уже вдыхали воздух, с каждым днем все более наполнявшийся запахом талого снега и тревожащим душу чувством скорого обновления природы. Но думал ли в те дни я и мои друзья-студенты — будущие журналисты, филологи, искусствоведы, что эта весна принесет нам своеобразное духовное и эстетическое обновление.

На снимке (слева направо): Ю. Каминский, Л. Гудиашвили и Д. Арсенишвили. 1958 год.

В один из таких мартовских дней мы проходили по старинной московской улице — Кузнецкому мосту — мимо дома № 56, где с давних времен помещается выставочный зал Союза художников. По привычке, приставив ладони между лицом и стеклом, чтобы не было отсвета, мы заглянули в большие зеркальные окна, которые начинались почти от самого тротуара. В глубине помещения виднелись развешанные по стенам картины. Даже отсюда, с улицы, бросалась в глаза необычность очертаний рисунков и их колорита. У входа висела большая афиша «Выставка произведений Народного художника Грузинской ССР Ладо Гудиашвили». У нас было время, здоровое любопытство и интерес ко всему невиданному, и мы открыли дверь. Прошло уже более двадцати лет с того момента, когда я впервые соприкоснулся с творчеством Ладо Гудиашвили, но и сегодня еще очень остры и свежи впечатления от этого первого соприкосновения, от той атмосферы, которая царила в залах выставки.

Со стен на зрителя смотрели загадочные люди, герои неизвестных нам сюжетов, выполненные в непривычной, чаще всего условной, фресковой манере, в мощном, густоватом колорите масляных красок, в прозрачных, нежных и солнечных тонах гуаши и акварели, в филигранных, нитяных, почти кружевных контурах карандаша и туши. Необычность обстановки подчеркивалась какой-то напряженной и торжественной тишиной. Она ощущалась всем существом. Казалось, что здесь совершается какой-то таинственный и священный обряд. Я оглянулся. Посетителей было не очень много. Возможно потому, что выставка только недавно открылась и о ней еще знали немногие, а, может быть, и просто потому, что была середина обыкновенного буднего дня. Меня поразило, что посетители не двигались, застыв у полотен, и почти не разговаривали, даже не шептались. Я тут же поймал и себя на том, что стою перед первым на моем пути полотном (это было «Хаши»), стою уже много минут и боюсь каким-то неловким движением нарушить вдруг возникшую невидимую и необъяснимую связь с увиденным. Интересно, что это чувство, возникшее у человека однажды, об этом мне говорили многие, снова и снова посещает его и при последующих встречах с творчеством художника. Это сродни большому и неожиданному открытию. Наверное, в этом его главная чудодейственная сила, именно в том, сколько бы к нему не возвращаться впоследствии — это искусство всегда Большое, всегда Неожиданное и всегда Открытое.

Так было и в те дни. Москвичи — люди разных возрастов, профессий, эстетических взглядов и увлечений открывали для себя неведомый доселе мир творчества Ладо Гудиашвили. Он никого не оставлял равнодушным, поднимал на поверхность души человека все самое красивое, гуманное, человеческое, отражался в ней, как в зеркале, требовал живого отклика.

Мы приходили на выставку, которая становилась все многочисленнее, каждый день и почти каждый раз встречали на ней самого художника. О его присутствии всегда было нетрудно

догадаться по огромному скоплению людей в каком-нибудь из залов. Каждая встреча с художником превращалась в страстный диспут, в живой откровенный разговор об искусстве. Я точно помню состояние, охватившее нас, молодых, в те дни. Я бы назвал его праздничным и вдохновенно-приподнятым настроением духа. В лицах многих людей, приходивших тогда на Кузнецкий мост, можно было прочесть то же самое.

Сейчас трудно точно восстановить самый момент нашего личного знакомства с художником. Да и не в этом дело. Главное в том, что оно состоялось и не могло не произойти. Творчество Гудиашвили невозможно постигать, не имея представления о личности самого создателя. Это два компонента одного объемного понятия, это просто единое целое. Именно поэтому люди всегда тянутся к нему, увидев хотя бы один штрих, сделанный его рукой. Им нужно его слово, его жест, его мысли не как праздное любопытство, а как естественная необходимость. Я просто считаю себя счастливым и везучим человеком, потому что эта встреча произошла в период духовного становления. Все, что говорил он в беседах с нами и на выставке, и в номере гостиницы «Пекин», где остановился в ту пору, своим неторопливым и негромким голосом, было им пережито, проверено, выстрадано, а значимость сказанного подтвердилась его молодыми собеседниками позднее в самостоятельной работе. Говорил ли он о своем творчестве или об искусстве вообще, о Грузии, о России или Франции, вспоминал ли о Модильяни или Есенине, Пикассо или Маяковском — это был разговор о нашей будущей творческой биографии, о терпении, упорстве, честности в искусстве и жизни, о гражданственности и самобытности художника. Для нас это было отеческим напутствием в мир труда и свершений.

За прошедшие годы я неоднократно встречался с художником. Знакомое волнение охватывало меня каждый раз, когда я приближался к двухэтажному дому на тихой улице неподалеку от проспекта Руставели, где в большой гостиной витал тонкий запах красок, а со стен тебя окружали загадочные люди, герои неизвестных сюжетов. И я знаю, когда бы я ни пришел сюда, я всегда буду попадать в сказочный мир и как бы слышать неторопливый и негромкий голос седоголового, но нестигаемого под тяжестью лет человека. И буду смотреть и слушать. Внимательно, боясь пропустить хоть слово. Как и тогда, в те далекие и очень близкие мартовские дни.

Юрий КАМИНСКИЙ

Георгий ХОШТАРИЯ

ВОПРОСЫ ГЕНЕЗИСА ТВОРЧЕСТВА НИКО ПИРОСМАНАШВИЛИ

Вопрос истоков творчества Нико Пиросманашвили рассматривается почти всеми исследователями, отмечается его связь с определенными художественными явлениями настоящего и прошлого Грузии, а также культур соседних стран. Признание монументальных качеств живописи Н. Пиросманашвили, говорит, безусловно, о его связи с грузинской средневековой монументальной живописью.

Другая сторона его творчества, отмечаемая исследователями — народность, связь с народным мировосприятием. Это с одной стороны, связывают опять-таки с монументальными свойствами его живописи, с другой, с наивностью и непосредственностью — качествами, присущими художнику-самоучке. В этом плане все в большей или меньшей степени признают самобытность его художественных средств или, в крайнем случае, допускают возможность получения определенных навыков у местных тифлиских ремесленников.

Говорится также о стихийном восприятии художником приемов станковой масляной живописи, а главное — о синтезе станковых и монументальных начал в его творчестве. Особенно следует отметить высказывания Э. Кузнецова. Развивая мысль Т. Якулова: «Пиросманашвили — эпический монументальный художник. Его инстинкт разгадал ту монументальную живопись, к которой мучительно движется европейское искусство последних десятилетий». Э. Кузнецов пишет: «Уточняя эти слова, очевидно следует сказать, что Пиросманашвили осуществил тот синтез монументального и станкового, к которому тянулось новейшее искусство»¹.

Полностью разделяя взгляды исследователей творчества Пиросманашвили, мы считаем нужным уточнить и конкретизировать указанные истоки, характер их взаимодействия, и рассмотреть их во взаимосвязи с общей картиной становления новой грузинской живописи.

¹ Э. Кузнецов, Пиросмани, Ленинград, 1975, с. 118.

На протяжении всей истории культура Грузии, как страны Переднего Востока, складывалась в теснейшем контакте с культурами стран Древнего Востока, греко-эллинистического римского и византийского миров. В широком плане она сама принадлежала к этим большим регионам, для которых синтез восточных и западных культур был определяющим, чем-то само собой разумеющимся. Грузия обогащалась в контакте со странами, с народами этих регионов и сама своей материальной и духовной спецификой, наряду с другими странами, определяла его лицо. Особенно важными были для Грузии средние века, когда складывались своеобразие и характер ее искусства, в частности живописи.

Органичность развития грузинской культуры была прервана насильственным образом в XIII — XV веках. Татаро-монгольские нашествия в значительной степени подорвали материальные и духовные основы страны, а падение Византийской империи, изменившее лицо всего региона, сделало невозможным контакты с европейской культурой.

Новые веяния дают себя знать с XVIII в., когда Грузия устанавливает контакты с Россией. Войдя в начале XIX в. в состав Российской империи, Грузия не просто сохраняла свое физическое существование, а кардинально меняла ориентацию всей своей материальной и духовной культуры. В частности, она восстанавливала прерванные контакты с западным миром. Ситуация, однако, в это время была уже иной. Во-первых, Грузия заметно отстала от этого мира в социально-культурном развитии, и, во-вторых, это был уже не тот, близкий ей византийский мир. С XVII — XVIII вв. Россия уже тесно была связана с Западной Европой, менее близкой Грузии по культуре и духу. Перед страной встала задача освоения и переработки достижений нового мира, в который она попала, иначе она растворилась бы в нем, потеряв свое лицо и самобытность. Начался новый процесс синтеза. В живописи это выразилось в своеобразных контактах местных традиций с европейскими.

Процесс освоения европейской живописи длился с XVIII в. до десятых годов XX в. В свою очередь, в этом периоде резко выделяются два этапа, первый из которых завершился к восьмидесятым годам XIX в., а второй длился до десятых годов XX в. Освоение западноевропейской новой живописи происходит постепенно. На первом этапе местные художники работают лишь в области портрета, не проходя специального обучения в школах западноевропейского толка, по-своему перерабатывают станковую масляную живопись, в целом реалистического характера, по-разному совмещают ее с местными художественными традициями, идущими, с одной стороны, от средневековой монументальной живописи, а с другой — от восточного, иранского искусства¹. Естественно, что на первых по-

¹ Следует отметить, что определенные влияния западноевропейской живописи и переработки ее на местной основе наблюдаются и в искусстве других, соседних с Грузией стран, в частности Ирана; хотя в каждом отдельном случае процесс этот протекал индивидуально и приводил к различным результатам.

рах творчество этих художников носило несколько эклектичный характер. Этот эклектизм не был полностью изжит и тогда, когда сложилась т. н. «Тифлисская школа живописи». Ведущий художник этой школы Акоп Овнатаян работал в изысканно-миниатюрной и вместе с тем остро-характерной манере. С другой стороны, в творчестве неизвестного грузинского художника, написавшего в шестидесятых годах XIX в. семейный портрет Багратион-Мухранских, явно чувствуются традиции грузинской монументальной живописи (примечательно, что, согласно сведению, он же расписал церковь в Мухрани). Традиции эти сказались в фронтально развернутой композиции, в статуарности постановки фигур, в сглаженности индивидуальных черт, в непроработанности темных тональных пятен с их естественной глубиной в сочетании с более сложной светотеневой моделировкой. Таким образом, в этой работе наблюдаются элементы свойств, присущих творчеству Н. Пиросманашвили.

Пожалуй, еще ближе к нему по подходу — серия живописных образцов этнографического характера. На них изображены представители разных регионов Грузии и Кавказа, люди различных профессий. Так же, как у Н. Пиросманашвили, мы видим самостоятельное изображение во весь рост в «портретной композиции» не конкретной личности, а типа¹. И тут — сочетание местных традиций с интуитивно воспринятыми приемами реалистической станковой живописи: объемной или пространственной моделировкой, построением фигуры и т. д. Те же атрибуты, орудия труда или оружие.

Эти образцы ближе к творчеству Н. Пиросманашвили и характеризуются меньшей декоративной изысканностью, нежели это было присуще портретам «Тифлиской школы». В них больше наивности и элементов народного видения (особенно это касается I группы образцов).

И наконец, своеобразное преломление в творчестве художника нашел такой особый вид прикладного искусства, как вывеска и реклама, выполненные на простом ремесленном уровне.

С восьмидесятых годов XIX в. картина художественной жизни Грузии резко меняется. Появляется целая группа молодых художников, получивших образование в России и Западной Европе. Живопись их в целом развивается в том же русле, что и русская живопись последней четверти XIX века. В этом явлении была своя закономерность. В последней четверти XIX века, после отмены крепостного права, развитие капиталистических, буржуазных отношений в Грузии идет быстрыми темпами. Заметно усиливается и возрастает роль местной интеллигенции. Меняется само положение художника, его место в обществе. Он уже не является полуремесленником, связанным с пережитками средневековых традиций, он представитель интеллигенции, «просвещенного общества». Его уже не удовлетворяет полуусловная, связанная со старыми традициями жи-

¹ Следует отметить, что самостоятельное представление в «портретной композиции» типа имеет место и в т. н. иранском портрете.

вопись до восьмидесятых годов. С этого времени и к первому десятилетию XX в. заметную роль в художественной жизни страны играли такие художники, как Г. Габашвили, А. Мревлишвили, а с начала века М. Тоидзе, творчество которых никак не связано с предшествующей живописной традицией и развивается в общем русле европейской живописи. Как бы мы ни оценивали художественные достоинства живописи тех лет, мы не можем не отметить значительную роль этих художников в освоении станковой живописи и обогащении грузинской художественной действительности.

В это же самое время работал и Н. Пиросманашвили (очевидно, с конца XIX в.), живопись которого привлекла к себе внимание общественности только в 1912 г. Естественно, что на фоне отмеченной эволюции художественной жизни живопись Пиросманашвили казалась изолированным художественным явлением. В определенном смысле так оно и было — Н. Пиросманашвили сам создал свою художественную систему, был самоучкой, а его монументализм не имел параллелей в современной ему живописи. Но, рассматривая это явление в исторической перспективе, нельзя не увидеть определенную, закономерность в появлении этого художественного феномена.

Прежде всего, не следует забывать, что новая волна европеизации была делом двух-трех десятилетий, что средневековье было не далеким прошлым, а вчерашним днем и его культурные традиции были живучи. Еще совсем недавно художниками-полуремесленниками расписывались церкви, чеканились иконы (Пепу Меунаргия), и традиции монументальной живописи, пусть сильно измененные народным, ремесленным или примитивным подходом, дошли почти до конца XIX в. Почти все элементы, присущие живописи того периода, — элементы монументализма и в целом — более обобщенного видения, непосредственности, отсутствия строгой школы, определенный ремесленный подход, интуитивное восприятие приемов европейской станковой живописи — присущи и живописи Н. Пиросманашвили. В его творчестве отсутствует лишь одна характерная для предшествующего периода черта — восточный орнаментально-декоративный подход.

Нужно учесть и тот факт, что Пиросманашвили еще в восьмидесятых годах собирался вместе с Зашишвили открыть мастерскую по вывескам. Художник мог, по-видимому, воспринимать приемы масляной живописи, как в уже трансформированном виде, от местных мастеров, так и, в отдельных случаях, непосредственно от образцов европейской живописи. Во всяком случае, у нас есть пример непосредственного контакта художника с европейской живописью. Мы имеем в виду портрет Ираклия II, исполненный Н. Пиросманашвили на основе портрета царя, созданного приезжим европейским мастером. Н. Пиросманашвили в основном интересовали иконографические детали образа (черты лица, регалии, одежда, основные цветовые соотношения и т. д.). Но сама живопись, моделирование формы вследствие гораздо большего обобщения совершенно изменены.

Другое дело, степень развития Пиросманашвили тех начал, которые роднят его с художниками первого этапа новой

живописи. Насколько они выявлены и пригнаны друг к другу, т. е. насколько их слияние доходит до подлинного синтеза. Следовательно, уникальность Н. Пиросманашвили в том, что он продолжает традиции первой половины XIX в. в начале XX в. тогда как основная линия резко меняет ориентацию. Ясно, что художник оказывается в большей изоляции и доля самообразования, самостановления у него больше, чем у его предшественников, хотя возможностей непосредственного ознакомления с образцами станковой живописи, казалось бы, было больше.

Таким образом, можно уже очертить линии истоков Н. Пиросманашвили. Первая линия — это традиции средневековой монументальной живописи, вторая — видение народного характера в разных его проявлениях, третья — реклама, вывеска, четвертая — живопись западноевропейского происхождения. Как уже отмечалось, все они по-разному взаимодействовали друг с другом еще задолго до Н. Пиросманашвили, но существенная разница между Н. Пиросманашвили и его предшественниками заключается в том, что художественное видение Н. Пиросманашвили и созданная на его основе живописная система лишены эклектизма, в них осуществлен подлинный синтез разных художественных линий.

Следует хотя бы в самых общих чертах охарактеризовать художественные явления, лежащие в основу творчества Нико Пиросманашвили.

Станковая живопись и монументальная средневековая живопись классического периода (XI — XIII вв.) противостоят народной-наивной или ремесленной линии, как высокопрофессиональные сложные системы более простым и интуитивным или утилитарным явлениям искусства. С другой стороны, средневековое и народное (отчасти и вывеска) искусство противостоит станково-живописному большей обобщенностью видения, форм и, соответственно, монументальностью или во всяком случае лаконизмом.

Монументальное начало, безусловно, является важнейшей стороной картин Пиросманашвили. В его основе лежит последовательное во всех компонентах произведения обобщение. Оно является основным способом выражения значительности образа. При общем рассмотрении трудно различить, где монументальность, обобщенность исходят от народного и где — от средневековья. Дело осложняется тем, что народной живописи, в строгом смысле этого понятия, в Грузии нет, или не сохранилась. Имеются лишь художественные явления, близкие ей по духу. Так, памятники монументальной живописи позднего средневековья выявляют явные признаки народного видения, что связано с упадком профессиональной культуры и с расшатыванием средневековой живописной системы. Тем не менее, они не могут причисляться чисто к народному искусству, ибо сама по себе сложная задача росписи церковного интерьера и наличие определенных традиций, которые не могли быть полностью переработаны в народном духе, мешают этому.

Кроме того, имеются образцы настоящего изобразительного искусства, богатый, интересный материал, к сожалению, еще не освоенный искусствоведческой наукой, что затрудняет обоб-

щения. Это, в частности, надгробные плиты из деревянных кладбищ в Картли конца XIX и начала XIX вв., с изображениями отдельных фигур мужчин, женщин и детей. Безусловно, во всех отмеченных явлениях грузинского искусства есть много общего. Прежде всего, это экспрессивно выраженная значительность обобщенного образа. Экспрессия получена благодаря сильному обобщению, большими формами, плоскостями, дающими ощущение вневременности, серьезности и т. д.

Но сравнивая, даже в самом общем плане, росписи классического и позднего периода, нельзя не отметить отличия принципиального характера. Прежде всего, это видно в композиционных решениях росписей. Системность, строгий отбор, тектоника, четкое соотношение предмета изображения с фоном, четкость интервалов, акцентированность ритмики характерны для классического декора. Это касается как общего декора интерьера, так и отдельных сцен. Если вспомнить композиции Н. Пиросманашвили, нетрудно заметить, что по общему духу они ближе к классическому монументальному декору. Мы не касаемся вопроса, насколько непосредственно заимствованы им от предшественников эти черты построения, скорее всего художник использовал общие принципы: чувство плоскости, строгость построения и т. д. Но по целому ряду признаков Н. Пиросманашвили ближе к народному видению. Сравнивая, например, ктиторские портреты или изображения святых классической фрески с такого же рода изображениями поздних фресок, особенно с надгробными изображениями, мы видим, что при общей значительности классические изображения величественнее и отдаленнее. В поздних фресках особенность эта уменьшается, а в надгробных перед нами — тип простого чело- века. Это заметно в пропорциях, степени рафинированности, декоративном звучании компонентов художественного произведения, т. е. линий цветowych пятен, моделировки. В классическом декоре формально изобразительная сторона, выраженная в пластичности линий позы может быть выявлена гораздо сильнее, но в декоративно изысканной манере исполнения, в характере линий или пятен гораздо больше отвлекающей рациональности, «правильности». Целенаправленнее и деформация, дающая строгий статуарный эффект. Рельефы надгробия гораздо проще по исполнению, в них больше иррегулярности и в очертаниях линий и в сочетании отдельных частей. Кроме того, изображения при всей условности, в самых общих чертах передают, наряду с определенной значительностью, также и простоту образа.

Итак, в средних веках мы видим максимальную, чисто монументальную экспрессию духовного в облике изображаемого, а в надгробных, правда лишь намеком, прослеживается противопоставление: простой — значительный, конкретный — условный. Это и есть то самое народное начало, которое лежит в основе картин Пиросманашвили и принципиально отличает его монументальность от монументальности средневековья.

Живопись Н. Пиросманашвили, гораздо более развитая в жанрово-тематическом плане, в плане большого усиления кон-

трастов, сочетания более противоречивых начал, все-таки сохраняет такие черты народной структуры, как геометрическая и изобразительная иррегулярность. Тут же следует отметить и другое — элементы рекламы, вывески вносят своеобразный оттенок в картину Пиросманашвили. Для истинного художника ограничение, связанное с заказом, — это большая возможность выявить себя. Такие элементы рекламы, как броский показ нужного предмета, резкий контраст предмета с фоном, перешли и в произведениях художника, а лаконизм вывески в некоторой степени отразился и в его языке. Разумеется, это лишь нюансы. Между однозначностью рекламы и многогранностью живописи Пиросманашвили огромная разница. Различие в задачах и подходе к изображаемому прекрасно чувствовал и художник, работаая над вывеской или картиной.

Реалистическая станковая живопись к тому времени, когда она появилась в Грузии, была вполне сложившейся художественной системой. В основе ее художественного мировоззрения лежит признание эстетического, прекрасного в природе, воспринимаемых конкретно-визуально. Последнее определило максимальное развитие жанровой системы, складывание специальных приемов и средств, в частности масляной станково-живописной системы. Рациональное освоение пропорциональных соотношений, перспективы и анатомии, овладение тончайшей техникой тонального моделирования световоздушной среды, пространства и объема создавали возможность конкретно-объективного отражения визуально наблюдаемого мира, тонкой психологической характеристики.

Отмеченная живописная система при всех вариациях, отклонениях держалась без существенных изменений до 70—80-х годов XIX в., т. е. до импрессионистической и постимпрессионистической живописной реформы.

Нетрудно увидеть как существенную общность живописи Н. Пиросманашвили с европейской живописью, так и их принципиальные отличия.

Прежде всего общность проявляется в широком охвате жизненных явлений, в жанровом многообразии. Для картины Н. Пиросманашвили характерно наличие точных, типичных черт изображаемой реальности, событий; людей. Не случайно наиболее удачны те образы, в основе которых лежат хорошо знакомые художнику реальность, натура и особенно люди (исторические портреты явно уступают по своей жизненной силе типичным образам художника).

При всей условности формы Пиросманашвили умеет точно и живо, несколькими мазками воссоздать нужную форму. Разные блики, мягкая светотеневая градация типичны для его живописи. Чувство материала — клеенки или картона, его цвета и фактуры, свободный мазок масляной краски — свойства, без которых трудно представить произведения художника.

Отмеченные черты художественного мировосприятия и связанные с ним станковые живописные средства и приемы указывают на Н. Пиросманашвили, как на представителя новой (не средневековой) живописи. Однако при сопоставлении

живописи Н. Пиросманашвили с европейской станковой живописью нового времени прежде всего обращает на себя внимание явная ее упрощенность. Тут налицо трансформация станковой живописи на основе народного или ремесленного видения. Именно в этом плане можно говорить о Н. Пиросманашвили как о самоучке, трансформирующем уже сложившуюся живописную систему на свой, более наивный, упрощающий лад. Однако творческий метод Н. Пиросманашвили не исчерпывается этим, он гораздо шире. Как мы уже отметили, в народном подходе больше интуитивно-непосредственного и традиционно-монументального начала. В вывеске значительна броскость, рекламность, смелое «выставление» обыденно-простых, конкретных предметов (тифлисская вывеска XIX — начала XX вв. уже содержала в себе несколько лубочную вариацию масляной живописи). Все это содержало потенциальную возможность смелых гармонических противопоставлений. Именно их и развивает Нико Пиросманашвили, стремясь как к большей конкретности и станковизму, так и к монументализации, характерной для средневековья. Станковые, лубочно-ремесленные, народные и средневековые начала были в той или иной степени представлены в творчестве предшествующих Нико Пиросманашвили художников, но лишь он осуществил их настоящий синтез, имея более чистую народную основу. Станковыми и монументальными средствами он развил потенциальные возможности гармонических противопоставлений — конкретный — обобщенный, реальный — условный, простой — значительный и т. д., расширив тем самым диапазон трансформации, преобразования предмета.

Таким образом, видение художника в неразрывной гармонии сочетает упрощенность и интуитивность народного искусства с простой, но эффектной логикой вывески, живость и характерность станковизма, ее естественность, с условной, но строгой логикой средневекового монументализма.

Сильный, упрощающий отбор нивелирует многие существенные физические и духовные черты реальности (природы, людей, предметного мира и т. д.), но, акцентируя наиболее общие типические черты изображаемого, отмеченный отбор обостряет противопоставление реальных и условных начал. С одной стороны, характерные черты реальности — Грузии, Тифлиса рубежа XIX — XX вв., природы, людей, предметного мира и т. д. — выступают броско, наглядно и живо, но с другой — отбор настолько силен, организация же взаимосвязи настолько упрощенно-строга, что ее условность и сопровождающая деформация воспринимаются так же наглядно. В результате отмеченного отбора в картине господствуют упрощенные связи, начиная с социально-этических сюжетно-тематических взаимоотношений и кончая формальными — простые вертикали и горизонталы, плоский объем и как бы стиснутое пространство, глубина, простые цветовые взаимоотношения и т. д. Ощущение простоты усиливается иррегулярностью линий, очертаний природных форм, черт лица и фигуры и т. д. Но отмеченная упрощенность позволяет убедительно использовать возможности материала, а главное противопоставить в

гармонии природные и условные начала — их выразительные возможности, т. е. конкретность, характерность и отвлеченность, статику и динамику, плоскость и пространство

В целом отмеченные контрастные означения в картине сводятся к противопоставлению двоякого рода. Во-первых: изобразительного, конкретного и условного характера, когда в предмете изображения остро выражены как конкретизирующие, так и обобщающие тенденции, которые нагляднее воспринимаются в портретах - типах, а также в предметном мире, где преобразования в силу обобщения и деформации очень сильны. Образ как бы строится на сочетании в одном изображении двух типичных черт — простого, характерно-живого (дворник, ортачальская красавица, бутылки, бурдюки, муши и т. д.), а вместе с тем, условно передающего черты особой значимости (дворник, рыбак и бутылки предстают также монументально-значимыми).

Противопоставления другого рода связаны с простой, но четкой организацией чисто условного характера, мы имеем в виду плоскость, формат, линейное и цветовое членение картины, характер плоскостных форм и их организацию, выявленность самого материала (клеенки, картона), краски, мазка и т. д., то есть — противопоставление в восприятии между изобразительной и чисто условной организацией. Можно сказать, что картины Н. Пиросманашвили выделяются четкой выявленностью всех возможных противопоставлений, и все компоненты картины выявляют целенаправленность, полную художественную «логику» в проведении отмеченных противопоставлений. Эта «логичность» выглядит особенно наглядно на фоне интуитивности в передаче природных форм иррегулярности линий и сочленений, как бы «небрежности» в исполнении.

Композиция строится с учетом совершенно разных требований. Как правило, одни элементы композиции направлены на обозначение конкретной, другие — условно-монументальной постройки основного композиционного ядра. Их синтез дает значение целого, целенаправленность такого построения не может подлежать сомнению, не может случайно повторяться в большинстве картин. Например, подчеркивание в панно «Храмовый праздник в Болнис - хачине» плоскостного и пространственного разворота, в «Кахетинском эпизоде» — одновременно диагонального и фронтального разворотов, контрапостическое построение в «Натирморте с бутылками и кувшином» не может быть случайным (так же не случайно Н. Пиросманашвили изобразил одну группу птиц уменьшенными, а другую — без перспективного сокращения в «Ишачьем мосту», не случайно не нарисовал нижнюю часть тела и ноги под столом в «Кутеже молокан», черными — кисти рук в нижнем ряду в «Кутеже с кинто Датико Земеля», или же поместил актрису Маргариту в два взаимоопрокинутых треугольника, чтобы подчеркнуть одновременно подъем, воздушность и устойчивость фигуры). Другое дело, что при этой целенаправленности художник скорее руководствовался чувством, чем рациональным расчетом, но это вопрос уже из области психологии творчества. Наиболее просто, по-пиросманашвилевски

лаконично сочетание разных означений решается в фонах, особенно эффектны черные фоны. Пространство, так же как и объем, форма предметов, их строение, очертание и членение, всегда очень специфично. Прежде всего именно в последние чувствуется упрощенность и иррегулярность построения, но именно эта упрощенность позволяет сочетать плоскость и пространство или объем, т. е. вести к двузначности или многозначности их означений, позволяет сочетать и в пропорциях, и в специфичных очертаниях, и в характере пластики условные и реальные начала: ощущение материальности и дематериализации, конкретности пластичных форм и их условной ритмики, никогда не переходящей в сухость и навязчивость стилизации из-за индивидуальности и иррегулярности. Нико Пиросманашвили последователен в своем творчестве: обобщение формы, среды в его работах ведет и к обобщению их живописного моделирования, «валера». Когда живописная поверхность строится на сочетании черт локальности (отсюда четкость организации) и живописной градации и какой-либо цвет выступает объединяющим, наличествует градация ахроматичных — от черного к белому. Создается полуусловное ощущение некоторой светотеневой среды, пространства, хоть конкретной светотени нет. Кроме того, ахроматичные хорошо держат любой чистый цвет, способствуя простому и вместе с тем благородному сочетанию (т. е. опять тот же принцип «простой — значительный»). Цвет, таким образом, также находится на грани реальности и условности и, не допуская декоративного своеволия, легко дает возможность трансформации: реальный — ска-
зочный.

Все компоненты картины Н. Пиросманашвили являют собой четкое противопоставление разных означений, чему, вероятно, способствует синтез разных художественных начал. Схематизировать синтез разных начал можно следующим образом: в результате упрощения и деформации (народное видение) в образе обостряются противопоставления, контрасты (принцип вывески) между обозначениями, конкретизирующими (станковое начало) и дающими оценочное суждение, выраженное в условно-экспрессивных формах (средневековый монументализм). Разумеется, это лишь схема. Реальные взаимоотношения, перекрещения, сопоставления и контрасты гораздо сложнее.

И, наконец, итоговый результат художественного синтеза был бы не совсем правильно выявлен, очерчен, если мы не подчеркнем еще одно свойство картин художника, имеющих в основе определяющий исток несколько иного, общего характера.

В частности, упрощение формы, так же как любая ее трансформация, в изобразительном плане воспринимается как условность, как экспрессивно-выразительная сторона образа (экспрессия статики, дематериализация вневременности и т. д.). Но та же самая форма вне изобразительного плана может восприниматься как ясная и простая — в своих очертаниях, в сочетании частей в целом. Т. е. ясность и соразмерность в изобразительном и неизобразительном плане не одно и то же. В картинах Н. Пиросманашвили всегда есть острота ха-

рактёрности изобразительных форм в сочетании с экспрессивней условной, деформированной формы. Но острота эта всегда смягчается ощущением соразмерности и ясности чисто-плоскостной организации картины. Например, большинство композиций строится с равномерным размещением акцентов на плоскости, без их перекрещений и без резкого доминирования одной части над другой; фигуры также строятся из четких, простых частей; цвет своей локальной стороной также способствует отчетливому членению, что определяет ясное восприятие и части и целого.

Г. Н. Чубинашвили указывает, что архитектура Грузии при всех стилистических изменениях на всех ее этапах всегда сохраняет определенную ясность и соразмерность, чувство меры. По-видимому, это и есть то наиболее общее в ощущении формы, которое можно считать характерным для грузинского искусства. Ощущение это ярко выражено и в картинах П. Пиросманашвили.

И, наконец, творчество Н. Пиросманашвили является результатом и отражением более общего эпохального явления, сближения разных — западного и восточного — миров. В этом плане можно наблюдать поразительные параллели между языком Н. Пиросманашвили и языком западноевропейской новейшей живописи, начиная с постимпрессионизма. Но специфика творчества Н. Пиросманашвили, отличающая его от художников рубежа XIX — XX вв., как европейских, так и следующих за ним грузинских художников (Гудиаишвили, Какабадзе, Ахвледиани и т. д.), заключается в том, что художник не знал намеренных поисков. Если они шли от сложившейся станковой рациональной системы и затем более или менее удачно пытались трансформировать ее, то Н. Пиросманашвили прежде всего шел от народного видения, и основной принцип его картины уже был органично заложен в этом видении. Именно поэтому исключительно оригинальный художественный язык Н. Пиросманашвили звучит также исключительно органично.

«ПЛАМЕННЫЙ ПОТОК В ГРАНИТНОМ РУСЛЕ»

Юбилейная 110-я ленинская годовщина отмечена во всех ведущих театрах нашей столицы премьерными спектаклями. Этому же событию был посвящен и концерт с балетной премьерой — «Аппassionатой» Бетховена в постановке Народного артиста СССР, лауреата Ленинской и Государственных премий Вахтанга Чабукиани.

В начале этого года дирекция оперного театра обратилась к В. М. Чабукиани с предложением создать к ленинскому юбилею балет на музыку «Аппassionаты», столь любимой и ценимой Лениным. Прославленный хореограф с готовностью откликнулся на эту просьбу. По его признанию, музыка «Аппassionаты» всегда его волновала, вызывая глубокие раздумья и цепь зримых пластических ассоциаций. И вот теперь появилась возможность воплотить подспудно жившее представление о ее балетном парафразе.

«Пламенный поток в гранитном русле», — так выразил образно-структурную суть «Аппassionаты» Ромен Роллан. Определение это, как нам кажется, наиболее полно выражает и суть балетного перевоплощения сонаты Вахтангом Чабукиани. И дело не только в том, что на сцене эта метафора доподлинно реализована: огненной лавиной проносится воплощенная в танце третья часть сонаты — клокочет вихревая, трепещущая пластика дуэта в полыхающих одеяниях и в обрамлении пепельно-серых (гранитных!), с отблесками пламени, одежд кордебалета. Последний же, в свою очередь, будто приведен в движение именно этими отблесками, преломлением света, цветовой рефлексией. Это роллановское определение соотносится также с общим восприятием Вахтангом Чабукиани идейной концепции сонаты — и с ее диалектическим единством контрастирующих тем, и с ее формой — безукоризненно выверенной, и с ее симфонизмом — наиболее полным выражением принципов которого в области фортепианного творчества композитора она является.

В театрально-музыковедческой литературе бытовало аргументированное, казалось бы, мнение, что «Аппassionата» не может быть пересказана танцем (с ссылками при этом на не совсем удавшиеся постановки первой части В. Бурмейстером

и К. Сергеевым). Однако работа В. Чабукиани решительно отвергает такое представление. Достигнуто это тем **непредвзятым** отношением, которым отличается всегда подход В. Чабукиани к материалу — будь то литературный первоисточник или, как в данном случае, музыка. Такое отношение диктуется взглядом на работу с позиций сегодняшнего дня, отвергающим или проверяющим издавна установившиеся представления и догмы. Прослеживая логику постижения бетховенской сонаты, которой следовал балетмейстер, убеждаешься в закономерности его удачи. Еще в преддверии премьеры Вахтанг Михайлович пояснял, что в момент, когда ему предложили эту работу, его представления об «Аппассионате» были несколько иными, чем те, которые утвердились после углубленного вслушивания в нее. Если раньше, по памяти, она казалась, как он выразился, в переносном смысле «растрепанной», то первое, что обрадовало его — уже как постановщика, — редкая ее выстроенность, гармоничность, а поэтому и танцевальность, готовность принять «приглашение к танцу». Кроме этого и зафиксированные в литературе определения сонаты подверглись пересмотру — понятно, что современникам Бетховена эта музыка казалась «дикой», понятно, что и в последующие времена она волновала слушателей своей, как тогда казалось, неземной мощью. Однако поколениями людей, прошедших через такие уплотненно сосуществующие исторические катаклизмы, как революции, кровавые войны, атомные взрывы, космические навигации, — «Аппассионата» воспринимается с более уравновешенным вниманием, но, может быть, постигается даже и глубже, и истинней...

В соответствии с новым прочтением классической музыки новаторски строится и хореография, но в основе ее лежит классика. Музыка же в пластической интерпретации Чабукиани никогда не «используется» — она живет, раскрывается его пониманием, его постижением, обретает новую жизнь, вступает в инобытие. И тут музыкант-исполнитель (или дирижер) становится единомышленником хореографа и правомерным соучастником спектакля. Так запомнилось, в свое время, исполнение пианистом Р. Горелашвили Первого концерта Листа, поставленного Чабукиани, а теперь познаешь исполнительский стиль и манеру, яркое своеобразие игры Этери Анджапаридзе.

Чабукиани не навязывает «Аппассионате» условно-литературного сюжета, не предлагает конкретной поименности персонажей. Однако воплощение им данной, непрограммной, музыки не имеет ничего общего с бытующим в работах многих современных хореографов механическим отанцовыванием ритмов, которое выдается за новейшую (хотя и насчитывающую уже десятилетия) хореографию. Как известно, соната № 23 фа-минор, соч. 57 не самим композитором названа «Аппассионатой». Но то, что она так естественно и прочно обрела свое название, говорит о заложенной в ней реалистической основе человеческих чувств и переживаний, мыслей и идей, о предельной ясности и цельности их изложения. И в ленинском определении музыки «Аппассионаты» как «изумительной», «нечеловеческой» Чабукиани видит вдохновенное выражение именно

ее глубочайшей человеческой сути, ее высшей человечности и великого гуманизма.

Душа человека. Ее порывы, страсти, устремления зовут человека к постоянному борению с самим ли собой, с окружением ли — будь то природа, люди или события. Извечна человеческая устремленность к преодолению конфликта, извечна неутолимая жажда гармонии. Такая всечеловеческая воодушевленность и одухотворенность сонаты находит свое выражение и в хореопластике балета, и в облике его персонажей, абстрагированных от внешнего этнографически-бытового историзма. Заданность первой части сонаты — контрастность тем, повторность циклов (экспозиции, разработки, репризы, коды) — находит хореографический эквивалент в своего рода «гран па», поставленном на три ведущих дуэта. Но их появлению и возникновению драматургического действия предшествует как бы сценографическая увертюра — на каждый из трех первых тактов возникает в полной темноте световой луч, лежащий бликом на затемненную сценическую площадку. А затем каждый из этих лучей «выводит» и сопровождает «своих» героев. В сильных волевых прыжковых движениях первого из них (С. Терещенко) — наступательная мощь, во всей его пластике — целеустремленность, напряженность, сосредоточенность. Резким контрастом ему выступает нежнейший хрупкий пластический образ девушки-героини (Н. Аробелидзе). Ее лиричность, ее теплота призваны смягчить переживания героя, снять накал напряжения его страстей. И как завершение этого конфликтного состояния — застывшая мизансцена — приподнятые от земли на высоту корпуса их фигуры — друг против друга, глаза в глаза. В это же время другой луч уже выхватывает из тьмы второго героя (Н. Махатели). Драматизм его состояния, его мятущаяся душа и мятежность переданы множеством, в быстром темпе сменяемых, усложненных прыжков и верчений. Появление второй героини (С. Гочиашвили) — сопереживающей, подбадривающей, убеждающей — умиротворяет героя, и оба они, поникнув, замирают в успокоительных объятиях. Но вот последний луч высвечивает третью пару (Р. Абашидзе, З. Амонашвили). В их дуэте отголоски предыдущих конфликтов, но все движения, выражающие их взаимоотношения, — каждого в отдельности и общие в подержках, в мизансценах и т. д. — уравновешенной, определенной. Они не остаются поверженными. И даже более того — ими вновь вовлечены в действие две предыдущие пары. Горизонт просветляется и на его фоне ясно действо и гармонией веет от объединенного танца трех дуэтов. Действенностью общих устремлений героев заканчивается на высоком эмоциональном накале сценическая и музыкальная кода этой части. После наступившей ясности, завершающей предыдущее действие, естественно возникает гармоническая четкость и слаженность танца шести солистов. Эту ритмизованную пластику смягчает элегическая легкость вступающих затем шести солистов, а их общие одухотворенные вариации, (включающие и танцевальный образ этикетных приветствий), при всей технической сложности, тяготеют к уравновешенной чистоте линий, к классичности. Но временная незамутненность

и невозмутимость сметаются врывающимся сразу же, без какого-либо перерыва, огненным — буквально — финалом. Однако человека и человеческое не так просто победить и покорить. Единоборство, намеченное в первой части, здесь обретает небывалую мощь. Героям противостоят олицетворенная в сложнейшем дуэте (А. Абесадзе, Н. Магалашвили), пылающе-страстная, мятущаяся стихия. Пространство испепеляют то вихревой большой пируэт, то взметенные, сильные прыжки, из которых заключительный завершается мощным, с поворотом корпуса в воздухе, приземлением на колено героя, то властно-взмывающая, взвихренная череда движений героини. В борьбе с этой стихией закаляются и укрепляются душой ведущие герои. Танцевальная пластика последних получает здесь как бы новый заряд энергии — собранную мужественность, непреклонность, непоколебимость. И как утверждение себя, своей нравственной правоты и сплоченной силы героев — единовременный жест утверждения — жест реалистически ясный, понятный, но в немном полыхании противоборствующих страстей получающий и некий символический, почти магический смысл. Завершает балет сцена единения всех действующих сил — стихий, судеб, лиц — устремленных общим потоком диагональю, который заполнил всю сцену, вобрал все краски, все линии, всю разнохарактерность движений и как бы замер, подчеркнув свою неиссякаемую внутреннюю потенцию. Так явлена и утверждена в этом балете идея торжества Человека, достойного единоборца с Жизнью, с Судьбой.

Мы уже говорили о музыкантах, занятых в работах В. Чабукиани, как о полноправных участниках спектакля. В равной мере это относится и к художникам в его постановках, каковым в данном случае является заслуженный художник Грузинской ССР М. Малазония. И наши скромные попытки хоть как-то наметить образ спектакля во многом опирались и на выраженные в его действительной сценографии принципы. А если вернуться к вопросу о новаторстве Вахтанга Чабукиани, то уместно вспомнить слова, сказанные им на заре своей балетмейстерской деятельности, но ставшие первейшей заповедью всей его творческой жизни: «Если танец в балете, который я буду ставить, будет насыщен мыслью и содержанием, тогда форма сама придет». Это было сказано во время работы над «Сердцем гор» в 1937 году, а через два года, в дни выпуска «Лауренсии», эта же мысль, углубленная и развитая, прозвучит еще раз: «Вовсе не важно, будут ли танцы классические, акробатические или характерные — форма придет от содержания». Так было всегда. На этот раз мы напомним лишь о формальных приемах, «продиктованных содержанием», которые были найдены в более ранних балетах В. Чабукиани и оказались творчески развитыми и в данном случае. В этом смысле «Аппассионата» подтвердила плодотворность так называемого «звездного акта» в «Демоне» и принципов, легших в основу балетного перевыражения Первого фортепианного концерта и, особенно, «Прелюдов» Листа в «Поэме-балете». Не всеми понятые в те годы, эти решения и принципы во многом определили триумф «Аппассионаты», явившейся достой-

ным откликом на ленинский юбилей. Таким образом «Аппассионата» увенчала линию малых балетных форм в творчестве В. Чабукиани, так же как «Гамлет» и «Отелло» выделялись среди вершинных достижений выдающегося хореографа в жанре «полнометражных» произведений балета.

«Аппассионата» Чабукиани — это пример, образец того, как надо хореографу интерпретировать и воплощать не предназначенную для балета инструментальную или симфоническую музыку, музыку непрограммную, воплощать не так, как это делалось, так сказать, «танцсимфонистами», не «отанцовыванием» ритмов сочинения и пластическим комментированием его структуры, а исходя из его образно-эмоционального строя, из его духовно-философского склада. Новое творение Чабукиани именно таково; это одновременно и вечно-бетховеновское творение, и произведение истинно современное, открывающее путь к будущим свершениям.

В восторженном воодушевлении, с которым был принят зрителями спектакль, выразилась достойная оценка работы всего творческого коллектива, занятого в нем во главе с его создателем. А среди зрителей был и гость из Москвы — доктор физико-математических наук Сергей Петрович Капица, которого миллионы телезрителей знают как ведущего программному передач «Очевидное — невероятное». Мы его спросили о впечатлении, произведенном на него спектаклем, когда он еще аплодировал исполнителям, и реакция его на наш вопрос была самой непосредственной и искренней: «Это здорово! Это замечательно!» — и чуть помедлив: — «Необыкновенное, удивительно интересное прочтение музыки! Значит, живо еще искусство балета, и не растворилось в музыке, и не поработило ее! Какая сила!.. Воистину и здесь невероятное — очевидно!..» И вновь ожила в памяти в применении ко всему увиденному и услышанному чеканная формула Ромена Роллана: «Пламенный поток в гранитном русле».

ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЙ ДАТЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ

В ТБИЛИСИ под председательством заместителя Председателя Совета Министров Грузинской ССР О. Черкезия состоялось заседание юбилейной комиссии по ознаменованию 275-летия со дня рождения великого грузинского поэта, пламенного певца дружбы народов Давида Гурамишвили.

О. Черкезия рассказал о ходе подготовительной работы, которую проводит Всесоюзная юбилейная комиссия под председательством А. Суркова. 20 октября в Колонном зале Дома Союзов столицы нашей Родины состоится юбилейный вечер, а на следующий день, в Доме литераторов — большой вечер поэзии.

Были заслушаны информации о выполнении мероприятий, намеченных Республиканской юбилейной комиссией. Среди выступивших были члены комиссии Г. Абашидзе, Г. Цицишвили, С. Цаишвили, А. Двалишвили, Н. Гурешидзе, И. Нонешвили, Г. Жоржолиани, заместитель председателя Госкомиздата Грузии Э. Сихарулидзе, первый заместитель председателя Гостелерадио республики А. Санеб-

лидзе, председатель Главной редакционной коллегии по делам художественного перевода и литературным взаимосвязям при Союзе писателей Грузии О. Нодия, секретарь правления Союза художников Грузии Э. Санадирадзе и другие.

Знаменательной дате издательство «Сабчота Сакартвело» посвящает ряд интересных изданий. Читатели получают академическое издание поэмы «Давитиани», стихи Давида Гурамишвили на грузинском и русском языках, монографию «Психологический портрет Давида Гурамишвили» В. Норакидзе.

Будут выпущены монография «Давид Гурамишвили» Г. Натрошвили и Г. Джибладзе, поэтический сборник произведений, посвященных Д. Гурамишвили.

Подарочное издание «Давитиани» готовит издательство «Хеловнеба».

Ведутся большие реставрационные работы в мемориальных местах Сагурамо и Ламискана.

Большая экспозиция, посвященная жизни и творческому наследию поэта, будет экспонироваться в Музее дружбы народов Академии наук республики.

К юбилею будут выпущены плакаты, почтовые марки, портреты, медали, посвященные Д. Гурамишвили.

Была также утверждена программа юбилейных торжеств в Грузии. Они начнутся 11 октября объединенной научной сессией Союза писателей республики, Академии наук Грузии и Тбилисского государственного университета. Участники юбилейных торжеств побывают на родине поэта в Сагурамо, примут участие в народном празднике «Гурамишвилоба» в Ламискана и вечере поэзии в Сурами.

Завершатся торжества юбилейным вечером в Тбилисском государственном академическом театре оперы и балета имени З. Палиашвили.

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ Юго-Осетинской автономной области торжественно отметила 80-летие со дня рождения известного ученого-ираниста Василия Абаева.

Юбилейный вечер, посвященный этой дате, вступительным словом открыл директор юго-осетинского научно-исследовательского института Академии наук Грузинской ССР, доктор исторических наук Б. Техов.

О большом вкладе учено-

го в науку, в развитие культуры на вечере говорили доктор филологических наук, писатель Н. Джусойты, академик Академии наук Грузинской ССР Ш. Дзидзигури, заместитель директора Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы и истории имени Д. Гулиа Академии наук республики Ш. Инал-Ипа и др.

На юбилейном вечере присутствовали кандидат в члены бюро ЦК КП Грузии Ф. Санакоев, президент Академии наук Грузинской ССР Е. Харадзе.

ВЫСТАВКА ГРУЗИНСКОЙ КНИГИ

С БОЛЬШИМ успехом прошла в Вильнюсской республиканской библиотеке выставка грузинской книги.

В состав экспозиции вошли общественно-политическая, художественная, научно-популярная, детская литература, книги по искусству.

Особый интерес вызвал раздел экспозиции, в котором были представлены произведения грузинских авторов, переведенные на литовский язык. За последние годы в Литве издано свыше сорока произведений грузинских писателей, поэтические сборники, пользующиеся популярностью у читателей республики.

АБАШИДЗЕ Мераб Кайхосрович. Род. в 1950 г. Окончил Тбилисский мединститут. Печататься начал в 1970 г. Автор стихов и сборника рассказов. В июльском номере нашего журнала за 1978 год напечатан его рассказ «Факелы, Квазимодо!».

ДУМБАДЗЕ Этери Александровна. Окончила Литературный институт имени Горького. Автор многочисленных статей по вопросам балета, театра и кино и повести «Клянусь мечом и правым боем», опубликованной в альманахе «Дом под чинарами» в 1975 году. Соавтор книги «Искусство слова. Слово об искусстве» («Мерани», 1979 г.).

КАМИНСКИЙ Юрий Аркадьевич. Род. в 1941 г. Член Союза журналистов СССР. Печататься в периодической печати начал с 1960 г. Автор статей по изобразительному и киноискусству. В течение ряда лет публикует материалы по истории изучения и освоения Арктики и Антарктиды.

КАЛАНДАДЗЕ Александр Павлович. Род. в 1916 г. Профессор, доктор филологических наук. Печатается с 1931 г. Автор повести «Дни в Брестской крепости», романов, из которых три переведены

на русский язык, а также работ по критике, литературоведению и истории журналистики.

САЛУКВАДЗЕ Анзор Сергеевич. Род. в 1932 г. Поэт, кинодраматург. Печатается с 1957 года. Первые стихи были опубликованы в журнале «Цискари». В 1973 г. в издательстве «Мерани» вышла его книга «Стихи и поэмы». Стихи А. Салуквадзе переводились на языки народов СССР, а также на польский язык.

СЕМЕНОВА Светлана Григорьевна. Закончила филологический факультет Московского государственного университета и аспирантуру при Литературном институте имени М. Горького. Кандидат филологических наук. Автор около двадцати научных работ по проблемам русской и зарубежной литературы и философско-эстетической мысли.

СТУРУА Георгий Дэвович. Род. в 1955 г. Окончил Московский государственный институт международных отношений МИД СССР. Аспирант кафедры Истории международных отношений и внешней политики СССР МГИМО МИД. Специализируется в области внешнеполитических проблем.

ФЕЙГИН Эммануил Абрамович. Прозаик. Род. в 1913 г. Учился на литературном факультете. Ветеран войны. Печатается с 1932 года. Автор прозаических произведений «Синее на желтом», «Бульдоги Лапшина», «Обида Егора Грачева», «Тбилиси, предвечернее небо» и др., а также переводов на русский язык целого ряда произведений грузинской литературы.

ХОШТАРИЯ Георгий Мефодиевич. Род. в 1938 г. Искусствовед. Младший научный сотрудник Института истории грузинского искусства. Занимается в основном проблемами новой и новейшей грузинской живописи (XIX—XX вв.), которым посвящен ряд его работ.

ШАНИДЗЕ Александр Илларионович. Род. в 1907 г. Поэт. Заслуженный деятель культуры Грузии. Первый сборник его стихов был напечатан в 1928 г. Автор более тридцати книг. Многие стихи А. Шанидзе переложены на музыку. В связи с семидесятилетием поэта вышел в свет сборник его стихов «Волшебный камень».

ШВЕЛИДЗЕ Захарий Лаврентьевич. Род. в 1923 г. Профессор, доктор исторических наук. Автор 75 научных трудов, из них 12 — монографических. Ветеран войны и освоения целины. Член Союза журналистов СССР. Его очерки, рецензии публикуются в республиканской и союзной прессе.

ფ. 21/10

**КОНТРОЛЬНЫЕ
ЭКЗЕМПЛЯРЫ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гурам АСАТИАНИ (главный редактор),

**Заза АБЗИАНИДЗЕ, Реваз АСАЕВ, Хута ГАГУА, Алекс-
сей ГОГУА, Гурам ДОЧАНАШВИЛИ, Эдуард ЕЛИГУЛА-
ШВИЛИ, Марк ЗЛАТКИН, Натела КАРАШВИЛИ (ответст-
венный секретарь), Эмзар КВИТАИШВИЛИ, Георгий МАРГ-
ВЕЛАШВИЛИ, Владимир МАЧАВАРИАНИ, Отар НОДИЯ,
Лия СТУРУА, Эммануил ФЕЙГИН, Гурам ХАРАИДЗЕ (за-
меститель главного редактора), Георгий ЦИЦИШВИЛИ.**

НАШ АДРЕС: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5

ТЕЛЕФОНЫ:

**Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редакто-
ра — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, прием-
ная — 99-06-59, отдел прозы — 93-31-43, отдел поэзии и ис-
кусств — 93-31-43, отдел критики и литературоведения —
93-65-19, отдел публицистики и очерка — 93-65-19.**

На первой странице обложки: Репродукция с картины Ладო
Гудиашвили «Рыба-цоцхали» (1920 год).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

„ლიტერატურული კრებული“

— უველელოური ლიტერატურულ-მხატვრული და საზოგადოებრივ
პოლიტიკური ეურნალი (რუსულ ენაზე)

პაგოფი 1957 წლის იანვარიდან. № 9 საქმეგერი, 1980 წ.

Сдано в набор 4 августа 1980 г. Подписано к печати 22 сентября
1980 года. 7 печ. листов, усл. листов 11,76. Формат

84x108¹/₃₂

Заказ 2190

Тираж 10.000

УЭ 08586

საქართველოს
საქართველოს

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

«НАУКА»

Сванидзе А. «Средневековый город и рынок в Швеции. XIII — XV вв.» Москва, 1980. 360 с. 1.700 экз. 3 р. 60 к.

«МЕРАНИ»

Когошвили Л. «Пантера» и Марух-Баши». Очерк. Рассказы. Зарисовки. Пер. с груз. Тбилиси, 1980. 137 с. 5.000 экз. 60 к.

«ХЕЛОВНЕБА»

Сакварелидзе Т., Алибегашвили Г. «Грузинские чеканные и живописные иконы». Альбом. Тбилиси, 1980. 169 с. с ил. 10.000 экз., 10 р. 80 к. — Текст на груз. яз.

«МЕЦНИЕРЕБА»

Дарсалия В. «Абхазская проза 20 — 60-х годов». Тбилиси, 1980. 174 с. 1.000 экз. 1 р. 15 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТБИЛИССКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Нуцубидзе Ш. (К 90-летию со дня рождения). Статьи. Тбилиси, 1980. 228 с. 1.000 экз. 1 р. 60 к.

«АЛАШАРА»

«Абхазские рассказы». Переводы. Сост. А. Аншба и Т. Чаниа. Сухуми, 1980. 222 с. 50.000 экз. 1 р. 10 к.

